

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

3

Выпуск (884)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

3
Issue (884)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 3 (884)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Г. Г. БОНДАРЧУК

Зам. главного редактора
Е. И. КАРПЕНКО

доктор филологических наук, профессор

кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Беляков Д. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Бондарев А. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Бубнова Г. И.	доктор филологических наук, профессор (МГУ имени М. В. Ломоносова)
Воробьев В. В.	доктор филологических наук, профессор (РУДН)
Ганин В. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Глушак В. М.	доктор филологических наук, профессор (МГИМО(У) МИД РФ)
Голубина К. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Голубкова Е. Е.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Гусейнова И. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Евтушенко О. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Егорова О. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Захари Михайлов Захариев	доктор исторических наук, профессор (Болгария)
Захарова Н. В.	кандидат филологических наук (Институт мировой литературы имени А. М. Горького (ИМЛИ) РАН)
Зусман В. Г.	доктор филологических наук, профессор (НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде)
Ирисханова О. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Косиченко Е. Ф.	доктор филологических наук, доцент (НИУ МЭИ)
Космарская И. В.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Краева И. А.	кандидат филологических наук, доцент (МГЛУ)
Кузнецов В. Г.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Малыгина И. В.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Осьминина Е. А.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Порохницкая Л. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Потапова Р. К.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Семина И. А.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Силантьев Р. А.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Сомова Е. В.	доктор филологических наук, доцент (МПГУ)
Сорокина Т. С.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Толкачев С. П.	доктор филологических наук, профессор (МГЛУ)
Травников С. Н.	доктор филологических наук, профессор (Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина)
Трыков В. П.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Харитончик З. А.	доктор филологических наук, профессор (Минский государственный лингвистический университет, Беларусь)
Хитина М. В.	доктор филологических наук, доцент (МГЛУ)
Ченки А. Д.	доктор филологических наук, профессор (Vrije Universiteit, Нидерланды; МГЛУ)
Черноземова Е. Н.	доктор филологических наук, профессор (МПГУ)
Янулевичене В.	доктор филологических наук, профессор (Университет им. Миколаса Ромериса, Вильнюс, Литва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 3 (884)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief

GALINA G. BONDARCHUK

Doctor of Philology, Professor

Deputy Chief Editor

ELENA I. KARPENKO

PhD in Philology

EDITORIAL BOARD

Belyakov D. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Bondarev A. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Bubnova G. I.	Doctor of Philology, Professor (MSU)
Vorobiov V. V.	Doctor of Philology, Professor (RUDN)
Ganin V. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Glushak V. M.	Doctor of Philology, Professor (MGIMO)
Golubina K. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Golubkova E. E.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Guseinova I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Yevtushenko O. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Egorova O. G.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Zahari Zahariev	Doctor of History, Professor (Bulgaria)
Zakharova N. V.	PhD in Philology, Leading Researcher (IMLI)
Zusman V. G.	Doctor of Philology, Professor (NRU "Higher School of Economics" in Nizhny Novgorod)
Iriskhanova O. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Kosichenko E. F.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPEI)
Kosmarskaya I. V.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kraeva I. A.	PhD in Philology, Associate Professor (MSLU)
Kuznetsov G. V.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Malygina I. V.	Doctor of Philosophy, Professor (MSLU)
Osmnina E. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Porokhnitskaya L. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Potapova R. K.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Semina I. A.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Silantiev A. N.	Doctor of History (MSLU)
Somova E. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MPSU)
Sorokina T. S.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Tolkachev S. P.	Doctor of Philology, Professor (MSLU)
Travnikov S. N.	Doctor of Philology, Professor (Pushkin State Institute of the Russian Language)
Trykov V. P.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Kharitonchik Z. A.	Doctor of Philology, Professor (MinSLU, Republic of Belarus)
Khitina M. V.	Doctor of Philology, Associate Professor (MSLU)
Cienki A. J.	Doctor of Philology, Professor (VU, Amsterdam; MSLU)
Chernozemova E. N.	Doctor of Philology, Professor (MPSU)
Januliviciene V.	Doctor of Philology, Professor (M. Romeris University, Vilnius, Lithuania)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Теоретико-методологическая основа исследований онтогенеза речи во французской лингвистике БАРИНОВА П. С.	9
Теория перевода в современном Китае: направления исследований ВАН СЫЮАНЬ	17
Нормирование миноритарных языков: конфликт традиционных носителей и новых говорящих ГЕРМАНОВА Н. Н.	25
Блеск и нищета интерпретации: Х. Штайнталь и «достроенный Гумбольдт» РАДЧЕНКО О. А., АЛИКАЕВ Р. С.	33
Категории лингвистического переводоведения в концепции А. Д. Швейцера: элиминировать или применять? ХУХУНИ Г. Т., ВАЛУЙЦЕВА И. И.	41

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Психологически актуальное содержание ценности «доверие» как лингвистическая база исследования «культуры доверия» АДАМОВА З. Г.	48
Обнаружение этнокультурной специфики социума (на материале ассоциативных полей русских, немцев, австрийцев) БАРАНОВ Ю. В.	55
Актуальность личностных ценностей в сознании китайцев: на примере ценности 友善 / дружелюбие ДУБКОВА О. В.	63
Факторы, обуславливающие эмерджентность понимания (поликодового) текста. Часть 1 ПИЩАЛЬНИКОВА В. А.	70

ПОЛИМОДАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Конструирование пространственных отношений в научно-популярном документальном кинодискурсе ОВАГИМЯН Н. А.	79
О вербальной, пара- и экстравербальной коммуникации (восприятие американского и британского вариантов английского языка носителями русского языка). Часть 2 ПОТАПОВА Р. К., ПОТАПОВ В. В.	86

СОДЕРЖАНИЕ

Эвфемизация и рассогласование как дискурсивные стратегии комедийного кино СЕРОЗЕЕВА Д. Н.	95
---	----

Соотношение слухового и зрительного восприятия монгольского вокализма ГАНБААТАР ЦЭНД-АЮУШ	103
--	-----

ЛЕКСИКА И ГРАММАТИКА

Разграничение понятий «специальная лексика» / “专业词汇” и «термин» / “术语” в русской и китайской лингвистике ВАН ЛУ	109
--	-----

Именные формы глагола как активатор видовой отнесенности в нидерландском языке ДРЕНЯСОВА Т. Н.	115
--	-----

Юмор как традиция: современные тенденции развития британского ономастикона КОСИЧЕНКО Е. Ф.	123
--	-----

Мотивация и проблема выбора во вторичной номинации ПЕТРАКОВА Ю. И.	130
--	-----

Фразеологизмы с компонентом голова в китайском и русском языках ЧЭНЬ СЫФАНЬ	137
--	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Кот как лакмусовая бумажка: К вопросу об образах животных в русской словесности РАРЕНКО М. Б.	145
---	-----

Художественное пространство и художественное время в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» ЩУКИНА Ж. В.	151
---	-----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Образный язык фарфора как средство пропаганды культурных доминант (опыт Советского Союза в формировании привлекательного имиджа Арктики) ЛУКЪЯНЕНКО Е. В.	155
--	-----

Образ материнства как архетипический элемент православия в художественной культуре Советской России СЕРГЕЕВА Е. С.	163
---	-----

LINGUISTICS

LINGUISTIC TRADITIONS IN RUSSIA AND ABROAD: HISTORY AND MODERNITY

An Insight into a Theoretical and Methodological Framework of Research on Speech Ontogeny in French Linguistics BARINOVA P. S.	9
Translation Theory in Contemporary China: Research Directions SIYUAN WANG	17
Standardizing Minority Languages: Conflict between Traditional and New Speakers GUERMANOVA N. N.	25
The Splendors and Miseries of Interpretation: H. Steinthal and the “Completed Humboldt” RADCHENKO O. A., ALIKAEV R. S.	33
Categories of Linguistic Translation Studies in A. D. Shweitzer’s Conception: to Eliminate or to Apply? KHUKHUNI G. T., VALUYTSEVA I. I.	41

PSYCHOLINGUISTICS

Actual Psychological Meaning of the Value «Trust»: Experimental Study of «Culture of Trust» ADAMOVA ZOYA G.	48
The discovery of the ethnocultural specifics of society (based on the material of the associative fields of Russians, Germans, Austrians) BARANOV YU.V.	55
The Relevance of Personal Values in the Minds of the Chinese: Using the Example of the Value 友善 / Friendliness DUBKOVA O. V.	63
The Factors Determining the “Emergence” of Understanding of a (Polycode) Text. Part 1 PISHCHALNIKOVA V. A.	70

POLYMODAL RESEARCH

Relational Space Construal in the Cinematic Discourse of Science Documentaries OVAGIMIAN N. A.	79
On Verbal, Para- and Extraverbal Communication (perception of American English and British English by Russian subjects). Part 2 POTAPOVA R. K., POTAPOV V. V.	86
Euphemisation and Incongruity as the Discourse Strategies in Cinematic Comedies SEROZEEVA D. N.	95

CONTENTS

Relationship between Auditory and Visual Perception in Mongolian Vocalism TSEND-AYUSH GANBAATAR.....	103
---	-----

VOCABULARY AND GRAMMAR

Distinguishing the Concepts of “Special Lexicon”/“专业词汇” and “Term”/“术语” in Russian and Chinese Linguistics LU WANG	109
--	-----

Non – Finite Verbal Forms as an Activator of the Aspectual Reference in the Dutch Language DRENYASOVA T. N.	115
---	-----

Humour as a Tradition: Current Trends in the British Onomasticon KOSICHENKO E. F.	123
---	-----

Motivation and Problem of Choice in Secondary Naming PETRAKOVA J. I.	130
--	-----

Phraseological Units with the Component Head in Chinese and Russian SIFAN CHEN	137
---	-----

LITERARY STUDIES

The Cat as a Litmus Test: On Animal Images in the Russian Literature RARENKO M. B.	145
--	-----

Artistic Space and Artistic Time in V. Y. Brusov’s Novel “The Fiery Angel” SHCHUKINA Z. V.	151
--	-----

CULTUROLOGY

Figurative Language of Porcelain as an Instrument of Cultural Propaganda (the experience of the Soviet Union in the creation of an attractive image of the Arctic) LUKYANENKO E. V.	155
--	-----

The Image of Motherhood as an Archetypical Element of Orthodoxy in the Artistic Culture of Soviet Russia SERGEEVA E. S.	163
--	-----

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научная статья
УДК 81'23

Теоретико-методологическая основа исследований онтогенеза речи во французской лингвистике

П. С. Барина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
vishenka-polly@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен обзор теоретико-методологических оснований исследования онтогенеза речи во французской психолингвистике. Материалом послужила серия работ французских и зарубежных лингвистов, психологов, психолингвистов, оказавших влияние на формирование исследуемой проблематики во французской науке. Результатом исследования является аналитическое представление основных гипотез формирования у ребенка речи и их развитие во французской психолингвистике.

Ключевые слова: французская психолингвистика, онтогенез речи, нативизм, порождающая грамматика, функционализм, интеракционизм

Для цитирования: Барина П. С. Теоретико-методологическая основа исследований онтогенеза речи во французской лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 9–16.

Original article

An Insight into a Theoretical and Methodological Framework of Research on Speech Ontogeny in French Linguistics

Polina S. Barinova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
vishenka-polly@mail.ru*

Abstract. The article describes the theoretical and methodological foundations of the study of speech ontogenesis in French psycholinguistics. The articles of French and international linguists, psychologists and psycholinguists which had an impact on the genesis of these problems in French science serve as research material. The paper gives an analytical representation of the main hypotheses explaining child speech formation and their development in French psycholinguistics.

Keywords: French psycholinguistics, child language acquisition, nativism, generative grammar, functionalism, interactionism

For citation: Barinova, P. S. (2024). An insight into a theoretical and methodological framework of research on speech ontogeny in French linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 9–16.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы обуславливается необходимостью создания системной картины развития французской психолингвистики в целом и онтогенеза речи как одного из ее направлений. Кроме того, онтогенез речи исследуется специалистами многих смежных областей (психологами В. Лаваль, О. Жакоб, О. Брюне, И. Лезин, лингвистами О. Дюкро, Ж.-К. Ансомбром, Ф. Франсуа, психолингвистами Б. Буассон-Барди, Р. Плас, Ж. Бернико, М. Кэль, и др.), являясь междисциплинарным объектом научного исследования. В условиях развития междисциплинарности как специфической методологии познания он представляет особый научный интерес.

Цель статьи – выявить теоретико-методологические основания исследования онтогенеза речи как направления французской психолингвистики. Задачи исследования:

- 1) представить основные гипотезы появления и развития речи, оказавшие определяющее влияние на работы французских психолингвистов конца XX – начала XXI веков;
- 2) установить важнейшие положения психологии и лингвистики, посредством которых обосновываются и верифицируются выявленные гипотезы;
- 3) определить положения, получившие преимущественное развитие во французской психолингвистике.

Под онтогенезом речи понимается процесс становления и развития речи индивида. Эта проблема, наряду с исследованием билингвизма, анализом дискурса, изучением производства и восприятия речи многими французскими исследователями (О. Брюне, И. Лезин, Б. де Буассон-Барди, Ж. Бернико, М. Кэль и др.) выделяется в качестве одного из ключевых во французской психолингвистике [Барринова, 2022].

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛАССИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ ОНТОГЕНЕЗА РЕЧИ

Как отмечает М. Кэль, основными источниками теорий, претендующих на выявление сущности онтогенеза речи, являются два теоретических полюса, обнаруживающих, по мнению исследовательницы, немало пересечений. Первый такой источник – теория нативизма, современным преломлением которой стали порождающая грамматика Н. Хомского и работы его последователей, второй – разнообразные концепции, акцентирующие взаимовлияние процесса овладения языком

и биологических / социальных параметров [Kail, 2020]. Философским объяснением существования этого противопоставления является спор о врожденном и приобретенном в языке, неразрешенный ввиду отсутствия проверяемой теории, которая бы выявила специфику взаимодействия генов и среды, в результате которого конструируются сложные когнитивные структуры, обуславливающие, в частности, процессы производства и восприятия речи.

С точки зрения современной науки такое противопоставление теоретических построений определяется разными представлениями о работе мозга и конкретно – о соотношении языковой способности с другими ментальными процессами.

НАТИВИЗМ

Нативизм формируется как философская концепция, постулирующая существование независимых от опыта врожденных идей, на основе которых происходит познание. Проблема врожденности знаний поднималась еще античными философами. В частности, Сократ, а вслед за ним Платон, полагал, что знания не могут являться результатом только непосредственного чувственного опыта. Они считали чувственный опыт ненадежным и фрагментарным и потому были сторонниками врожденных знаний, заложенных в человека с начала его земной жизни рукою Бога и обнаруживаемых при помощи системы последовательных наводящих вопросов – майевтики.

Одним из преломлений нативизма в языкознании стала генеративная грамматика Н. Хомского, которая оказала решающее влияние на разработку психолингвистических проблем во Франции. Теория Н. Хомского характеризуется французскими исследователями как *нативистская* – акцентирующая врожденность языковых структур; *генеративная* – способная объяснить порождающий характер элементов языка; *структуралистская* – основанная на структурных методах (хотя в более поздних версиях своей концепции ученый отходит от структурализма и даже причисляется к исследователям, «преодолевшим» структурализм [Dosse, 2012]); *формальная*, объективирующая знания посредством математических моделей (см., например, работы Б. де Буассон-Барди, О. Жакоб, А. Кристоф).

В рамках своей теории Н. Хомский акцентирует два ключевых свойства языка: его *генеративную* способность, состоящую в возможности создавать из ограниченного набора морфем и слов неограниченное количество высказываний, и *рекурсивность*, которая заключается в способности языковой системы включать предложение / его фрагменты

в следующее синтаксическое образование [Kail, 2020]. Правила, определяющие структуру слов, их комбинаторику и место в предложении, являются универсальными и врожденными.

Таким образом, Н. Хомский и его последователи полагают, что ребенок обладает врожденным знанием об «универсальной грамматике», которая является общей для всех языков, при этом за обработку языка отвечает специализированный когнитивный модуль, независимый от других когнитивных систем (Language Acquisition Device, LAD). Основной аргумент в пользу этой гипотезы – аргумент «бедности стимула». Он состоит в том, что предоставляемые языковой средой лингвистические данные являются недостаточно полными и последовательными для формирования такого уровня грамматической компетентности, которого достигают дети за первые несколько лет жизни.

Идея модулярности была развита в концепции Дж. Фодора, в соответствии с которой когнитивная система человека представлена как множество параллельных и относительно автономных в функциональном отношении модулей / процессов которые осуществляются на основе нескольких базовых принципов [Fodor, 1983]. Такая концепция противопоставлена интерактивным теориям, акцентирующим непрерывное взаимодействие разных ментальных процессов.

В рамках более современных структуралистских течений, стремящихся выявить сущностные характеристики онтогенеза речи, М. Кэль также выделяет теории, объединяемые термином *Bootstrapping*. Их основной принцип заключается в том, что «один тип информации – фонологической, просодической, синтаксической, семантической – может стать мостиком к пониманию других уровней языковой организации» [Kail, 2020]. В зависимости от аспекта рассмотрения явления онтогенеза речи в рамках французской психолингвистики выделяются несколько направлений:

- *дистрибутивное* (исследование дистрибуций элементов речи);
- *фонологически просодическое* (влияние просодики родного языка на скорость и глубину осознания его грамматических структур);
- *семантическое* (изучение первых рудиментарных представлений о значении слов, извлекаемом из контекста; установление связей между семантическими единицами и грамматическими категориями; распознавание ребенком морфосинтаксических маркеров, свойственных родному языку);

- *синтаксическое* (выявление закономерностей синтаксических структур, например, позиция освоенного существительного в предложении может подсказывать ребенку значение неизвестного глагола);
- *типологическое* (особенности продуцирования речи в онтогенезе в зависимости от типологического класса языка).

Среди современных французских исследователей идеи нативизма развивает Б. де Буасон-Барди. Вслед за Н. Хомским она отмечает, что способность к языку закодирована в геноме человека, и определяет универсальную грамматику как «грамматические принципы, лежащие в основе всех языков мира», указывая, что эта «схема, накладываемая на специфические данные, получаемые ребенком, предопределяет форму грамматической системы ... родного языка»¹ [De Boysson-Bardies, 1996, с. 16]. Б. де Буасон-Барди ссылается на множество экспериментов, осуществленных учеными, с целью показать, как воплощается универсальная грамматика на разных уровнях языка. Среди них отмечается первый эксперимент, проведенный с новорожденными по методике *High sucking procedure* [Eimas и др., 1971] и доказывающий, что младенцы в возрасте шести месяцев различают фонемы родного языка. Такие эксперименты многочисленны и разноаспектны, но все они направлены на подтверждение тезиса о врожденности языковой способности.

А. Кристоф также отмечает, что в научном сообществе в начале XXI века утвердилось мнение о том, что человек *предрасположен к усвоению* любого языка (дискуссии вызывает лишь природа этой предрасположенности), однако «то, что врождено, свойственно всем человеческим языкам: именно это Наум Хомский называет универсальной грамматикой» [Christophe, 2002, с. 196]. А. Кристоф, в частности, воспроизводит эксперимент С. Крейна и Р. Торнтон, выявляющий особенности проявления универсальной грамматики в синтаксисе. В результате эксперимента установлено, что анализ синтаксических структур детьми трех–четырёх лет не отличается от их анализа взрослыми, и это, по мнению экспериментаторов, доказывает наличие врожденных структур, отвечающих за анализ синтаксиса [Crain, Thornton, 1998].

В 1994 году выходит книга американского психолога С. Пинкера «Язык как инстинкт», в которой поддерживается идея Н. Хомского о врожденности языковых структур. Исследователь определяет инстинкт как сложный специализированный *навык*,

¹ Перевод наш. – П. Б.

спонтанно развивающийся в детском возрасте без осознания ребенком логики, лежащей в его основе, качественно сходный (идентичный) у всех людей. Ж.-М. Фортис выступает с критикой концепции С. Пинкера, замечая, что, согласно предположению последнего, «биологический субстрат языка является врожденным и общим для всех людей», однако, ввиду того что С. Пинкер идет за Н. Хомским, «общей для всех людей является универсальная грамматика, таким образом, врожденный биологический субстрат – это универсальная грамматика» [Fortis, 2007, с. 206]. По мнению исследователя, Пинкер «низводит язык (с онтологической точки зрения) до этого субстрата» [там же]. Не соглашаясь с позицией С. Пинкера, Ж.-М. Фортис, как и многие другие исследователи, выступает против такого подхода к решению проблем онтогенеза: методология нативизма не позволяет исследовать когнитивные механизмы, задействованные в процессе усвоения языка, такие как имитация, сравнение, специфика хранения информации, концептуальная организация, сосредоточиваясь на обнаружении языковых структур, соответствующих неким единицам врожденного знания (*une connaissance innée*), при этом анализ развития языковой способности как таковой отходит на второй план.

КОНСТРУКТИВИЗМ ПИАЖЕ

Как отмечают М. Молина и Ф. Жуан, общепризнанный антагонизм позиций Н. Хомского и швейцарского психолога Ж. Пиаже не вполне соответствует сути их концепций, поскольку, если первый акцентирует важность врожденности универсальной грамматики, то, согласно положениям теории второго, когнитивные способности человека не являются ни полностью врожденными, ни полностью приобретенными; они суть следствие постоянного процесса конструирования знания, для которого важны накапливаемый опыт и анатомическое созревание [Jouen, Molina, 2007]. Согласно предположению Пиаже, младенцы наследуют от родителей биологические адаптивные механизмы (*mécanismes adaptatifs biologiques*), на базе которых строится познание. По мнению исследователя, знания – следствие активации внутренних когнитивных структур субъекта, которые сами являются результатом постоянного адаптивно-аффективного конструирования. Они опосредствуют контакт между субъектом и познаваемым им объектом.

Онтогенез речи рассматривается Ж. Пиаже как следствие когнитивного развития ребенка: формирование речевых функций исследователь считает проявлением его общего интеллектуального роста. Основным источником знаний, накапливаемых

ребенком, является активная познавательная деятельность. Эта концепция получила название *операциональной теории интеллекта*, в рамках которой речь присваивается и осваивается в соответствии с четырьмя отдельными стадиями интеллектуального развития ребенка: сенсомоторной (рождение – 1,5–2 года), дооперациональной (2–7 лет), стадиями конкретных (7–12 лет) и формальных (от 12 лет и старше) операций. Ж. Пиаже считает, что речь появляется вместе с развитием сенсомоторного мышления (*logique sensori-motrice*). Единовременному появлению этих двух неидентичных феноменов – речи и сенсомоторного мышления – есть объяснение: символическая функция мышления является неизбежной производной сенсомоторного интеллекта и необходима для формирования речи.

Ж. Пиаже выдвигает гипотезу континуальности биологических и когнитивных процессов. С биологической точки зрения, интеллект – особый случай органической активности, который, являясь ее продолжением, выходит за ее пределы [Piaget, 1936]. Этот постулат основывается на представлении о том, что жизнь – непрерывное создание всё более сложных форм и постоянный поиск равновесия между этими формами и средой.

Ф. Жуан и М. Молина указывают на то, что в рамках когнитивного конструктивизма возникло две сложности: одна теоретического порядка (система Ж. Пиаже неизбежно включает в себя понятие случайности), другая – эмпирического (в ходе наблюдений у детей, находящихся по возрасту на определенной стадии развития интеллекта, наблюдались более сложные системы знаний, чем допускаемые теорией Ж. Пиаже¹).

Отметим, что две вышеупомянутые сложности являются следствием взаимодействия генетической и культурной составляющей процесса формирования человека, на соотношение которых влияет неисчислимо количество факторов, что принципиально исключает понятие случайности.

ФУНКЦИОНАЛИЗМ

Современный лингвистический функционализм (методология третьего поколения) не является простым продолжением ни функционализма первого поколения, идущего от Н. С. Трубецкого, В. Матезиуса и А. Мартине, работы которых были посвящены, прежде всего, фонологическим структурам и выявлению функций языка (К. Бюлер, Р. Якобсон), ни второго, ориентированного на функциональную перспективу высказывания (*la perspective*

¹ Это стало возможно, в частности, благодаря появлению многочисленных методик, исследующих процессы понимания ребенком речи окружающих, подробнее см.: [Kail, 2020].

fonctionnelle de la phrase) и разграничение высказывания и дискурса (Я. Фирбас, П. Сгалл, М. Халлидей). Основная область исследований функционалистов третьего поколения – типология в духе работ Д. Гринберга, возникших как реакция на формализм Н. Хомского и его последователей.

Подходы, относимые М. Кэль к функциональным, основаны на достижениях когнитивных наук (нейронауки, психологии, нейропсихологии, лингвистики, моделирования). Их представители оспаривают идеи Хомского о врожденности языковых структур, утверждая, что грамматическая система при всей своей сложности поддается изучению, не отрицая при этом существование биологической предрасположенности человека к усвоению языка (знакообразованию). Одной из важнейших проблем этого направления является понимание того, как ребенок строит отношения между формами и функциями своего языка. Психолингвисты, работающие в русле функционализма в наше время, сосредоточены на особенностях процессов овладения языком. По данным последних работ, они происходят постепенно, нелинейно и регулируются взаимодействием, с одной стороны, биологических и когнитивных параметров и, с другой – характеристик окружающей среды, в первую очередь языковой.

Среди основных зарубежных работ, написанных в русле функционализма, упоминается концепция Д. Слобина, сформулированная им по итогам масштабного кросслингвистического эксперимента с участием детей – носителей языков разных семей в возрасте от 1 до 4 лет. Исследователь установил, что при контакте с родным языком дети строят гипотезы о его функционировании, которые, в свою очередь, предопределены некими универсальными стратегиями, названные Слобиным *операциональными принципами* (*operating principles*) [The Cross-Linguistic Study of Language Acquisition, 1997].

В противоположность структурным моделям *соревновательная модель* Э. Бейтс и Б. МакУинни описывает реализацию языка (его употребление в коммуникации), отвергая дихотомию Хомского компетенция / реализация (*competence / performance*). Изначально модель была предложена как теория обработки предложений на материале нескольких языков [MacWhinney, 1999]. Ключевым для этой модели является понятие соревнования (конкуренции). По мнению авторов, при интерпретации высказываний носители языка опираются на определенные языковые «подсказки» (*cues*), такие как порядок слов, морфологические (например, одушевленность), а также семантические характеристики, «конкурирующие» между собой за то,

какая интерпретация покажется носителю наиболее вероятной (при помощи какой «подсказки» носитель будет интерпретировать высказывание). Подсказка определяется авторами как источник информации на уровне поверхностной структуры, позволяющий использующему язык соединить языковую форму со значением или функцией. При этом у подсказок в каждом языке разный «вес» (*cue weight*), например, одушевленность практически не играет роли при интерпретации английских предложений, но очень важна для говорящих на итальянском языке.

Самыми современными в рамках функционализма являются теории эмерджентности [там же] и социально-прагматический подход к усвоению языка М. Томаселло (*usage-based*) [Tomasello, 2003], также явившиеся результатом неспособности представителей нативизма доказать существование врожденных механизмов, обуславливающих овладение языком.

Согласно подходу к онтогенезу речи Б. МакУинни, язык предстает как структура, особенности формирования которой задаются ограничениями, обусловленными процессами интеракции, подобно тому, как форма береговой линии возникает под воздействием волн, геологических и погодных условий, а также вмешательства человека [MacWhinney, 1999]. В рамках теорий эмерджентности акцентируются различные пути влияния социальных шаблонов, имплицитных паттернов, усваиваемых при восприятии языковой материи, и особенностей формирования когнитивной системы, направленной на становление формальных структур языка.

Социально-прагматический подход к усвоению языка М. Томаселло (*usage-based theory of language acquisition*) встраивает процесс развития грамматических структур в прагматический контекст коммуникации. Томаселло настаивает на конструировании (а не на «открытии» в духе Слобина) грамматики на основе социокогнитивных предпосылок коммуникации, заложенных в течение первого года жизни. Усвоение грамматического компонента языка обусловлено наличием таких уникальных для *homo sapiens* способностей, как совместное внимание, понимание интенций коммуникации, имитация с переключением ролей и перцептивная категоризация. Основываясь на конкретных примерах языковых структур, ребенок постепенно выстраивает грамматическую систему, ни один компонент которой не является, по мнению автора, врожденным.

Теория основывается на двух гипотезах. В соответствии с первой, употребление языка детьми около года носит менее абстрактный характер, чем принято думать. Раннее продуцирование

отражает не существование категорий или правил, а скорее знание лексических единиц или определенных грамматических структур. Вторая заключается в том, что исходным материалом для ребенка являются не отдельные слова, позволяющие ему перейти на уровень комбинаций классов слов – имен и глаголов, а означенные единства, своего рода гештальты. Таким образом, более вероятным с точки зрения этой теории является усвоение высказывания как целого, а затем использование его как образца для производства других высказываний, имеющих такую же структуру.

ИНТЕРАКЦИОНИЗМ

Особое место в формировании теоретических оснований овладения иностранным языком занимает позиция лингвистов, для которых главным является процесс *социализации на языке* и подчеркивание важнейшей роли социального контекста в становлении когнитивных функций: умственная деятельность не является собственно внутренней деятельностью индивида, а основывается на взаимодействии с себе подобными. Этот подход, известный под названием *интеракционизм*, выдвигает на первое место роль коммуникации в усвоении языка, исследование формальных языковых единиц в организации речевого взаимодействия и, наоборот, влияние коммуникации на структурирование высказываний [Arditty, Vasseur, 1999].

Важнейшими базовыми постулатами, лежащими в основе этого подхода, являются следующие [Pekarek, 1999] (список не исчерпывающий):

- 1) основным источником развития речевой способности является социальное взаимодействие (*interaction*);
- 2) языковые компетенции зависят от контекста. Развиваемые компетенции находятся в зависимости от условий социального взаимодействия и характеристик дискурса, в которых они активируются;
- 3) со-направленность как характеристика дискурсивной (и когнитивной) деятельности (*la nature située et réciproque de l'activité discursive et cognitive*). Дискурс не сводится к производству речи, основанному на индивидуальных компетенциях и знаниях, а является результатом непрерывной совместной деятельности, конструируемой собеседниками на основе их коммуникативного опыта и интерпретаций мира.

Одним из исследователей, оказавших существенное влияние на становление проблематики в русле интеракционизма во Франции, стал Л. С. Выготский, для которого ребенок, овладевающий

языком, вписан, прежде всего, в социальный контекст, в сеть социальных взаимодействий, что позволяет ему развить высшие функции мозга: овладеть речью и мышлением. Согласно концепции Выготского, ребенок усваивает язык благодаря двум «корням»: вербальному (путем коммуникации с социальным окружением) и интеллектуальному (благодаря развитию способности к знаковообразованию). Влиянию Выготского на развитие интеракционизма во Франции будет посвящено отдельное исследование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во французской психолингвистике последних лет проблема онтогенеза рассматривается с двух основных теоретических полюсов, сформированных неразрешенным спором древних греков о врожденном и приобретенном. С позиций одного из них, овладение языком представляется как реализация предрасположенности человека к знаковообразованию (или универсальной грамматике: концепция Н. Хомского остается теоретической базой современных течений нативизма). Французскими учеными этого направления проводятся многочисленные исследования, целью которых является обнаружение конкретных проявлений универсальной грамматики в речи детей.

Второй полюс объединяет ученых, исследующих взаимовлияние процесса овладения языком и биологических / социальных параметров. Основными течениями в рамках данного направления являются функционализм, направленный на изучение соотношения формы и функции языковых элементов (уделяется внимание и современным преломлениям функционализма, таким как теория эмерджентности, соревновательная модель Э. Бейтс и Б. МакУинни, концепция М. Томаселло), интеракционизм, в центре внимания которого процесс социализации в языке, и конструктивизм, берущий начало в трудах Ж. Пиаже, для которого, в противовес концепции Хомского, развитие у ребенка языка является следствием его общего интеллектуального роста.

Как отмечает М. Кэль, большинство современных теорий стремятся «примирить и даже преодолеть модулярный нативизм Хомского и строгий конструктивизм Пиаже» [Kail, 2020, с. 51], что подразумевает, с одной стороны, признание существования врожденных предрасположенностей, не являющихся независимыми модулями, которым строго соответствует нейронная структура и, с другой – учет социального контекста развития языковой способности, оценка степени влияния среды на ее формирование и принятие во внимание индивидуальных особенностей этого процесса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баринаова П. С. Овладение языком как направление современных психолингвистических исследований во Франции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12. № 2. С. 51–62.
2. Kail M. L'Acquisition du langage. Paris: Presses Universitaires de France, 2020.
3. Dosse F. Le chomskysme: nouvelle frontière? // Histoire du structuralisme. Paris: La Découverte, 2012. Tome II: Le chant du cygne. 1967 à nos jours / sous la direction de Dosse François. P. 11–28.
4. Fodor J. A. The modularity of mind: an essay on faculty psychology. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983.
5. Boysson-Bardies B. de. Comment la parole vient aux enfants. Paris: Odile Jacob, 1996.
6. Eimas P. D., Siqueland E. R., Jusczyk P., Vigorito J. Speech perception in infants. Science. 1971. № 171. P. 303–306.
7. Christophe A. L'apprentissage du langage: une capacité innée? Compiègne: Intellectica. 2002. № 34. P. 189–210.
8. Crain S., Thornton R. Investigations in Universal Grammar: A guide to experiments on the acquisition of syntax and semantics. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998.
9. Fortis J.-M. Le langage est-il un instinct? Sur le nativisme de Pinker. Paris: Histoire Épistémologie Langage. 2007. № 29 (2). P. 177–213.
10. Jouen F., Molina M. Naissance et connaissance. La cognition néonatale. Bruxelles: Mardaga, 2007.
11. Piaget J. La naissance de l'intelligence chez l'Enfant. Paris: Delachaux et Niestlé, 1936.
12. The Cross-Linguistic Study of Language Acquisition. Vol. 5: Expanding the Contexts / ed. by D. I. Slobin. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1997.
13. MacWhinney B. The Emergence of Language. Mahwah: Erlbaum, 1999.
14. Tomasello M. Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.
15. Arditty J., Vasseur M.-T. Interaction et langue étrangère. Paris: Langages, 1999. № 134. P. 3–19.
16. Pekarek S. Leçons de conversation: Dynamiques de l'interaction et acquisition de compétences discursives en classe de langue seconde. Fribourg: Éditions Universitaires, 1999.

REFERENCES

1. Barinova, P. S. (2022). Language Acquisition as a Field of Modern Psycholinguistic Studies in France. Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogy, 12(2), 51–62. (In Russ.)
2. Kail, M. (2020). L'Acquisition du langage. Paris: Presses Universitaires de France.
3. Dosse, F. (2012). Le chomskysme: nouvelle frontière? Histoire du structuralisme (tome II: Le chant du cygne. 1967 à nos jours, sous la direction de Dosse François; pp. 11–28). La Découverte.
4. Fodor, J. A. (1983). The modularity of mind: an essay on faculty psychology. Cambridge, Mass.: MIT Press.
5. Boysson-Bardies, B. de. (1996). Comment la parole vient aux enfants. Paris: Odile Jacob.
6. Eimas, P. D., Siqueland, E. R., Jusczyk, P., Vigorito, J. (1971). Speech Perception in Infants. Science, 171, 303–306.
7. Christophe, A. (2002). L'apprentissage du langage: une capacité innée? Intellectica, 34, 196–210.
8. Crain, S., Thornton, R. (1998). Investigations in Universal Grammar: A guide to experiments on the acquisition of syntax and semantics. Cambridge, Mass: MIT Press.
9. Fortis, J.-M. (2007). Le langage est-il un instinct? Sur le nativisme de Pinker. In: Histoire Épistémologie Langage, 29(2), 177–213.
10. Jouen, F., Molina, M. (2007). Naissance et connaissance. La cognition néonatale. Bruxelles: Mardaga.
11. Piaget, J. (1936). La naissance de l'intelligence chez l'Enfant, Delachaux et Niestlé.
12. Slobin, D. I. (Ed). (1997). The Cross-Linguistic Study of Language Acquisition. Mahwah, NJ: Erlbaum.
13. MacWhinney, B. (1999). The Emergence of Language, Mahwah: Erlbaum.
14. Tomasello, M. (2003). Constructing a language: A usage-based theory of language acquisition. Cambridge, MA: Harvard University Press.
15. Arditty, J., Vasseur, M.-T. (1999). Interaction et langue étrangère. Langages, 134, 3–19.
16. Pekarek, S. (1999). Leçons de conversation: Dynamiques de l'interaction et acquisition de compétences discursives en classe de langue seconde. Fribourg: Éditions Universitaires.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барина Полина Сергеевна

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barinova Polina Sergeevna

Post-graduate Student
Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	28.01.2024	
принята к публикации	16.02.2024	

Теория перевода в современном Китае: направления исследований

Ван Сьюань

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Тяньцзиньский университет иностранных языков, Тяньцзинь, Китай
806905312@qq.com*

Аннотация. В статье проводится анализ состояния современного переводоведения в Китае. Автор разделяет современную китайскую теорию перевода на три типа: переводоведение, опирающееся на древнекитайскую философскую традицию; междисциплинарные исследования по проблемам перевода; переводоведение с практическим уклоном. Исследование показало, что хотя в китайском переводоведении существует ряд учений, конкретные научные школы не сформированы, поскольку теории перевода еще не привлекла достаточного внимания в национальных академических кругах.

Ключевые слова: китайские теории перевода, древнекитайская философия, междисциплинарные исследования перевода, экопервоведение, корпусные исследования перевода

Для цитирования: Ван Сьюань. Теория перевода в современном Китае: направления исследований // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 17–24.

Original article

Translation Theory in Contemporary China: Research Directions

Wang Siyuan

*Moscow State Linguistic University, Russia, Moscow
Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China
806905312@qq.com*

Abstract. The article analyses the current state of modern translation studies in China, categorizing its theoretical approaches into three distinct types: translation studies based on the ancient Chinese philosophical tradition; interdisciplinary translation studies; and translation studies with a practical orientation. The study reveals that although Chinese translation studies are rich in diverse doctrines, they have yet to coalesce into defined academic schools, as they have not attracted sufficient attention from the international academic community.

Keywords: Chinese translation theories, ancient Chinese philosophy, interdisciplinary translation studies, eotranslatology studies, corpus-based translation studies

For citation: Wang Siyuan (2024). Translation theory in contemporary China: research directions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 17–24.

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире все большее значение приобретает политика «мягкой силы». Во многих государствах она становится ключевым инструментом усиления внешнеполитического влияния, и Китай не является в этом плане исключением. Одним из каналов распространения «мягкой силы» является перевод. Способствуя распространению знаний о стране, ее культуре, традициях, национальных ценностях, он является одним из способов формирования благоприятного имиджа государства. Поэтому неудивительно, что все больше и больше китайских ученых осознают значение разработки теории перевода, которая может сделать переводческие практики более эффективными. В результате переводоведение приобретает статус отдельной научной дисциплины. Благодаря усилиям многих ученых и специалистов, в 2007 году в Китае была открыта магистратура по специальности «Перевод», а в 2022 году Министерство образования выпустило обновленную версию Каталога специальностей аспирантуры. Немаловажно также и то, что с 2023 стало возможным получение степени доктора перевода (DTI).

В течение длительного времени китайские ученые тщательно изучали переводоведение других стран, однако у китайского языка есть множество особенностей, которые отличают его от языков индоевропейской семьи, и собственные традиции перевода, корни которых уходят в древность. Таким образом, не весь переводческий опыт других стран соответствует культурной ситуации в Китае. Стремление к построению собственной теории перевода и активное изучение переводческой практики уже привели к осознанию научным сообществом необходимости разработки «переводоведения с китайской спецификой» [许钧, 2018]. Китайские ученые подчеркивают, что они должны создавать и развивать теорию перевода с китайской спецификой и внести свой вклад в развитие международного переводоведения.

Обобщая современные китайские теории перевода, мы разделяем их на три нижеследующих типа: переводоведение, опирающееся на древнекитайскую философскую традицию; междисциплинарные исследования проблем перевода; переводоведение с практическим уклоном.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ С ОПОРОЙ НА ДРЕВНЕКИТАЙСКУЮ ФИЛОСОФСКУЮ И ЛИТЕРАТУРНУЮ ТРАДИЦИЮ

Одна из особенностей китайского переводоведения заключается в переосмыслении системы перевода на основе традиционных китайских философских,

литературных и эстетических идей. Ниже мы рассмотрим это направление с опорой на исследования Лю Минцина, Чэнь Дунчэна и Пань Вэньго.

Лю Мицин выдвинул теорию «эстетика перевода» в книге «Введение в эстетику перевода» [刘宓庆, 2012]. Автор считает, что эстетика имеет особое значение для теории и практики перевода, поэтому в его концепции союз перевода и эстетики – это одна из неотъемлемых составляющих китайской теории перевода. Ученый не подчеркивал, что его теория нацелена на художественный перевод, но многие его последователи связывают его концепцию именно с данной сферой.

При этом Лю Мицин опирается на китайские традиции перевода. Например, известный переводчик сутр – Цзюмолоши (343–413) – считал, что переводчик должен передать смысл, но при этом также стремиться к красоте слога. Буддийский монах Сюань Цзан (玄奘, 602–664) был автором переводов значительного числа сутр. Он первым доказал преимущество объединения двух способов перевода – буквального и вольного, и указал, что надо стремиться к точной передаче смысла и к тому, чтобы перевод был простым и понятным. Янь Фу (严复, 1854–1921), известный китайский переводчик в эпоху Цин, предложил три стандарта правильности перевода: «верность», «норма», «стиль» (信, 达, 雅 / *синь, да, я*) [Ван Мэняо, 2014]. Стандарт «я» – это качество стиля переводного текста, которое может удовлетворить образованного носителя языка. В китайском языке слово 雅 / *я* означает «изящность», т. е. перевод должен быть красивым и изысканным, чтобы эстетически удовлетворить читателя.

Опираясь на традиционную китайскую эстетическую мысль, Лю Мицин разрабатывает четырехуровневую систему эстетики перевода, учитывающую восприятие, воображение, понимание и воспроизведение, и выдвигает теорию эстетики перевода, которая представляет собой наиболее полное и систематическое исследование эстетической мысли перевода в Китае [刘宓庆, 2012].

Касаясь вопросов переводческих эстетических идеалов и эстетического воспроизведения стиля оригинала, автор вывел принципы единства противоположностей в переводческих эстетических идеалах, основанные на бинарных принципах традиционной китайской эстетики: «пустой» и «полный», «скрытый» и «открытый», а также «неплотный» и «густой».

Он разделил виды воспроизведения эстетики текста оригинала в переводе на имитацию (подражание) и реконструкцию (переписывание) и указал, что именно подражание является основным средством эстетической репрезентации эстетических

характеристик оригинала в переводе. Подражание может быть ориентировано на язык оригинала, что позволяет создать перевод, верный букве оригинала, или оно может быть ориентировано на целевой язык и учитывать его эстетические возможности; наилучшим решением будет «динамическое подражание», которое использует возможности и языка оригинала, и языка перевода, гибко выбирая оптимальный баланс между ними в зависимости от конкретных обстоятельств.

Другую новую теорию выдвинул Чэнь Дунчэ под воздействием главных мыслей книги «И цзин» [陈东成, 2016]. «И цзин» («Книга перемен») – это древнекитайская гадательная книга, одна из книг конфуцианского Пятикнижия. Чэнь Дунчэ взял за основу содержащуюся в «Ицзин» идею противоположности «Инь» и «Ян» и объединил ее с теорией перевода. Одну из смысловых констант книги составляет гармония «Инь» и «Ян», которые являются двумя взаимодополняющими противоположностями. Слово «Инь» изначально означало северную, затененную сторону горы, оно характеризует все тeneвое, секретное, темное, лунное, таинственное, холодное, мягкое, пассивное, женское. В понятие «Ян», обозначающее южную, солнечную сторону горы, входит все ясное, яркое, солнечное, горячее, твердое, активное, агрессивное, мужское. Из этих двух понятий и родилась система взаимосвязи противоположностей.

Автор новаторски подчеркнул в своей работе, что стратегия перевода заключается в балансе между «Инь» и «Ян». Под «Ян» подразумевается сохранение метафорической образности оригинала, а под «Инь» – перевод не через метафорические образы, а через тесную связь с оригиналом. Переводчику необходимо найти баланс между этими двумя переводческими стратегиями. По этой теории стиль перевода – это сочетание стиля переводчика и стиля оригинала. Необходимо найти золотую середину между двумя этими стилями. Таким образом, теория перевода рассматривается и аргументируется на философском уровне. По мнению современного исследователя, интеграция «Ицзин» в переводоведение создаст новый образ мышления для изучения развития китайского переводоведения и разработки теории перевода.

В 2019 году ученый Пань Вэньго также вносит свой вклад в разработку проблем переводоведения. Он считает, что перевод по своей природе напоминает написание статьи. Рекомендации по написанию статей, содержащиеся в китайских канонических текстах, таких как трактат Лю Се «Вэнь синь дяо лун» («Резной дракон литературной мысли», 466–522), по его мнению, приложимы и к переводу. С опорой на древние тексты он выдвигает

концепцию совпадения понятий, обозначаемых китайскими иероглифами 义/и, 体/ти и 气/ци («совпадение в смысле, стиле и духе»). Совпадение 义/и означает, что значения слов, предложений и текстов в переводе должны совпадать с оригиналом. 体/ти означает соответствие перевода и оригинала в стиле и жанре, в первую очередь требуется соответствие жанра. Минимальным требованием является перевод стиха в стихотворной форме, прозы в прозаической форме, драмы в виде драматического произведения. 气/ци указывает на соответствие «духа» перевода и оригинала. В своей сущности – это взаимодействие звука и значения, в процессе перевода необходимо учитывать длину предложений, лексические повторы, тон и прочие характеристики оригинала [潘文国, 2014]. Исходя из этих принципов можно как осуществлять перевод, так и оценивать его результат.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ПЕРЕВОДА

Междисциплинарные методы широко применяются при решении переводческих проблем, включая методы корпусной лингвистики, приемы литературоведения, идеи из области экологии и т. п. Весь спектр перечисленных методов, сопутствующих переводу, делает междисциплинарные исследования в области переводоведения в Китае более заметными. Можно сказать, что теоретическое изучение перевода с учетом междисциплинарных подходов является наиболее проработанным и систематизированным в современном Китае.

Изучив международные журналы, включенные в базу данных Web of Science, исследователи обнаружили, что среди теорий перевода, предложенных китайскими учеными, иностранные авторы сосредоточили свое внимание на экопереводоведении и корпусном переводе [韩子满, 钱虹, 2021]. Остановимся на них подробнее.

Одним из междисциплинарных направлений является *экопереводоведение*. Опираясь на дарвиновские принципы адаптации и селекции, лежащие в основе эволюции, китайский ученый Ху Гэншэнь предложил новую концепцию, в которой ответил на следующие вопросы: что есть перевод (перевод как адаптация и селекция), кто переводит (переводчик как субъект адаптации и выбора), как переводить (переводческий выбор как адаптация к среде) и др. [胡庚申, 2013]. Процесс перевода в такой интерпретации предстает как чередование адаптации и выбора переводчика. Принцип перевода – это многомерная селективная адаптация и адаптивный выбор.

Адаптация должна быть «трехмерной», т. е. учитывать лингвистический, коммуникативный и культурный аспекты перевода. Лингвистическое измерение фокусируется на языковой стороне перевода, культурное измерение – на передаче культурного контекста, а коммуникативное измерение – на коммуникативной цели перевода.

Лингвистическое измерение подразумевает адаптивный отбор и трансформацию языковых форм переводчиком в процессе перевода. Например, китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям и имеют различия в морфологии и синтаксисе. Для адаптации к экологической среде двух языков переводчик должен выполнить преобразование текста на языковом уровне, чтобы достичь баланса между исходным языком и целевым языком.

Учитывая культурное измерение перевода, переводчик уделяет внимание передаче и интерпретации культурных коннотаций оригинала. Этот вид адаптивной трансформации заключается в учете различий в содержании исходной и целевой языковых культур. Во избежание неправильного толкования исходного текста означенные различия между двумя языковыми полями целесообразно учитывать в рамках языковой культуры.

Воссоздавая авторский замысел, переводчик, прежде всего, обращает внимание на коммуникативную цель автора оригинала. Это требует от него, помимо преобразования языковых структур и передачи культурных коннотаций, учета того, передана ли в переводе коммуникативная интенция исходного текста.

За последние 20 лет экопереводоведение привлекло внимание большого числа исследователей. По мнению Гу Цзюньлина и Хуан Чжунляня, Ху Гэншэн продолжает совершенствовать терминологическую систему и оптимизировать структуру переводоведческой дисциплины, и его концепция становится всё более глубокой и последовательной [顾俊玲, 黄忠廉, 2023].

Корпусное переводоведение – это переводоведение с использованием корпусных методов исследования. На основе наблюдения за большим количеством фактов и явлений перевода и соответствующих статистических данных проводится системный анализ перевода.

Корпусные исследования перевода в Китае возглавил Ван Кефей. Согласно его исследованиям, необходимо применять эмпирические методы интралингвистического и интерлингвистического сопоставления текстов оригинала и перевода, а также разных вариантов перевода одного текста для того, чтобы объяснять универсальные особенности перевода [王克非, 2012]. Ху

Кайбао также подчеркивает важность корпусных критических исследований перевода и призывает к междисциплинарным исследованиям, которые в полной мере объединят корпусные методы с социологией и когнитивной наукой и расширят горизонты корпусных исследований перевода. В настоящее время китайские исследователи лидируют в международных корпусных исследованиях перевода в аспекте объема корпуса, технологии разработки и глубины обработки материала [胡开宝, 2011].

Еще одним важным достижением междисциплинарного переводоведения является «медиапереводология» Се Тяньчжэня, разработанная на пересечении переводоведения и сравнительного литературоведения [谢天振, 1999]. Согласно его теории, перевод является формой межкультурной коммуникации, и представление китайской литературы миру посредством перевода – это не просто перевод слов, а распространение китайской литературы и культуры в мировом масштабе. При этом создание переводного текста – это только одно звено в процессе межкультурной коммуникации, поскольку существует проблема выбора того, что и как переводить, а в дальнейшем и проблема обмена текстами, проблема их распространения и принятия другой культурой.

В отличие от традиционного переводоведения теория «медиапереводологии» фокусируется на изучении литературы или культуры контактирующих народов, а не на языковых трансформациях в ходе переводческой практики. В рамках «медиапереводологии» решаются не столько проблемы преобразования исходного языка, производимого в соответствии с целевым языком, сколько такие проблемы, как утрата, деформация, дополнение и расширение информации в процессе перевода. Всё вышперечисленное позволяет переводу играть важную роль в межкультурной коммуникации.

Теория «медиапереводологии» также отличается от традиционного сравнительного литературоведения, которое фокусируется на явлениях литературы, а не на ее переводе. В аспекте истории дисциплины данная теория расширила объектную область переводоведения, а также стала новаторской в методологии данной науки [张威, 2023].

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ С ПРАКТИЧЕСКИМ УКЛОНОМ

Часть китайского переводоведения представляет собой обобщение переводческого опыта, уникальных переводческих решений и является весьма полезной для переводческой практики. Данное направление раскрывает закономерности

переводческой практики и пытается построить систему прикладных переводческих исследований.

В последнее время в китайском обществе широко обсуждается вопрос о том, как объяснять и представлять миру концепции с китайской спецификой, воплощающие китайский дух и поддерживающие китайскую мудрость.

С учетом этой проблемы Хуан Юи предлагает принцип перевода, который звучит как «три близости в иностранной пропаганде». Он считает, что перевод в пропагандистской работе, ориентированной на зарубежную аудиторию, имеет характерную особенность. Большой объем информации о Китае содержится в переводах с китайского на иностранные языки, а затем распространяется в мире через книги, журналы, газеты, радио, телевидение, Интернет и другие средства массовой информации, а также на международных конференциях. Из сказанного следует, что, помимо принципов «достоверности, выразительности и элегантности», которым должны следовать все переводы, переводчик как лицо, участвующее в пропаганде китайских ценностей, должен знать и применять принцип «трех близостей в иностранной пропаганде»: быть ближе к реалиям развития Китая, к потребностям иностранной аудитории в информации о данной стране и к способу мышления иностранной аудитории [黄友义, 2004].

Принцип «трех близостей в иностранной пропаганде» постепенно стал предметом большого числа исследований. Он широко применяется в переводах различных документов, например, в городской рекламе, рекламных роликах предприятий, туристических текстах, а также в рекламных роликах о китайской культуре.

Сходную позицию занимает Жэнь Дуншэн, предложивший создать дисциплину «национальная / государственная переводческая практика» (国家翻译实践). Переводческая деятельность должна организовываться государством, для того чтобы мир мог познакомиться с достижениями китайской культуры и китайскими национальными ценностями, что позволит устранить возможные заблуждения и межкультурное недопонимание. Он отметил, что государственный перевод – это переводческая деятельность, осуществляемая суверенным государством для достижения собственных стратегических целей, при этом государство выступает в качестве планировщика, спонсора и субъекта этой деятельности. Государство выступает организатором переводческой деятельности как инструмента распространения знаний о стране, формирования ее позитивного имиджа и выстраивания международных отношений, а также для создания благоприятных внешних условий для государственного развития. Организуемая государством переводческая

деятельность становится стратегическим способом построения систем государственного дискурса, формирования позитивного имиджа государства и создания культуры «мягкой силы» [任东升, 2022].

По мнению Лань Хунцзюня, в этом заключается конкретное воплощение внимания китайского переводоведения к реалиям современной жизни. Как и современная переводческая концепция, объединяющая политологию, социологию и юриспруденцию, национальная переводческая практика необходима для встраивания китайской дискурсивной системы в новую эпоху, она способствует расширению потенциала международной коммуникации и соответствует потребностям времени [蓝红军, 2020].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Состояние современного переводоведения в Китае вызывает неоднозначные оценки. Русский ученый А. А. Федюковский в своей статье перечислил отличительные черты китайского переводоведения, одной из которых является относительно слабое изучение теории перевода. Он считает, что китайские ученые уделяют больше внимания корректному и красивому переводу, чем теоретической составляющей переводческой деятельности. По его мнению, в Китае практически нет новых теорий перевода. Несмотря на то что определенные правила перевода всегда существовали, они так и не были, по его мнению, систематизированы [Федюковский, 2016].

Эта точка зрения несколько односторонняя. В Китае есть свои теории перевода, но, действительно, в Китае не так много сложившихся школ переводоведения. Школам переводоведения необходимы соответствующие теоретические наработки, а также стабильная исследовательская группа и ясная цель исследования. Однако многие из китайских теорий перевода не имеют конкретной четко очерченной сферы исследований и группы ученых, сплотившихся вокруг своего лидера для реализации определенной исследовательской программы. В результате, несмотря на то что существует ряд учений в переводоведении, конкретные школы исследований не сформированы.

В настоящее время теоретические наработки нуждаются в уточнении рамок объекта собственных исследований, в привлечении новых методов исследования и в формировании стабильного научного сообщества. Безусловно, это медленный процесс, который не может сводиться к заимствованию переводоведением положений из других научных дисциплин: речь идет о создании собственных оригинальных теорий и об их проверке на практике.

Другой проблемой китайских теорий перевода является их относительно низкое влияние в мировом масштабе, которое не выходит за пределы Китая. Как правило, теоретические вопросы и точки зрения китайских авторов обсуждаются в китайских журналах и монографиях, оставаясь неизвестными за рубежом. Это подтверждает публикация статей только в 14 международных переводческих журналах, включенных в базу данных Web of Science [韩子满, 钱虹, 2021]. Лишь отдельные ученые представляют китайские теории перевода на международной арене, например профессор Се Тяньжэнь, опубликовавший свою теорию «медиапереводологии» в журнале «Revue de litterature Comparee и

Comparative Literature: East & West». Однако эта публикация является, скорее, исключением из общего правила. В целом китайские теории перевода еще не привлекли достаточного внимания иностранных академических кругов.

По мнению китайского ученого Чжан Вэй, инновационные исследования китайской теории перевода находятся на начальном этапе, а соответствующие теоретические идеи всё еще требуют корректировки и оптимизации. Китайской теории перевода еще предстоит пройти долгий путь, чтобы успешно выйти на международную арену и оказать серьезное влияние на весь мир [张威, 2023].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 许钧. 改革开放以来中国翻译研究概论 (1978–2018). 武汉: 湖北教育出版社, 2018年 = Сюй Цзюнь. Введение в китайское переводоведение после проведения политики реформ и открытости (1978–2018). Ухань: Образовательная пресса Хубэй, 2018.
2. 刘宓庆. 翻译美学导论. 北京: 中国对外翻译出版公司, 2012年 = Лю Мицин. Введение в эстетику перевода. Пекин: Китайская переводческая и издательская корпорация, 2012.
3. Ван Мэняо. Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
4. 陈东成. 大易翻译学. 北京: 中国社会科学出版社, 2016年 = Чэнь Дунчэн И-переводология. Пекин: Издательство общественных наук Китая, 2016.
5. 潘文国. 译文三合:义、体、气——文章学视角下的翻译研究. 吉林师范大学学报, 2014. (6): 93–10 = Пань Вэньго. Совпадение перевода и оригинала в смысле, стиле и духе – исследование перевода по написанию статей // Журнал Цзилиньского педагогического университета. 2014. Вып. 6. С. 93–10.
6. 韩子满, 钱虹. 当代中国翻译理论国际传播: 现状与展望. 中国翻译, 2021. 42(06): 103–110. = Хань Цзымань, Цянь Хун. Международное распространение современной китайской теории перевода: состояние и перспективы // Китайские переводчики. 2021. Вып. 42(06). С. 103–110.
7. 胡庚申. 生态翻译学: 建构与诠释. 北京: 商务印书馆, 2013年 = Ху Геншэнь. Экопереводоведение: построение и интерпретация. Пекин: Коммерческая пресса, 2013.
8. 顾俊玲, 黄忠廉. 胡庚申译学思想生成考. 外语研究, 2023. 40(06): 103–107 = Гу Цзюньлин, Хуан Чжунлянь. Образование идеи экопереводоведения у Ху Гэншэна // Исследование иностранных языков. 2023. Вып. 40 (06). С. 103–107.
9. 王克非. 语料库翻译学探索. 上海: 上海交通大学出版社, 2012年 = Ван Кэфэй. Исследование корпусного переводоведения. Шанхай: Издательство Шанхайского университета Цзяо Тун, 2012.
10. 胡开宝. 语料库翻译学概论. 上海: 上海交通大学出版社, 2011年 = Ху Кайбао. Введение в корпусное переводоведение. Шанхай: Издательство Шанхайского университета Цзяо Тун, 2011.
11. 谢天振. 译介学. 上海: 上海教育出版社, 1999年 = Се Тяньжэнь. Медиапереводология. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 1999. (на кит.)
12. 张威. 新时代中国翻译理论创新探索——回顾与展望. 外语研究, 2023. 40(06): 66–70 = Чжан Вэй. Исследование инноваций китайских теорий перевода в новую эпоху – Обзор и перспективы // Исследование иностранных языков, 2023. Вып. 40(06). С. 66–70.
13. 黄友义. 坚持«外宣三贴近»原则, 处理好外宣翻译中的难点问题. 中国翻译, 2004. (06): 29–30. = Хуан Юи. Придерживаясь принципа «три близости в иностранной пропаганде», решать сложные вопросы перевода в иностранной пропаганде // Китайские переводчики. 2004. Вып. 6. С. 29–30.
14. 任东升. 国家翻译的对外话语实践: 内涵和框架. 上海交通大学学报, 2022. 30(01): 33–42. = Жэнь Дуншэн. Международная дискурсивная практика Китая: коннотация и рамки // Журнал Шанхайского университета Цзяо Тун. 2022. Вып. 30(01). С. 33–42.

15. 蓝红军. 国家翻译实践——从现实需求到理论建构. 外国语文, 2020. 36(05): 112–118 = Лань Хунцзюнь. От реальности к теории: некоторые размышления о государственной переводческой практике // Иностранные языки. 2020. Вып. 36(05). С. 112–118.
16. Федюковский А. А. Прошлое и настоящее китайского переводоведения // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2016. Вып. 4 (56). С. 28–33.

REFERENCES

1. 许钧. (2018年). 改革开放以来中国翻译研究概论 (1978–2018). 武汉: 湖北教育出版社 = Xu Jun. (2018). Introduction to Chinese Translation Studies since the Reform and Opening up (1978–2018). Wuhan: Hubei Education Press.
2. 刘宓庆. (2012年). 翻译美学导论. 北京: 中国对外翻译出版公司 = Liu Miqing (2012). An Introduction to the aesthetics of translation. Beijing: China Translation and Publishing Corporation.
3. Wang Mengyao. (2014). Sovremennaya nauka o perevode v Kitae: istoriya stanovleniya i tendencii razvitiya = Modern science of translation in China: history of formation and development trends: abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
4. 陈东成. (2016年). 大易翻译学. 北京: 中国社会科学出版社 = Chen Dongcheng (2016). Yi-Tranlatology. Beijing: China Social Sciences Press. (In Chinese)
5. 潘文国. (2014). 译文三合: 义、体、气——文章学视角下的翻译研究. 吉林师范大学学报. (6): 93–101 = Pan Wenguo. (2014). Three Matchings in Meaning, Genre and Literary Strength: a writing-based study of translating and translation. Jilin Normal University Journal, 6, 93–101.
6. 韩子满, 钱虹. (2021). 当代中国翻译理论国际传播: 现状与展望. 中国翻译. 42(06): 103–110. = Han Ziman, Qian Hong (2021). International Dissemination of Contemporary Chinese Translation Theories: Present Status and Prospect. Chinese Translators Journal, 42(06), 103–110.
7. 胡庚申. (2013年). 生态翻译学: 建构与诠释. 北京: 商务印书馆 = Hu Gengshen. (2013). Eco-translatology: Construction and interpretation. Beijing: The commercial Press.
8. 顾俊玲, 黄忠廉, 胡庚申译学思想生成考. 外语研究, 2023. 40(06): 103–107 = Gu Junling, Huang Zhonglian. (2023). On the Formation of Hu Gengshen's Translation Thoughts. Foreign Languages Research, 40(06), 103–107.
9. 王克非. (2012年). 语料库翻译学探索. 上海: 上海交通大学出版社 = Wang Kefei (2012). An Exploration into Corpus-based Translation Studies. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University Press. (In Chinese)
10. 胡开宝. (2011年). 语料库翻译学概论. 上海: 上海交通大学出版社 = Hu Kaibao (2011). Introduction to Corpus Translation. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University Press.
11. 谢天振. (1999年). 译介学. 上海: 上海教育出版社 = Xie Tianzhen. (1999). Introduction to Medio-Translatology. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
12. 张威. (2023). 新时代中国翻译理论创新探索——回顾与展望. 外语研究. 40(06): 66–70 = Zhang Wei. (2023). Translation Theoretical Innovation in China in a New Era: Review and Prospects. Foreign Languages Research, 40(06), 66–70.
13. 黄友义. (2004). 坚持“外宣三贴近”原则, 处理好外宣翻译中的难点问题. 中国翻译. (06): 29–30. = Huang Youyi. (2004). Adhering to the principle of “three proximities”, effectively dealing with challenging issues in translation for international communications. Chinese Translators Journal, 6, 29–30.
14. 任东升. (2022). 国家翻译的对外话语实践: 内涵和框架. 上海交通大学学报. 30(01): 33–42. = Ren Dongsheng. (2022). China's international Discourse Practice via STP: Concept and Framework. Journal of Shanghai Jiaotong University, 30(01), 33–42.
15. 蓝红军. (2020). 国家翻译实践——从现实需求到理论建构. 外国语文. 36(05): 112–118. = Lan Hongjun. (2020). From Reality to Theory: Some Reflections on National Translation Activity. Foreign Language and Literature, 36(05), 112–118.
16. Fedyukovskiy, A. A. (2016). The Past and Present of Chinese Theory of Translation. Uchenye zapiski. St. Petersburg University of Management, Technologies and Economics, 4(56), 28–33. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ван Сьюань

стажер кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета
аспирант Тяньцзиньского университета иностранных языков

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wang Siyuan

exchange student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University
PhD student
Tianjin Foreign Studies University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.12.2023
24.01.2024
16.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Нормирование миноритарных языков: конфликт традиционных носителей и новых говорящих

Н. Н. Германова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nata-germanova@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется конфликт между традиционными носителями миноритарного языка и новыми говорящими, выучившими его в стандартизированной форме в рамках программ ревитализации. Автор раскрывает социально-психологическую и лингвистическую сторону этого конфликта. На примере мэнского языка показано, что обе стороны разделяют пуристические взгляды, хотя для первых чистота языка означает соблюдение норм, реально сложившихся в речевой практике, а для вторых – инновации с целью возврата к историческим корням языка.

Ключевые слова: нормирование языка, миноритарный язык, новые говорящие, пуризм, язык острова Мэн

Для цитирования: Германова Н. Н. Нормирование миноритарных языков: конфликт традиционных носителей и новых говорящих // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 25–32

Original article

Standardizing Minority Languages: Conflict between Traditional and New Speakers

Natalia N. Guermanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nata-germanova@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the conflict between traditional speakers of minority languages and new speakers, who learned the language in its standardized form in the course of revitalization. The author reveals the social, psychological and linguistic aspects of this conflict. It is shown, with a special reference to Manx Gaelic, that both sides of the conflict take a purist stand; however, for the former it means following traditional linguistic practices, while for the latter – innovations with a view to return to historical roots.

Keywords: language standardization, minority language, new speakers, purism, Manx Gaelic language

For citation: Guermanova, N. N. (2024). Standardizing minority languages: conflict between traditional and new speakers. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (884), 25–32.

ВВЕДЕНИЕ

Нормирование языков, предполагающее унификацию вариативного языкового употребления, модернизацию словаря, регламентирование дискурсивных практик, графизацию языкового идиома, часто провоцирует как конфликты между лингвистами и широкой общественностью, так и разногласия в среде самих лингвистов.

Особенно остро стоит вопрос о нормировании языков, находящихся под угрозой исчезновения. Для них принципиален вопрос о сближении или отдалении от норм мажоритарного языка, доминирующего в данном регионе: тот или иной выбор, как правило, свидетельствует о геополитической позиции нормализаторов. Такого рода конфликты нередко носят межэтнический характер, так что решение, к примеру, о выборе орфографического стандарта или о допустимости заимствований из доминирующего языка выливается в дискуссию о статусе языкового идиома (диалект или самостоятельный язык) [Германова, 2021; Архипова, 2019].

В настоящей статье речь пойдет о еще одном типе конфликта, актуальном для миноритарных языков. Этот конфликт возникает тогда, когда процесс межпоколенческой передачи языка нарушается, вследствие чего между речевой практикой традиционных носителей языка и представителей молодого поколения, изучающих миноритарный язык в рамках разного рода программ по его ревитализации, возникают существенные различия. На первый взгляд, это конфликт поколений: старшее поколение сохраняет память о традиционных формах миноритарного языка, в то время как молодое поколение приобщается к нему в его модернизированной форме, сложившейся в результате работы по его стандартизации. Однако далеко не всегда дело в возрасте, или, по крайней мере, проблема заключается не только в возрасте: традиционные носители миноритарных языков и «новые говорящие» относятся к разным социально-психологическим группам, так что первые часто ставят под сомнение статус новых говорящих и легитимность их языковой практики, вторые также часто не готовы ориентироваться на речь традиционных носителей языка.

НОВЫЕ ГОВОРЯЩИЕ И ЯЗЫКОВОЙ КОНФЛИКТ

Пристальное внимание к проблемам миноритарных языков влечет за собой необходимость уточнить статус различных категорий его носителей, то есть выработать определенную типологию говорящих, основанную на их социопсихологических

характеристиках и уровне владения языком. В «Кембриджской энциклопедии языков, находящихся под угрозой исчезновения», предложена следующая типология носителей миноритарных языков:

- традиционные носители языка (с учетом высокого уровня владения языком их также называют «fluent speakers») – это люди, освоившие язык в результате его межпоколенческой передачи и имеющие партнеров, с которыми они могут поддерживать беседу на миноритарном языке;
- говорящие, владеющие языком лишь частично (их часто называют «полуговорящими» – semi-speakers) – это люди, понимающие речь на миноритарном языке, но испытывающие трудности при ее продуцировании; несмотря на это, они могут принимать участие в общении на миноритарном языке, по крайней мере, вставляя отдельные уместные реплики;
- терминальные носители языка (terminal speakers) – люди, слабо владеющие миноритарным языком и практически не имеющие возможности использовать его в коммуникативных целях;
- так называемые «rememberers» – люди, более не использующие миноритарный язык, но способные припомнить некоторые слова и выражения, знакомые им с детства;
- «носители-призраки» (ghost speakers) – люди, отрицающие знание миноритарного языка вследствие негативного отношения к нему и к соответствующей лингвокультуре вопреки владению данным языком (по крайней мере, в некоторой степени);
- новые говорящие (neo-speakers, new speakers) – люди, изучающие миноритарный язык в рамках разного рода программ, нацеленных на его ревитализацию;
- последние носители – это, как правило, традиционные носители, сохранившие знание языка в условиях отсутствия коммуникативных контактов с другими носителями по причине полного отсутствия последних; в ряде случаев они свободно владеют языком предков, в других случаях уровень их знаний сближает их с представителями категории «rememberers» [Grinevald, Bert, 2011].

В настоящей статье речь пойдет о двух из этих категорий – о традиционных носителях и новых говорящих и о том, как оценивается их речевая практика местным сообществом.

Следует заметить, что термин «новые говорящие» используется в социолингвистической литературе в разных значениях. В последнее время

он всё чаще употребляется в качестве зонтичного термина, который применим к таким разным категориям билингвов, как мигранты, вынужденные овладевать языком своего нового окружения; учащиеся, изучающие иностранный язык в академической обстановке; активисты, пытающиеся возродить миноритарный язык и т. д. В любом случае новые говорящие противопоставляются тем носителям языка, для которых данный язык является родным.

Последнее обстоятельство дает основания для выработки определенной иерархии носителей языка, в которой новые говорящие занимают подчиненную позицию, что вызывает протесты тех лингвистов, которые усматривают в этом маргинализацию обширной группы пользователей языком (обзор работ сторонников этой точки зрения см. в: [Ó Murchadha et al., 2018, с. 9–10]). Помимо социально-политического аспекта, дискуссии о статусе новых говорящих затрагивают такие теоретически значимые вопросы, как понятие «носитель языка» (*native speaker*), природа языковой нормы, роль языковых контактов в языковой эволюции, перспективы ревитализации миноритарных языков и др.

В настоящей статье речь пойдет о новых говорящих применительно к миноритарным языкам. Хотя этнолингвистическая витальность миноритарных языков во многом зависит как раз от этой категории носителей, нередко (хотя и не всегда) между традиционными носителями языка и новыми говорящими существует определенная отчужденность.

По многим параметрам характеристики традиционных носителей и новых говорящих противоположны: традиционные носители – это обычно люди старшего поколения, проживающие в сельской местности и далеко не всегда получившие образование. Новые носители относятся к различным возрастным группам, в том числе к молодому и среднему поколениям; это горожане среднего класса, изучающие миноритарный язык в академических условиях. Традиционные говорящие осознают свою связь с конкретным местом и локальным сообществом, в то время как новые говорящие не всегда являются членами местного коллектива и не всегда могут – даже при наличии у них такого желания – войти в него. Это означает, что традиционные носители и новые говорящие часто не входят в одни и те же социальные сетки и сообщества совместной практики (*communities of practice*), т. е. не интегрированы (или не полностью интегрированы) в местное сообщество.

Различаются и сферы употребления миноритарного языка разными категориями говорящих: традиционные носители употребляют язык предков в неформальных ситуациях, в разговорах с

родственниками и друзьями; новые говорящие также могут использовать его для общения в дружеском кругу, но наряду с этим готовы употреблять его и в более официальном контексте, в том числе и на письме. Нередко различается и мотивация говорящих: за использованием миноритарного языка новыми говорящими могут стоять политические и идеологические убеждения, в то время как традиционные носители используют свой язык для реализации практических потребностей.

Помимо социально-психологического аспекта, существует и собственно лингвистическое изменение проблемы. Традиционные носители говорят, как правило, на диалектах миноритарного языка и часто не владеют его письменной формой. Новые говорящие, напротив, приобщаются через систему образования к стандартной модернизированной форме миноритарного языка; последняя может отличаться от традиционных диалектов как лексикой, так и, в некоторых случаях, грамматикой.

При этом оценка этих двух вариантов миноритарных языков противоположной стороной далеко не всегда оказывается положительной. С одной стороны, среди традиционных носителей языка бытует мнение, что речевые практики новых носителей лишены аутентичности, так что языки, прошедшие процессы модернизации и стандартизации, воспринимаются ими как «искусственные». В результате номинации типа *neo-speakers*, *néo-locuteur*, *neo-Provençal*, *néo-breton* и т. д. нередко приобретают отрицательные коннотации.

Подобная оценка разделяется и частью академического сообщества. Таково, например, мнение французского лингвиста Ф. Бланше относительно стандартного провансальского языка: «Новояз, используемый новыми говорящими, это ... если его правильно проанализировать, пословный перевод с французского языка. ... Новое поколение из Каландреты (двуязычная школа на юге Франции, где окситанский язык используется как средство обучения наряду с французским. – Прим. авт.) говорит на совершенно отвратительном языке, своего рода суперназальном парижском сленге с -o на конце слов (которое они фактически произносят как -e)»¹ [цит. по: Costa, 2015, с. 130].

С другой стороны, говорящие на стандартизированных вариантах миноритарных языков нередко утверждают, что традиционные диалекты в течение длительного времени подвергались влиянию мажоритарных языков и в результате до определенной степени утратили свою самобытность. Для преодоления последствий языковых контактов сторонники данной точки зрения

¹Здесь и далее перевод наш. – Н. Г.

предлагают лексические инновации, основанные на исконных корнях

При этом следы языковых контактов присутствуют, конечно, и в стандартизированных вариантах миноритарных языков, однако нередко они проявляются не столько в лексике, сколько в синтаксисе и просодике. Любопытно, что если традиционные носители и лингвисты, выступающие против модернизации миноритарных языков, относятся к лексическим заимствованиям из мажоритарных языков достаточно терпимо, то влияние доминантных языков на языки новых говорящих в сфере синтаксиса и просодии нередко вызывает резко негативную оценку [Costa, 2015].

Таким образом, и традиционные носители, и новые говорящие разделяют пуристические настроения, хотя для первых чистота языка означает соблюдение норм, реально сложившихся в речевой практике, а для вторых – борьбу с последствиями языковых контактов и возврат к историческим корням языка, по крайней мере, в сфере лексики.

Ниже данный конфликт будет рассмотрен на материале языка острова Мэн.

НОВЫЕ ГОВОРЯЩИЕ НА МЭНСКОМ ЯЗЫКЕ: «ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ» И «РЕВИТАЛИЗАТОРЫ»

Судьба языка острова Мэн необычна: это один из немногих языков мира, в котором достаточно успешно произошел обратный языковой сдвиг. В 1974 году после смерти последнего традиционного носителя мэнский язык перешел в число мертвых, однако усилия энтузиастов привели к его возрождению во второй половине XX – начале XXI веков (см. подробнее [Германова, 2023]). Таким образом, на настоящий момент все носители мэнского языка (их насчитывается уже более 2 тыс., а к 2032 их число, как предполагают, достигнет 5 тыс.) относятся к категории новых говорящих. Особую группу, насчитывающую всего несколько десятков носителей, составляют молодые люди, выросшие в семьях активистов, с младенчества общавшихся с ними на мэнском языке. Однако, хотя для этих молодых людей мэнский язык является материнским языком, они не вполне вписываются в категорию традиционных носителей: язык, который им передали в детстве родители, сам по себе был результатом программ по возрождению уже вымершего языка.

Возрожденный мэнский язык стал для его носителей одним из маркеров внутригрупповой солидарности и символом островной идентичности. По мнению исследователей, структура сообщества носителей мэнского языка определяется, прежде

всего, уровнем их владения языком: «большинство бегло говорящих относят себя к центральной группе «говорящих» (speakers), окруженных значительно большей группой «изучающих» (learners) разного уровня компетентности» [Ó hIfearnáin, 2015, с. 46].

В социальном плане носители мэнского языка относятся к среднему классу, с культурной точки зрения это грамотные люди, нередко получившие хорошее образование, их возраст варьирует, однако пожилых людей среди них достаточно мало. Таким образом, их социальный, образовательный и возрастной портрет типичен для новых говорящих, но не для традиционных носителей миноритарного языка.

В отсутствии традиционных носителей конфликт традиционалистов и сторонников новых норм на острове Мэн разыгрывается в среде новых говорящих. Видимо, это обстоятельство отчасти объясняет тот факт, что конфликт протекает в сглаженной форме. Свою роль играет и то обстоятельство, что в составе населения острова число коренных жителей невелико, так что даже среди людей, пропагандирующих мэнский язык, есть не только коренные островитяне [Cheek, Nicol, Grainger, 2011]. При этом среди активистов доминируют прагматические настроения: их в первую очередь волнует задача возрождения мэнского языка как такового, а не вопрос о той конкретной форме, в которой он будет употребляться.

Тем не менее исследователи выделяют среди носителей мэнского языка и представителей академического сообщества две фракции. К одной относятся сторонники ориентации на традиционный мэнский язык в той форме, в которой он был зафиксирован исследователями, в том числе в (аудио)записях и интервью с последними носителями, к другой – сторонники пуристической «чистки» этого языка для его возврата к кельтским истокам. К. Левин называет представителей этих противостоящих друг другу групп «пуристами» и «аутентистами» (authenticists) [Lewin, 2022, 2017a, 2017b], Б. Стоуэлл – «презервационистами» (preservationists) и «ревайвалистами» (revivalists)¹ [Stowell, 2005].

Дискуссии придает остроту крайне неоднозначная, зачастую резко негативная оценка мэнского языка его исследователями. Из-за многочисленных заимствований из английского языка среди лингвистов, начиная с XIX века, сложилось мнение о его креольском характере, что вызывало к нему критическое отношение. Дальше всего в критике языка острова Мэн зашел Т. Ф. О'Рахилли, который

¹Терминология Б. Стоуэлла объясняется тем, что применительно к мэнскому языку правильнее говорить о возрождении этого языка (revival), а не о его ревитализации (revitalization).

в 1932 году заявил, что «мэнский язык едва ли заслуживает того, чтобы жить» [O'Rahilly, 1932, с. 121]. Отдельные возражения автора вызывала орфография: «На мой взгляд, эта система является исторической мерзостью, поскольку она отделяет мэнский от остального гэльского мира (Gaeldom) и таким образом разрушает их языковое единство» [цит. по: Lewin, 20176, с. 43]. Значительно позднее Дж. Бродерик также напишет об «упадке и кончине» мэнского, который из-за произошедших в нем перемен больше не может, по его мнению, оставаться полноценно функционирующим языком [Broderick, 1999, с. 169].

К. Левину, современному исследователю мэнского языка, проблема представляется значительно более сложной, так как ряд диахронических процессов, определивших облик мэнского языка, следует объяснить внутренними тенденциями его развития, а не только влиянием английского (которое, несомненно, также имело место). Он полагает, что мнение о креольском характере мэнского языка преувеличено, поскольку его грамматика на протяжении веков не демонстрирует радикального упрощения, характерного для типичных креольских языков [Lewin, 2017b; Lewin, 2022].

Дискуссия о предполагаемом креольском характере языка острова Мэн имеет прямое отношение к практике его нормирования. Как указывает К. Левин, взгляды нормализаторов на источники языковой нормы существенно различаются, причем это напрямую зависит от оценки степени и характера влияния английского языка на мэнский.

Так, Р. Л. Томсон (1927–2006), автор многочисленных публикаций, бывший член Консультативного совета по мэнскому гэльскому языку (The Manx Gaelic Advisory Council, или Coonceil ny Gaelgey)¹, который решает вопросы, связанные с установлением нормы мэнского языка, является сторонником традиционных норм. Его, по мнению К. Левина, следует отнести к «аутентистам» (в нашей терминологии – к традиционалистам) [Lewin, 20176; Lewin, 2022]. Р. Л. Томсон был не склонен объяснять развитие мэнского языка исключительно влиянием английского и, тем более, расценивать его как признак упадка. В целом он крайне осторожно относился к инновациям, хотя и допускал их неизбежность в отдельных случаях [там же].

Принципиально другую позицию занимает Д. Фаргхер, автор «Англо-мэнского словаря» (1979), оценивающий англизацию как историческую несправедливость. Его словарь не является строго дескриптивным: он вносит в лексикон инновации, способствующие, по его представлениям,

¹Это подкомитет организации Culture Vannin, главного органа, занимающегося продвижением мэнской культуры и языка.

улучшению языка, включая в него заимствования из ирландского и гэльского языков. Более того, он экспериментирует и с грамматикой, о чем свидетельствует следующий пассаж из его предисловия к «Англо-мэнскому словарю»: «Я не приношу свои извинения за то, что попытался восстановить мутации (характерные для кельтских языков изменения начальных согласных. – *Прим. авт.*), категорию грамматического рода и другие характеристики гэльского языка, которые, несомненно, существовали в дописьменном и классическом мэнском языке, но которые уже исчезли до кончины последних носителей мэнского из-за того хаоса, который был привнесен в мэнский английский язык» [цит. по: Lewin, 20176, с. 44].

Такого рода предложения вписываются в существующее с конца XIX века пан-кельтское движение, ставящее своей целью объединить носителей кельтских языков в единое сообщество и сформировать у них осознание общекельтской идентичности. В рамках этого движения в конце XIX века сформировалась и пан-гэльская идеология, задачей которого является, прежде всего, сближение ирландского и шотландского гэльского языков. Хотя эти идиомы признаны отдельными языками, они достаточно близки друг к другу как с исторической², так и с собственной лингвистической точки зрения, что, вкупе с политическими и культурными движениями в поддержку кельтской солидарности создавало почву для программ по их сближению. Впрочем, это движение не добило существенных успехов, в том числе и по причине отсутствия регулярных прямых контактов между носителями ирландского и шотландского гэльского языков. Сторонникам пан-гэльской идеологии не удалось прийти к консенсусу и по вопросу орфографических различий: фактически орфографические реформы XX века только увеличили различия между языками; сближения языковых норм не наблюдалось и в других областях [McLeod, 2008].

Характерно, что пан-гэльская идеология XIX–XX веков не принимала во внимание существование мэнского гэльского, который, очевидно, представлялся слишком англизированным для того, чтобы считаться в полной мере кельтским; его, как было отмечено выше, даже упрекали в том, что он разрушает гэльское единство.

²Шотландский гэльский язык является потомком ирландского языка, в Шотландию его принесли ирландские переселенцы в IV веке. Самостоятельные нормы шотландского гэльского языка стали складываться, вероятно, с XIV века, и хотя взгляды лингвистов на начало этого процесса существенно варьируют, все исследователи соглашаются с тем, что к XVII веку шотландский гэльский стал восприниматься как отдельный язык [McLeod, 2008, с. 89].

Стремление вернуть мэнский к его кельтским истокам приводит к тому, что пуристически настроенные реформаторы традиционного мэнского языка рекомендуют использовать исконные мэнские слова и выражения или лексемы гэльской этимологии вместо уже закрепившихся в языке заимствований из английского языка. Они могут отвергать даже те заимствования, которые уже прочно закрепились в ирландском или гэльском языках, предлагая взамен неологизмы, основанные на материале мэнского языка. Характерными примерами являются *symoil* («интересный», от ирл. *suimiúil*); *anaasagh* («необычный, редкий», от шотл. гэльск. *annasach*), *corran buigh* («банан», дословно «желтый полумесяц») вместо *banana*; *etlan-cassee* («вертолет», дословно «крутиться» + «зависать») вместо прежнего *coptyr* (сокр. англ. *helicopter*) и другие новообразования такого рода [Broderick, 2013].

Усилить кельтский элемент в мэнском языке в свете пан-кельтских настроений представляется понятной целью реформаторов. Однако в практическом плане она еще менее осуществима, нежели сближение ирландского, шотландского и гэльского языков.

Представления об источниках нормы варьируют и в оценках рядовых носителей мэнского языка. Некоторые из них ищут образцы «правильного» языка в корпусе текстов и аудиозаписях речи последних традиционных носителей языка, которые благодаря Интернету стали более доступны широкой публике. Как отмечает К. Левин, интерес к этим материалам, доступным в цифровой форме, существует не только среди лингвистов, но и среди молодых людей, изучающих мэнский язык [Lewin, 2022]. Однако ценность такого рода записей как ориентира для современной нормы речеупотребления остается спорной. Как отмечалось выше, достаточно распространено мнение, что мэнский язык в том виде, в каком он был записан в XX веке, это далеко не тот чистый с исторической точки зрения язык, который мог бы быть взят за образец: последние носители, будучи двуязычными, невольно внесли свою лепту в многовековую историю его англизации.

В результате большинство изучающих мэнский язык не принимают речь традиционных носителей языка прошлого за абсолютный образец. Вот характерное высказывание современного носителя языка: «Я слушаю записи речи старых

носителей языка. Странно, но по большей части их мэнский не лучше того, на котором говорят сейчас, и они не говорят о современных проблемах. Я предпочитаю слушать современных носителей, бегло говорящих на мэнском...» [цит. по: Ó hÍfearnáin, 2015, с. 56–57]. Это высказывание свидетельствует о значимости социальных сетей и сообществ совместной практики в распространении языковых норм. По данным опроса¹, только два респондента из тридцати двух опрошенных считали необходимым ориентироваться на речь последних носителей языка; девять респондентов, напротив, заявили, что для них при оценке хорошей речи на мэнском языке старые образцы не представляют интереса [там же].

Эта позиция указывает на готовность тех, кто изучает мэнский, включать в свой речевой репертуар современные инновации. Как уже отмечалось выше, по крайней мере, часть этих инноваций предполагает усиление «кельтского начала» в мэнском языке, т. е. соответствует устремлениям тех, кого К. Левин назвал «пуристами».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очерченные выше тенденции проявляются в конкретных этнических и социополитических условиях по-разному. Варьирует степень различия традиционного и стандартного вариантов миноритарного языка, их престижность в глазах разных категорий носителей, формы осуществления программ ревитализации и их радикальность, степень неприятия традиционными носителями и новыми говорящими идиомов друг друга и т. п.

Возникающие пуристические настроения принимают либо ретроспективный характер (ориентация на сложившийся в речи традиционных носителей узус) либо проспективный характер (стремление избавиться от заимствований путем создания новых лексем и конструкций на базе исконной лексики и грамматики). В любом случае, конфликт двух языковых норм – традиционной нормы миноритарного языка и его стандартизованного варианта – до сих пор остается неразрешенным. С данной проблемой сталкиваются лингвисты, работающие над возрождением языков, находящихся под угрозой исчезновения.

¹В нем приняли участие жители острова Мэн, признанные наилучшими знатоками мэнского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Германова Н. Н. Нормирование языка и лингвистическая конфликтология // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 9 (851). С. 11–22.

2. Архипова Л. С. Стандартизация миноритарного языка как способ повышения его этнолингвистической vitality // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 11–21.
3. Grinevald C., Bert M. Speakers and communities // *The Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 45–65.
4. Ó Murchadha N. P. et al. New Speakers, Familiar Concepts? / N. P. Ó Murchadha, M. Hornsby, C. Smith-Christmas, M. Moriarty // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices*. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–22.
5. Costa J. New speakers, new language: on being a legitimate speaker of a minority language in Provence // *International Journal of the Sociology of Language*. 2015. Vol. 231. P. 127–145.
6. Германова Н.Н. «Язык-феникс»: опыт ревитализации языка острова Мэн // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 18–26.
7. Ó hlfearnáin T. Sociolinguistic vitality of Manx after extreme language shift: authenticity without traditional native speaker // *International Journal of the Sociology of Language*, 231. 2015. P. 45–62.
8. Cheek C., Nicol S., Grainger S. Manx identity and Comeovers // *Islands and Britishness: A Global Perspective*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2011. P. 65–77.
9. Lewin Ch. Continuity and hybridity in language revival: The case of Manx // *Language in Society*. 2022. Vol. 51(4). P. 663–691. doi:10.1017/S0047404521000580
10. Lewin Ch. Scholarship and language revival: language ideologies in corpus development for revived Manx // *Studia Celtica Posnaniensia*. 2017a. Vol. 2 (1). P. 97–118. doi: 10.1515/scp-2017-0006
11. Lewin Ch. 'Manx hardly deserved to live': Perspectives on language contact and language shift // *Zeitschrift für celtische Philologie*. 20176. № 64. P. 1–70.
12. Stowell B. The case of Manx Gaelic // *Rebuilding the Celtic languages: Reversing language shift in the Celtic countries*. Talybont: Y Lolfa, 2005. P. 383–416.
13. O'Rahilly T.F. Irish dialects past and present, with chapters on Scottish and Manx. Dublin: Browne & Nolan, 1932.
14. Broderick G. Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man. Tübingen: Niemeyer, 1999.
15. McLeod W. Linguistic Pan-Gaelicism: A dog that wouldn't hunt // *Journal of Celtic Linguistics*. 2008. № 12 (1). P. 87–120.
16. Broderick G. Neologisms in revived Manx in the Isle of Man // *Studia Celtica Fennica*. 2013. Vol. 10. P. 7–29.

REFERENCES

1. Guermanova, N. N. (2021). Language standardization and linguistic conflictology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 9(851), 11–22. (In Russ.)
2. Arkhipova, L. S. (2019). Standardization of a minority language as a means of increasing its ethno-linguistic vitality. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(819), 11–21. (In Russ.)
3. Grinevald, C., Bert, M. (2011). Speakers and communities. In *The Cambridge Handbook of Endangered Languages* (pp. 45–65). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Ó Murchadha, N. P., Hornsby, M., Smith-Christmas, C., Moriarty, M. (2018). New Speakers, Familiar Concepts? In *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* (pp. 1–22). London: Palgrave Macmillan.
5. Costa, J. (2015). New speakers, new language: on being a legitimate speaker of a minority language in Provence. *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 127–145.
6. Guermanova, N. N. (2023). Arisen like phoenix: revitalisation of the Manx language. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series Linguistics*, 3, 18–26. (In Russ.)
7. Ó hlfearnáin, T. (2015). Sociolinguistic vitality of Manx after extreme language shift: authenticity without traditional native speaker. *International Journal of the Sociology of Language*, 231, 45–62.
8. Cheek, C., Nicol, S., Grainger, S. (2011). Manx identity and Comeovers. In *Islands and Britishness: A Global Perspective* (pp. 65–77). Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
9. Lewin, Ch. (2022). Continuity and hybridity in language revival: The case of Manx. *Language in Society*, 51(4), 663–691. doi:10.1017/S0047404521000580
10. Lewin, Ch. (2017a). Scholarship and language revival: language ideologies in corpus development for revived Manx. *Studia Celtica Posnaniensia*, 2(1), 97–118. doi: 10.1515/scp-2017-0006

11. Lewin, Ch. (2017b). 'Manx hardly deserved to live': Perspectives on language contact and language shift. *Zeitschrift für celtische Philologie*, 64, 1–70.
12. Stowell, B. (2005). The case of Manx Gaelic. In *Rebuilding the Celtic languages: Reversing language shift in the Celtic countries* (pp. 383–416). Talybont: Y Lolfa.
13. O'Rahilly, T. F. (1932). *Irish dialects past and present, with chapters on Scottish and Manx*. Dublin: Browne & Nolan.
14. Broderick, G. (1999). *Language Death in the Isle of Man: An investigation into the decline and extinction of Manx Gaelic as a community language in the Isle of Man*. Tübingen: Niemeyer.
15. McLeod, W. (2008). Linguistic Pan-Gaelicism: A dog that wouldn't hunt. *Journal of Celtic Linguistics*, 12(1), 87–120.
16. Broderick, G. (2013). Neologisms in revived Manx in the Isle of Man. *Studia Celtica Fennica*, 10, 7–29.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Германова Наталия Николаевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Guermanova Natalia Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	23.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Блеск и нищета интерпретации: Х. Штайнталь и «достроенный Гумбольдт»

О. А. Радченко¹, Р. С. Аликаев²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, radoleg@gmail.com

²Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, Нальчик, Россия, ralikaev@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена статусу гумбольдтианства как направления в лингвистических исследованиях XIX века и ревизии претензий Х. Штайнталья на роль ученика и последователя В. фон Гумбольдта. Авторами использованы нарративный и текстологический методы исследования трудов В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталья. Основной вывод статьи заключается в несостоятельности тезиса о миссии Штайнталья как внимательного интерпретатора и популяризатора учения Гумбольдта.

Ключевые слова: гумбольдтианство, Штайнталь, Гумбольдт, нарративный метод, ревизия историографии лингвистики

Для цитирования. Радченко О. А., Аликаев Р. С. Блеск и нищета интерпретации: Х. Штайнталь и «достроенный Гумбольдт» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2 (884). С. 33–40.

Original article

The Splendors and Miseries of Interpretation: H. Steinthal and the “Completed Humboldt”

Oleg A. Radchenko¹, Rashid S. Alikaev²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, radoleg@gmail.com

²Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik, Russia, ralikaev@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the status of Humboldtianism as a direction in linguistic research of the 19th century and revision of H. Steinthal's claims to the role of W. von Humboldt's student and follower. The authors have used narrative and textual methods to study the works by W. von Humboldt and H. Steinthal. The main conclusion of the article is inconsistency of the thesis of Steinthal's mission as a careful interpreter and popularizer of Humboldt's teachings.

Keywords: Humboldtianism, Steinthal, Humboldt, narrative method, revision of linguistic historiography

For citation: Radchenko, O. A., Alikaev, R. S. (2024). The splendors and miseries of interpretation: H. Steinthal and the “completed Humboldt”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884). 33–40.

ВВЕДЕНИЕ

История языкознания полна парадоксов. Мы считываем начало теоретического языкознания от XIX века – периода, когда были разработаны два первых воистину научных метода, сравнительно-исторический и типологический [Алефиренко, 2013; Даниленко, 2016; Лукин, 2015]¹. У истоков этого открытия стоял В. фон Гумбольдт – человек, не имевший никакого лингвистического образования, ученой степени (как у Х. Штайнталя) или опыта работы в академической среде (в отличие, скажем, от А. В. Шлегеля), но написавший, несмотря на это, целый ряд грамматик америндских языков (майя, отоми, тарахумара и др.) и значительное количество работ по философии языка [Humboldt, 2009]. Небольшая часть этих работ была издана в 1836–1839 годы, несколько больше статей вошли в собрание сочинений в 1903–1912 годы, однако большая часть манускриптов погибла в берлинских пожарах во время Второй мировой войны [Brenner, 2017, с. 7]. Это сделало невозможным восстановление всего грандиозного здания сравнительного языкознания, задуманного и основанного великим Гумбольдтом, и превратило любые рассуждения о его концепции в нечто фрагментарное и субъективное.

Этой фрагментарностью и субъективностью отличалось и гумбольдтианство, если под данным общим термином можно было бы объединить разрозненные концепции исследователей, не связанных друг с другом общей научной школой. Существование гумбольдтианства – одна из данностей лингвистической историографии [Радченко, 2007], но хронологически первый «гумбольдтианец» – Ф. Бопп – не был в собственном смысле учеником Гумбольдта и даже, более того, – он увел сравнительное языкознание далеко от той цели, которую преследовал Гумбольдт, игнорируя его предостережение: «Сравнительное изучение языков, тщательное исследование многообразия, которым многочисленные народы решают одну и ту же, заложенную в них как людей задачу формирования языка, теряют всяческий высокий интерес, если это не связано с той точкой, в которой язык взаимосвязан с формированием силы национального духа» [Humboldt, 1848, с. 1–2].

При этом возможно с большой уверенностью утверждать, что Гумбольдт в своих исследованиях полагался на мнение Боппа как знатока языков. Так, в предисловии к первому изданию «О языке кави на острове Ява» (1836) А. фон Гумбольдт отдает должное влиянию Боппа: «Во всем, что

касается философии языковедения или в особенности организма языка санскрит, мой брат с доверием беспрестанно консультировался по поводу своего труда о языке кави вплоть до своей кончины с человеком, который был связан с ним узами многолетней проверенной дружбы и взаимного уважения и который оказывает постоянно растущее влияние на направление сравнительного, общего языковедения своим острым умом и неутомимой деятельностью. Господин профессор Бопп получал от ушедшего в вечность каждую готовую страницу первого тома с просьбой о строгой критике» [Humboldt, 1907, с. 346–347].

Парадоксальным оказывается при ближайшем рассмотрении и отношение к Гумбольдту того исследователя, который считал себя его верным последователем и интерпретатором – Х. Штайнталя. Творческие метания основоположника этнопсихолингвистики в существенной степени обусловлены тем, каким образом он извлекал важные для себя идеи в процессе чтения гумбольдтовых работ.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для сопоставления концепций В. фон Гумбольдта и Х. Штайнталя следует обратиться к их оригинальным трудам, а также критическим работам, посвященным вкладу Штайнталя в формирование языкознания второй половины XIX века [Bondi, 2021; Klautke, 2016; Waller, 2006; Wiedebach, Winkelmann, 2002]. Эти научные публикации подлежат метакритическому анализу с целью предложить обоснованный научный нарратив, призванный проверить истинность тезисов, распространенных в современной историографии лингвистики, в частности, о значительной роли Штайнталя в интерпретации и популяризации трудов В. фон Гумбольдта во второй половине XIX века.

«ДУХ НАРОДА» И ДРУГИЕ «НЕЯСНОСТИ» ГУМБОЛЬДТА

То, значение, которое придавал идеям Гумбольдта двадцатипятилетний Штайнталь, обнаруживает себя уже на титульном листе его докторской диссертации, где под броским основным заголовком «Языкознание Вильгельма фон Гумбольдта» следует набранное мелким шрифтом «и философия Гегеля» [Steinthal, 1848]. В появлении этой диссертации многое удивляет: и резкий поворот к общему языкознанию от кандидатского исследования относительных местоимений, и то, что для создания труда, содержащего сопоставление взглядов двух великих философов, ему потребовалось всего два года. Однако удивляет и тон, избранный

¹ См. также Нелюбина, Хухуни (2008).

Штайнталем для характеристики идей Гумбольдта, изложенных на тот момент в первых изданиях его работ (к началу 1848 года вышли пять томов собрания сочинений, но самый важный – шестой том с введением в труд о языке кави, появляется практически одновременно с публикацией диссертации Штайнтала). Примечательно, что научными консультантами Штайнтала по этой диссертации выступали Ф. Бопп и А. Тренделенбург [Bondi, 2021, с. 2].

Основным мотивом этой диссертации, наряду с комплиментарной частью, была резкая критика образа мышления и формулировок Гумбольдта, разного рода «неясностей» в его трудах. Штайнталь отмечает, что Гумбольдт оказался не в состоянии учитывать «тот логический закон, по которому силу и проявление, сущность и явление нельзя разрывать и фиксировать каждое в отдельности; когда он верно находил одно в другом, то он еще раз вопрошал о характеристиках силы, не имеющей никаких иных характеристик, кроме существования в проявлении» [Steinthal, 1848, с. 27]. Штайнталу представляются нелогичными рассуждения о духе (Geist), который определялся Гумбольдтом то как «только деятельность», то как «некая духовно существующая субстанция в ее блеске». Таким образом, как заключает Штайнталь, Гумбольдт «сам создал себе неясности, которых нет, и закреплял эти созданные им самим неясности в предполагаемой силе, которая, однако, вне проявления есть самое неясное ничто» [там же, с. 28].

Штайнталь пытался, конечно же, найти объяснения для столь туманных формулировок и не менее туманных, по его мнению, размышлений лингвистического гения. Ему представляется очевидным то, что Гумбольдт в молодые годы слишком погружался в чтение трудов Иммануила Канта. Кроме того, в своих размышлениях Гумбольдт нередко высказывал столь оригинальные и непривычные мысли, «к коим языковая форма способна прильнуть не сразу» [там же, с. 30]. В качестве примера он усматривает следующую аналогию: конкретные «духи народов» соотносимы с «всеобщим духом» так же, как отдельные этнические языки – с некой универсальной «языковой идеей»: «Они суть различным образом происходящее воспламенение и раскрытие последней; эта последняя лишь в них обретает свое существование» [там же, с. 40]. Приписывая эти мысли Гумбольдту, Штайнталь подчеркивает принципиальную равноценность этнических языков как таковых, которые «нельзя рассматривать как некие неудачные, неуклюжие попытки, из коих всякая потому была бы новым путем осуществления единого идеала языка, что другая не смогла привести к этому результату; нет,

в каждом из языков этот идеал с одной стороны осуществлен совершенно» [Steinthal, 1848, с. 44].

Интерпретируя таким образом дихотомию «Ganzheit / Totalität», действительно присутствующую в работах Гумбольдта, в том числе и в данной терминологической паре, Штайнталь отказывается от попыток выявить в каждом языке специфику «народного духа» (проще говоря, этническую логику, к примеру, в номинации или фразеологии) и призывает обратиться к «священной речи»: «Лишь ее следует вообще всегда рассматривать во всех исследованиях, кои должны вникнуть в живую сущность языка, как единственно истинное и первейшее» [там же, с. 74–75]. Совокупность всяческой индивидуальной речи и сотворяет специфику национального языка, полагает он, поэтому каждый носитель языка «тем же способом воспринимает то же внешнее воздействие... и стремится воздействовать на других тем же способом» [там же, с. 56]. В итоге нация трактуется им как «человеческая индивидуальность, которая следует по своей внутренней духовной колее» [там же, с. 53], что позволяет услышать первые ноты будущей этнолингвистики в версии Штайнтала.

Основным приемом молодого Штайнтала в процессе извлечения квинтэссенции гумбольдтова воззрения на язык и нацию становится наполнение терминов, не получивших у Гумбольдта какой-либо четкой дефиниции, собственными идеями. Так случилось с «внутренней формой» (inhere Sprachform), которую он поначалу воспринимает как синоним грамматики, отмечая, правда, при этом важность раннего периода формирования языков, когда при ее образовании действуют все силы умонастроения, чувство, фантазия и разум, причем все эти силы проявляют себя «своеобразным, соответствующим природе народного духа способом; разум может даже подвести человека ошибочными или даже ложными различениями и комбинациями к формам более произвольным, нежели обусловленным воистину логическими законами мышления» [там же, с. 111]. Необходимо отметить, что, в противовес неогумбольдтианству первой половины XX столетия Штайнталь не рассматривает внутреннюю форму как уникальную базовую характеристику каждого конкретного языка. По его мнению, эта характеристика присуща целым языковым семьям, что обуславливает фундаментальное единство тех самых «умонастроения, чувства, фантазии и разума» первобытных коллективов на стадии создания праязыка. Это рассуждение по сути, отвергает вероятность того, что конкретное языковое сообщество сможет формировать свою картину мира в процессе идиоэтнического познания – а именно на этом будет

базироваться восьмьюдесятью годами позже вся теория языковой категоризации действительности в неогумбольдтианской версии.

Своеобразный «антиментализм» Штайнтала отражается и в его тезисе о речи как исключительном вместилище внутренней формы, «акте самоосвобождения духа народа», и «если вообще существует хоть какое-либо различие между языками, то оно должно заключаться в первых двух принципах – в звуковой форме и использовании. Но звуковая форма – не просто звук, а такой звук, в котором заключена внутренняя форма языка. Оба они неразрывны, и каждый как таковой и в своей взаимосвязи они вызывают различие между языками» [Steinthal, 1848, с. 105, 137]. К такому одностороннему акцентированию речи он добавляет и понимание грамматики как истории этнической логики, оставляя за пределами своих интересов другие аспекты процесса идиоэтнического языкового мирозидания, в частности, отражение опыта освоения окружающего мира в лексических парадигмах, словообразовательные ресурсы, культурно значимые фразеологические единицы, все сколько-нибудь связанные с культурой и бытом языкового сообщества прецедентные феномены и пр. Первая попытка «духовного присвоения» идей Гумбольдта Штайнталем зиждется на комплексе недоразумений, приводящем его к совершенно новой, оригинальной теории, не имеющей, впрочем, ничего общего с наследием Гумбольдта, кроме нескольких произвольно толкуемых терминов [Радченко, 2001].

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА И ВНУТРЕННИЙ СМЫСЛ ЯЗЫКА

Размышления о «языковой идее» и «внутренней форме» продолжает его «Классификация языков», вышедшая в свет через год после защиты докторской диссертации [Steinthal, 1850a]. Здесь мы обнаруживаем нечто новое – противопоставление неких априорно существующих форм мышления и формы языка, которая трактуется как собственное творение человека. Форма языка «охватывает законы, согласно которым он представляет самому себе свой внутренний мир, да и только созидает его» [там же, с. 60]. Не менее показательными кажутся признание идентичности мыслительных содержаний у всех народов и приравнивание различий между языками только лишь к расхождениям в их грамматическом строе [там же, с. 62].

Помимо весьма узко трактуемой внутренней формы языка, Штайнталь обращается к внутреннему смыслу языка (*innerer Sprachsin*), «лингвосозидающему духу, или народному сознанию» [там же,

с. 71]. Деятельность «личностей с бесконечным языковым сознанием» образует своего рода промежуточный элемент между ними. Выстроив цепочку *народное сознание – речевая деятельность индивидуальных личностей – внутренняя форма языка (его типологические характеристики)*, Штайнталь исключительно обедняет идеи Гумбольдта, одновременно обвиняя его в абсолютизации языка, так как «язык превращается у него в *causa sui*, в субстанцию, в нечто непосредственное, то есть “непостижимое”» [там же, с. 27], а целостность (т. е. в понимании Штайнтала – языковая идея) – в нечто потустороннее [там же, с. 38].

Здесь Штайнталь продолжает свою критическую линию, приписывая Гумбольдту аморфный мистицизм, отсутствие стиля, бесформенность введения в работу о языке кави, которую на этот раз Штайнталу удалось перечитать [Steinthal, 1850a, с. 22]. Гумбольдт не способен осознать взаимосвязи между духом и языком, предлагает во многом сомнительное, с точки зрения Штайнтала, определение внутренней формы и недостаточно четко определяет отношения между языком и мышлением [там же, с. 28–31]. В результате такого «прочтения» у его автора не мог не возникнуть вопрос, как столь противоречивая, нелогичная и отдающая мистицизмом теория могла оказать столь мощное влияние на науку о языке XIX столетия.

На самом деле в других публикациях 1850 года Штайнталь обращается к кажущейся ему парадоксальной значимости трудов Гумбольдта. Анализируя состояние языкознания второй половины XIX века, он ставит перед собой довольно странную задачу – «объяснить тот примечательный факт, что труды Гумбольдта, из коих последний и самый значительный по объему и глубине приобрел известность пятнадцать лет назад, стали источником многообразного и сильного воздействия посредством отдельных положений, кои всё же вовсе не всегда понимались в духе Гумбольдта» [Steinthal 1850b, с. 214]. Воздействие Гумбольдта на языковедов трактуется им, тем самым, как чистое недоразумение, поскольку «эти труды вовсе не представляли собой цельную концепцию и не оказали на языковедение непосредственно созидающего влияния» [там же]. Однако Штайнталь не готов признать свою герменевтическую несостоятельность и неспособность языковедов его времени мыслить на уровне основателя теоретического языкознания. В сложившейся ситуации он винит самого Гумбольдта: «Причину тому следует искать преимущественно не в языковедах..., а в самом Гумбольдте, его абсолютной непонятности. Эта непонятность есть прежде всего продукт темного изложения» [там же, с. 215].

Тем самым Штайнталь рисует себе и своим читателям портрет восторженного Гумбольдта, который «описал чудо языка и именно поэтому не постиг язык как таковой», «не понимал, как язык вообще взаимосвязан с духом», «не понял отношения языка и мышления и, следовательно, отношения грамматических категорий к логическим», «не осознал ... сущность и отношение различия между языками» [Steinthal, 1850в, с. 216–217]. Совершенно очевидно, что эта критика призвана предварить доказательства того, что все это удалось самому критику.

РАЗРЫВ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

По всей видимости, отдаление Штайнталя от Гумбольдта ускоряется в «Грамматике, логике и психологии», в особенности, когда он принимается рассуждать о «разделимости языка и мышления»: «Глухонемой мыслит часто понятнее, чем иной говорящий: он даже чаще оказывается умницей и даже без особого обучения обладает религиозными представлениями» [Steinthal, 1855, с. 153–154]. Возможность существования мышления без языка он иллюстрирует примерами сновидений, математического и химического мышления, рецепции музыкальных произведений и картин [там же, с. 154–155] и даже способности изучить иностранный язык [там же, с. 158]. Вербальное мышление он не относит к вершинам человеческой когниции, оно лишь промежуточная ступень между низшими ступенями, на которых превалирует созерцание внешних и внутренних образов, и ситуациями, когда «дух пытается избавиться от этого груза звука на более высокой ступени своего формирования», нуждаясь при этом в «чувственных знаках» как своей опоре (например, в формулах алгебры) [там же, с. 155].

Очевидно, Штайнталь временами соскальзывает на трактовку языка как исключительно внешней формы, не наполненной самостоятельным содержанием, когда утверждает, что «человек мыслит не в звуках и посредством звуков, а вместе с ними и в их сопровождении», так что «ни действительность мышления не зависит и не становится возможной благодаря соединению его со звуком, ни слово и понятие, язык и мысль не становятся идентичными в силу их присоединения друг к другу» [там же, с. 156]. Более того, он усматривает проблему в том, что «человеческое мышление всегда и везде остается тем же самым», в то время как «в языке, проявляется отличие от регулярных отношений, которое не может быть безразлично для образа мышления как такового, то есть для психологической деятельности» [там же, с. 157]. Автономность мышления подкрепляется его утверждением о том, что

оно «обладает собственными формами, которые не имеют ничего общего с их языковым сиянием, своими логическими и метафизическими формами; язык же располагает своим материалом» [там же, с. 358]. К последнему, кроме собственно звука, он относит «инстинктивное самосознание», которое всего лишь «поставляет краски и контуры для отображения мысли говорящим» [там же, с. 358]. В этом видится, несмотря на все старания Штайнталя, сведение роли языка к обслуживанию мышления в качестве средства его экстерииоризации в «реальном говорении», добавляющего к собственному мыслительному материалу лишь некие нюансы.

Особый статус слово приобретает лишь в период первичной номинации: «Оно обозначает ту единицу, с которой связана сумма восприятий, неизменное ядро, остающееся прочным, даже если отдельные признаки меняются» [там же, с. 320]. Эта точка зрения придает новый смысл этимологии – как попытке реконструировать первичные восприятия языкового коллектива на ранней стадии формирования языка. Это же объясняет постепенную трансформацию понимания почерпнутой у Гумбольдта терминологии в более зрелых публикациях Штайнталя. Так, уже в 1860 года внутренняя форма связывается им с семантикой слова, так что «языки весьма многообразно различаются и по их внутренней стороне, в отношении значения. Ни в одном языке практически нет ни одного слова и ни одной формы, которые полностью совпадали бы со словом или с формой другого языка по их значению» [Steinthal, 1860, с. 299]. Но подобные озарения можно считать лишь исключениями из общего собственного теоретического массива, созданного и активно продвигавшегося в основанном Штайнталем и М. Лацарусом известном журнале.

БЕЗУСПЕШНАЯ ЦЕЗУРА

Хотелось бы завершить историю «достраивания» гумбольдтова учения Штайнталем неким покаянным сюжетом – ученик, превративший идеи учителя в излюбленную мишень, по мере научного и жизненного взросления осознает свои ошибки и возвращается к чистому источнику, который он успел замутить своими высокомерными интерпретациями. К такому эпилогу в работах Штайнталя 1880-х годов располагает хотя бы то обстоятельство, что после смерти соратника и издателя трудов братьев Гумбольдтов, профессора Берлинского университета И. К. Э. Бушманна (1805–1880) Берлинская королевская библиотека приобретает его коллекцию манускриптов, среди которых имелись и рукописи работ Гумбольдта по языкознанию. Приглашенный издательством «Дюммлер» в

качестве редактора собрания этих работ Штайнталь проникновенно отмечает в предисловии: «Я постоянно испытывал сильнее или слабее, в зависимости от настроения, такое чувство, что я не могу сказать: я понимаю Гумбольдта полностью и действительно. Этого я не забывал и в тот период, когда критика превалировала в моих литературных высказываниях о Гумбольдте, коя не отсутствовала даже в дни моей полной преданности ему. Я могу, более того, признать истины ради: во все времена мое уважение перед этим мыслителем было сильнее, чем моя критика, а еще сильнее, чем уважение, была моя любовь к нему... Теперь я знаю, что я его тогда не полностью понимал» [Steinthal, 1884, с. 1–2]. Более того, он признает, что новое, более полное и точное понимание идей Гумбольдта «стало возможно лишь потому, что я стремился забыть самого себя» [там же, с. 3].

Ознакомившись с работами, вошедшими в сборник 1884 года, Штайнталь рассматривает «всё, сказанное о Гумбольдте, прежде, как более не существующее, как погруженное в царство забвения», в том числе и его собственные выводы и оценки [там же, с. 4]. В то же время он приписывает себе одному способность разобраться в хитросплетениях гумбольдтовой концепции. Теперь Штайнталь с большим пиететом отдает должное заслугам Гумбольдта, поскольку «философия языка начинается с него, возникла в нем... Его взгляды на сущность языка и форму языков возникли собственно в нем самом... Он не подхватывал уже существовавшее, и его идеи нельзя вывести из предыдущего. Его можно объяснить только, исходя из него самого» [там же, с. 13].

Подобная переоценка собственного понимания идей Гумбольдта, равно как и прочих попыток его интерпретировать, должна была увенчаться и новыми оценками научного стиля и концептуального наследия мастера. Однако уже через четыре года в последней крупной публикации, имеющей отношение к концепции Гумбольдта, в третьем издании монографии «Происхождение

языка», Штайнталь не удерживается от соблазна повторить свои старые интерпретации, к примеру, термина *energeia*, которая «и есть речь», «строго говоря, определение сиюмоментного говорения; но в истинном и сущностном смысле можно рассматривать лишь целостность этого говорения в качестве языка» [Steinthal, 1888, с.59–60]. Итоговый вывод не приносит ничего неожиданного: «Гумбольдт удовольствовался тем, что заставил свою теорию настолько сохранять молчание, чтобы она не искажала рассмотрение отдельных фактов» [там же, с. 107].

Справедливости ради стоит упомянуть, что к концу 1880-х годов научные занятия Штайнталья определялись иными темами: собственной концепцией этнопсихолингвистики, иудаистикой, философией религии, мифологией и этикой [Wiedebach, Winkelmann, 2002, с. XV]. Возвращение к Гумбольдту было лишь данью научным исканиям юности, основным выводам которых он оставался верен до конца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ревизия лингвоисториографических аксиом приобретает актуальность по мере того, как открываются все новые биографические факты, публикуются неизвестные до того труды классиков языкознания, обнаруживаются доказательства существенного влияния жизненных обстоятельств, окружения и личных мотивов на научные изыскания значимых персоналий в истории нашей науки. Возможно, нам предстоит открытие нового Штайнталья, личность которого осветят по-новому письма, дневники, неизвестные на данный момент или пылящиеся в архивах забытые манускрипты. Погружение в эту, казалось бы, не всегда строго научную материю может стать тем решающим фактором, благодаря которому и мы, как когда-то Штайнталь, признаем: во все времена наше уважение к этому мыслителю было сильнее, чем наша критика, а еще сильнее, чем уважение, была наша любовь к нему.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алефиренко Н.Ф. История лингвистических учений. Белгород: БелГУ, 2013.
2. Даниленко В.П. Общее языкознание и история языкознания: курс лекций. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016.
3. Лукин О.В. История языкознания с VI в. до н. э. до середины XX в. Ярославль: Редакционно-издательский отдел Ярославского государственного педагогического университета, 2015.
4. Humboldt W. von. Schriften zur Sprachwissenschaft. Boston: BRILL, Schöningh, 2009. Bd. 4. Mittelamerikanische Grammatiken / Hrsg. v. M. Ringmacher, U. Tintemann.
5. Brenner P.J. Wilhelm von Humboldt – ein Zeitgenosse des 21. Jahrhunderts? // Universitas. 2017. Vol. 72. S. 5–28.
6. Радченко О.А. Гумбольдтианство // Большая российская энциклопедия: в 30 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 2007. Т. 8. С. 153.

7. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts // Humboldt W. von. Gesammelte Werke. Bd. VI. Berlin: Reimer, 1848. S. 1–425.
8. Humboldt A. von. Vorwort zum Kawiwerk // Humboldt W. von. Werke, hrsg. v. A. Leitzmann. Berlin: Behr's Verlag, 1907. Bd. VII. S. 345–349.
9. Bondi D. La Psychologie des peuple entre histoire, langue et culture: la pensée et l'œuvre de Heymann Steinthal // Bérose – Encyclopédie internationale des histoires de l'anthropologie. Paris: BEROSE, 2021. URL: <https://www.berose.fr/article2470.html>
10. Klautke E. The mind of the nation: Völkerpsychologie in Germany, 1851–1955. New York, Oxford: Berghahn, 2016.
11. Waller C. Aux origines d'une science allemande de la culture. Linguistique et psychologie des peuples chez Heymann Steinthal. Paris: CNRS éditions, 2006.
12. Wiedebach H., Winkelmann A. Chajim H. Steinthal, Sprachwissenschaftler und Philosoph im 19. Jahrhundert. Boston: BRILL, 2002 (Studies in European Judaism, 4).
13. Steinthal H. Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. Berlin: Dümmler, 1848.
14. Радченко О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. №3. С. 96–125.
15. Steinthal H. Die Classification der Sprachen. Dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin: Dümmler, 1850a.
16. Steinthal H. Der heutige Stand der Sprachwissenschaft // Allgemeine Monatsschrift für Literatur Halle: C. Schwetschke, 1850b. Heft 1. S. 98–110, 209–214.
17. Steinthal H. Wilhelm von Humboldt // Allgemeine Monatsschrift für Literatur, Halle: : C. Schwetschke, 1850c. Heft 1. S. 214–217.
18. Steinthal H. Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin: Dümmler, 1855.
19. Steinthal H. Über den Idealismus in der Sprachwissenschaft // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, 1860. Heft 1. S. 294–328.
20. Steinthal H. Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Erste Hälfte. Berlin: Dümmler, 1884.
21. Steinthal H. Ursprung der Sprache. Im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Eine Darstellung, Kritik und Fortentwicklung der vorzüglichen Ansicht von H. Steinthal. 4. Aufl. Berlin: Dümmler, 1888.

REFERENCES

1. Alefirenko, N. F. (2013). Istorija lingvisticheskikh uchenij = History of Linguistic Teachings. Belgorod: BelGU. (In Russ.)
2. Danilenko, V. P. (2016). Obshhee jazykoznanie i istorija jazykoznanija: kurs lekcij = General linguistics and history of linguistics: course of lectures. 3rd ed., ster. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
3. Lukin, O. V. (2015). Istorija jazykoznanija s VI v. do n. je. do serediny XX v. = History of linguistics from the 6th century BC till the middle of the 20th century. Yaroslavl: Editorial and Publishing Department of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky. (In Russ.)
4. Humboldt, W. von. (2009). Schriften zur Sprachwissenschaft. Bd. 4. Mittelamerikanische Grammatiken. Hrsg. v. M. Ringmacher, U. Tintemann. Boston: BRILL, Schöningh.
5. Brenner, P. J. (2017). Wilhelm von Humboldt – ein Zeitgenosse des 21. Jahrhunderts? Universitas 72. S. 5–28.
6. Radchenko, O. A. (2007). Gumbol'dtjanstvo = Humboldtianism. Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. Vol. 8. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. P.153. (In Russ.)
7. Humboldt, W. von. (1848). Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Humboldt W. von. Gesammelte Werke. Bd. VI. Berlin: Reimer. S. 1–425.
8. Humboldt, A. von. (1907). Vorwort zum Kawiwerk. Humboldt W. von. Werke, hrsg. v. A. Leitzmann, Bd. VII. Berlin: Behr's Verlag. S. 345–349.
9. Bondi, D. (2021). La Psychologie des peuple entre histoire, langue et culture: la pensée et l'œuvre de Heymann Steinthal. Bérose – Encyclopédie internationale des histoires de l'anthropologie. Paris: BEROSE. <https://www.berose.fr/article2470.html>
10. Klautke, E. (2016). The mind of the nation: Völkerpsychologie in Germany, 1851–1955. New York, Oxford: Berghahn.
11. Waller, C. (2006). Aux origines d'une science alle-mande de la culture. Linguistique et psychologie des peuples chez Heymann Steinthal. Paris: CNRS éditions.

12. Wiedebach, H., Winkelmann, A. (2002). Chajim H. Steinthal, Sprachwissenschaftler und Philosoph im 19. Jahrhundert. Boston: BRILL (Studies in European Judaism, 4).
13. Steinthal, H. (1848). Die Sprachwissenschaft Wilhelm von Humboldt's und die Hegel'sche Philosophie. Berlin: Dümmler.
14. Radchenko, O. A. (2001). Lingvofilosofskiye opyty V. fon Gumbol'dta i postgumbol'dtianstvo = W. von Humboldt's essays on language philosophy and post Humboldtianism. Topics in the Study of Language, №3, 96–125. (In Russ.)
15. Steinthal, H. (1850a). Die Classification der Sprachen. Dargestellt als die Entwicklung der Sprachidee. Berlin: Dümmler.
16. Steinthal, H. (1850b). Der heutige Stand der Sprachwissenschaft. Allgemeine Monatsschrift für Literatur. Halle: C. Schwetschke. Heft 1. S. 98–110, 209–214.
17. Steinthal, H. (1850v). Wilhelm von Humboldt. Allgemeine Monatsschrift für Literatur. Halle: C. Schwetschke. Heft 1. S. 214–217.
18. Steinthal, H. (1855). Grammatik, Logik und Psychologie. Berlin: Dümmler.
19. Steinthal, H. (1860). Über den Idealismus in der Sprachwissenschaft. Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, Heft 1. S. 294–328.
20. Steinthal, H. (1884). Die sprachphilosophischen Werke Wilhelm's von Humboldt. Erste Hälfte. Berlin: Dümmler.
21. Steinthal, H. (1888). Ursprung der Sprache. Im Zusammenhang mit den letzten Fragen alles Wissens. Eine Darstellung, Kritik und Fortentwicklung der vorzüglichen Ansicht von H. Steinthal. 4. Aufl., Berlin: Dümmler.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Радченко Олег Анатольевич

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
 Московского государственного лингвистического университета

Аликаев Рашид Султанович

доктор филологических наук, профессор
 заведующий кафедрой немецкой и романской филологии
 Кабардино-Балкарского государственного университета имени Х. М. Бербекова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Radchenko Oleg Anatolievich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
 Moscow State Linguistic University

Alikaev Rashid Sultanovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Head of the Department of German and Romance Philology
 Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov

Статья поступила в редакцию	22.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Категории лингвистического переводоведения в концепции А. Д. Швейцера: элиминировать или применять?

Г. Т. Хухуни¹, И. И. Валуйцева²

^{1,2}Государственный университет просвещения, Мытищи, Московская область, Россия,

¹khukhuni@mail.ru, ²irinaiv-v@yandex.ru

Аннотация. Будучи одним из виднейших представителей отечественного лингвистического переводоведения, А. Д. Швейцер внес значительный вклад как в изучение вопросов теории и практики перевода в целом, так и в разработку их понятийно-категориального аппарата. Однако в последние десятилетия сама правомерность лингвистического подхода к переводу и использования ряда терминов, предлагаемых его сторонниками, стала ставиться под сомнение. В противовес означенной тенденции авторами статьи предпринимается попытка проанализировать ключевые термины и обосновать нецелесообразность их элиминации

Ключевые слова: оригинал, перевод, переводоведение, адекватность, эквивалентность, трансформации

Для цитирования: Хухуни Г. Т., Валуйцева И. И. Категории лингвистического переводоведения в концепции А. Д. Швейцера: элиминировать или применять? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 41–47.

Original article

Categories of Linguistic Translation Studies in A. D. Schweitser's Conception: to Eliminate or to Apply?

Georgy T. Khukhuni¹, Irina I. Valuytseva²

^{1,2}State University of Education, Mytishchi, Moscow Region, Russia

¹khukhuni@mail.ru, ²irinaiv-v@yandex.ru

Abstract. Being one of the most prominent representatives of the Russian linguistic translation studies, A. D. Schweitser made a great contribution both to the study of the theory and practice of translation in general and to the development of the conceptual and categorical apparatus of this discipline. Since in recent decades the very validity of the linguistic approach to translation and the use of a number of terms proposed by its supporters have been questioned, the authors of the article attempt to analyze the key terms and justify the inexpediency of their elimination.

Keywords: original, translation, translatology, adequacy, equivalence, transformation

For citation: Khukhuni, G. T., Valuytseva, I. I. (2024). Categories of linguistic translation studies in A. D. Schweitser's conception: to eliminate or to apply? Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (884), 41–47.

ВВЕДЕНИЕ

Как было в свое время отмечено в «Курсе общей лингвистики» Ф. де Соссюра, весьма критически оценивавшего и предшествующую, и современную ему науку, «до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [Соссюр, 1977, с. 143]. В том фрагменте, из которого взята приведенная цитата, речь шла о дефиниции слова. Вряд ли можно утверждать, что к настоящему времени упомянутая «определенность» полностью достигнута; однако сложно найти научный труд или учебное пособие по лексикологии, в котором не использовалось бы это понятие, хотя в его трактовке и будут наблюдаться существенные расхождения. Такая кажущаяся непоследовательность легко объяснима: невозможно заниматься исследованием в какой бы то ни было области, не опираясь на соответствующую терминосистему, даже если ее применение представляется авторам, принадлежащим к каким-либо направлениям и школам, нецелесообразным.

Приведенный пример может быть спроецирован и на область переводоведения, прежде всего – его «лингвистической ипостаси». Среди обширного и разнообразного научного наследия Александра Давидовича Швейцера одно из ведущих мест занимают труды, посвященные теории и практике перевода. В первую очередь, он был создателем оригинальной системы взглядов, занявшей достойное место среди работ таких корифеев нашей дисциплины, как А. В. Федоров, Я. И. Рецкер, Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров и др., в том числе – в разработке ее понятийно-категориального аппарата.

В последние десятилетия и в зарубежной, и в отечественной науке наблюдается и даже в какой-то мере доминирует тенденция не просто уточнить те или иные понятия, используемые в лингвистических концепциях перевода, и даже не просто их пересмотреть (ср. приведенную выше аналогию с понятием слова в языкознании), а по сути, полностью отказаться от некоторых из них [Сдобников, 2022]. Указанные лингвистические факторы обуславливают необходимость более подробного рассмотрения данного вопроса.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

В 80-е годы XX века А. В. Федоров рассматривал монографию чехословацкой исследовательницы С. Матхаузеровой, посвященную роли перевода и рассуждениям о нем в древнерусской культуре. В целом весьма положительно ее оценивая,

он заметил: «Единственная оговорка, которую может вызвать посвященная переводу глава в труде С. Матхаузеровой, относится к терминологии. Автор широко пользуется термином “теории”, говоря о воззрениях на перевод в древней Руси <...> представлялось бы более уместным, во всяком случае – более осторожным пользоваться понятием “нормативной переводческой концепции” или просто “взглядов на перевод” (во избежание модернизации)» [Федоров, 1983а, с. 39]. Различие между ними автор формулирует следующим образом: «Объективность отношения к предмету исследования, т. е. установка внимания на конкретные возможности перевода, на то, что реально существует в области перевода, а не на то, что должно в нем быть, иными словами – систематизирующий и обобщающий, а не предписывающий характер положений составляет особенность теории <...> Вместе с тем теория всегда предполагает наличие определенной системы научных понятий и категорий, рассматриваемых явлений» [Федоров, 1983а, с. 15–16]. Именно исходя из этого положения, А. В. Федоров относит формирование теории перевода в собственном смысле слова к XX веку, когда и возникла ее лингвистическая ипостась. «Должен был наступить XX в., “век перевода” (как его теперь нередко называют на Западе), эпоха всесторонних и все расширяющихся международных контактов, чтобы самый размах переводческой деятельности определил необходимость в систематическом обобщении накопившегося колоссального опыта» [Федоров, 1983б, с. 156].

Такой подход мог вызвать (и действительно вызвал) упреки в односторонности и стремлении ограничить изучение перевода исключительно его лингвистическими аспектами, от чего сам А. В. Федоров решительно отмежевался. Он отмечал, что «лингвистическим путем не могут быть объяснены все факты из области перевода» [Федоров, 1983а, с. 3–4] и что по данному вопросу ему «были приписаны взгляды, шедшие гораздо дальше прямого смысла его суждений» [Федоров, 1983а, с. 3]. В какой-то степени, акцентирование внимания преимущественно на языковой стороне могло в отдельных случаях привести к затуманиванию других аспектов переводческой деятельности. Однако именно лингвистический подход дал достаточно четкую систему понятий и терминов переводоведения, без чего вряд ли какая бы то ни было другая область могла претендовать на *научный* характер. Необходимо подчеркнуть, что представители лингвистического подхода (не пользуемся здесь словом «теория», поскольку он включает в себя большое количество разнообразных теорий), никогда не сводили сущность

перевода исключительно к передаче «внутритекстовой» стороны. В этом легко убедиться, вспомнив их обращение к «внеязыковой действительности», понятию «макроконтекста» и др. Однако это не отменяет принципа, сформулированного А. Д. Швейцером: «Тот факт, что перевод является речевой деятельностью, сам по себе предопределяет центральную роль языка в процессе перевода» [Швейцер, 1988, с. 52].

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТ

Остановимся еще на одном моменте. В работе А. В. Федорова специально отмечалось, что термин «перевод» означает: «1) процесс, совершающийся в форме психического акта и состоящий в том, что речевое произведение (текст или устное высказывание), возникшее на одном – исходном – языке (ИЯ), пересоздается на другом – переводящем – языке (ПЯ); 2) результат этого процесса, т. е. новое речевое произведение (текст или устное высказывание) на ПЯ» [Федоров, 1983а, с. 9]. В теоретическом плане важно располагать системой понятий и терминов, пригодных для исследования и того, и другого; однако в практическом сознании первый обычно трактуется как подготовка второго, и именно по результату судят об успешности / неудаче всего предприятия (что отражено в выражении *finis coronat opus*). Результатом же перевода является *текст*. И в этом отношении упрек лингвистического переводоведения в «текстоцентричности», который предъявляли ему представители скопос-теории, представляется несправедливым, прежде всего, в терминологическом плане. Если даже согласиться с тезисом, что оно сосредотачивает внимание исключительно на исходном тексте («linguistic approaches focussed on the source text» [Nord, 2018, с. 7]) – что представляется неоправданным (см. ниже), во всяком случае, при буквальном толковании процитированного утверждения – то в любом случае понятие *текста* (хотя бы переводного) остается в центре внимания исследователя (другой вопрос, с каких позиций он рассматривается).

Эквивалентность, адекватность, переводческие трансформации, инвариант перевода

Термины «эквивалентность» и «адекватность» являются наиболее часто употребляемыми в переводоведческих трудах, причем в дискурсе оппонентов лингвистического переводоведения первый стал олицетворением последнего. Сошлемся на слова

К. Норд относительно «основанных на эквивалентности лингвистических подходах»: «Equivalence-based linguistic approaches» [Nord, 2018, с. 7].

Здесь можно отметить еще один парадокс, опять-таки приводящий на память аналогию с Ф. де Соссюром. В свое время Э. Бенвенист заметил: «Соссюра по праву называют предтечей современного структурализма. И он действительно является таковым – во всем, кроме самого термина. При описании этого идейного течения нельзя подходить к вопросу упрощенно и следует подчеркнуть, что Соссюр никогда не употреблял слова «структура» в каком бы то ни было смысле. Для него самым существенным было понятие системы» [Бенвенист, 1974]. А. В. Федоров также традиционно рассматривается (во всяком случае, в нашей стране) как основоположник лингвистического переводоведения, но при этом он не опирался в своей работе на понятие эквивалентности как на некую базовую категорию. А вот «адекватность», использовавшаяся его предшественниками-литературоведами Ф. Д. Батюшковым и А. А. Смирновым, фигурирует в его работе, причем как фактически полный синоним введенного им термина «полноценность». Раздел его работы носит название «Уточнение вопроса о переводимости и понятие полноценного (адекватного) перевода» [Федоров, 1983а, с. 122].

В исследованиях же коллег А. В. Федорова по «лингвистическому цеху» понятие эквивалентности действительно широко использовалось (возможно, уже не без некоторого влияния со стороны зарубежных работ по переводоведению). Отечественными учеными, в том числе и литературоведами, уже в 30-е годы XX века применялся термин «эквивалент», на что указывал и А. В. Федоров [Федоров, 1983а, с. 126]. В связи с этим возник и вопрос об отношении данного термина к понятию адекватности. Не останавливаясь сейчас подробно на указанной проблеме (авторы настоящей статьи уже высказывали свою точку зрения по этому поводу [Валуйцева, Хухуни, 2010]), отметим только, что здесь наметились (с различными вариациями) два основных пути. Первый состоит в тенденции использовать только один из упомянутых терминов, обычно с предпочтением лексемы «эквивалентность». Его целесообразность подробно обоснована в работе Л. К. Латышева и А. Л. Семенова [Латышев, Семенов, 2003]. Второй путь заключается в «разнесении» этих понятий с той или иной точки зрения. Например, у В. Н. Комиссарова адекватность рассматривается как оценочная / прагматическая категория (перевод – реципиент), эквивалентность – как лингвистическая (оригинал – перевод) [Комиссаров, 2000].

Если обратиться к тому, как разрешалась эта проблема представителями скопос-теории и

другими соприкасающимися с ней течениями, то и здесь заметна определенная двойственность. С одной стороны, это абсолютизация понятия адекватности с принципиальным отрицанием обращения к эквивалентности [Сдобников, 2022]. С другой стороны, допускается применение обоих терминов, но между ними устанавливаются иерархические отношения: «общим понятием» (the generic concept) будет адекватность [Nord, 2013, с. 204], а эквивалентность может иметь место в качестве одной из возможных целей, то есть «критерий эквивалентности смещается на второстепенную позицию <...> эквивалентность превращается в специфическую разновидность адекватности» [Прунч, 2015, с. 68–169]. В связи с этим основоположники скопос-теории утверждали, что термины «адекватность» и «адекватный» применяются к процессу, тогда как «эквивалентность» относится исключительно к результату, а не к процессу отбора языковых знаков, даже в тех случаях, когда целью является создание переводного текста, эквивалентного исходному: «...the terms *adequate* and *adequacy* should be only used to refer to a process. If the aim of the translation process is to produce a target text equivalent to the source text, the choice of linguistic signs will also be classified as 'adequate'. It is only the result, not the process of choosing signs (during translation), which can be called 'equivalent' in this case» [Reið, Vermeer, 2014, с. 128].

Думается, что оптимальное решение данного вопроса предложил как раз А. Д. Швейцер. Он, во-первых, учитывал позицию К. Райс и Х. Фермера (работа которых вышла немного раньше его труда по теории перевода), а, во-вторых, устранял присущую им и их позднейшим продолжателям недооценку категории эквивалентности. Доведенная до крайностей, она породила нигилистическое отношение к тому, что традиционно рассматривалось и рассматривается как важнейший критерий качества перевода, – к выявлению соотношений исходного и переводного текстов. А. Д. Швейцер отмечал, что «эквивалентность – это соотношение между первичным и вторичным текстами (или их сегментами)» и указывал: «Подобно К. Райс и Г. Вермееру, мы исходим из того, что термин “адекватность” применим к переводу в его процессуальном аспекте» [Швейцер, 1988, с. 95]. Вместе с тем он подчеркивал: «критерием адекватности является то, что любое отступление от эквивалентности должно быть продиктовано объективной необходимостью, а не произволом переводчика» [там же, с. 96]. Тем самым снимается вопрос о «превосходстве» одного термина над другим: оба понятия в равной степени необходимы для объективного изучения перевода и находятся в своего рода диалектическом единстве,

разрыв которого неизбежно искажает присущие ему характеристики.

Сходно обстоит дело и с понятием переводческих трансформаций. Опять-таки применительно к нему можно отметить следующее: хотя данный термин, наряду с эквивалентностью, рассматривается как своего рода «визитная карточка» лингвистического подхода к переводу и действительно широко использовался и используется его представителями, в концепции самого А. В. Федорова означенный термин изначально не фигурировал. Его широкое распространение можно отнести уже ближе к 1970-м годам XX века в связи с трудами Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975]. Не исключено, что определенную роль в этом процессе сыграла и растущая в те годы популярность концепции Н. Хомского, по отношению к которой использовалось наименование «трансформационная грамматика», хотя в специальной литературе отмечалось, что «в западном переводоведении термин “трансформация” встречается крайне редко; по большей части используется понятие “соответствие”» [Алексеева, 2004, с. 155]. На последующих этапах развития генеративной лингвистики оно постепенно утратило свою значимость, включая и позднейшие труды самого Н. Хомского. Но при исследовании лингвистической стороны перевода оно представляет собой удобный инструмент, который в той или иной форме применялся в большинстве исследований в данной области задолго до его утверждения в качестве специального термина. Заметим, что без преобразования текста – будь то не только межъязыковой перевод, но и то, что Р. О. Якобсон называл внутриязыковым или интерсемиотическим переводом – о переводе в каком бы то ни было смысле говорить не приходится. А. Д. Швейцер специально уточнял специфику значения термина «трансформация» в переводоведении: «Термин “трансформация” используется в переводоведении в метафорическом смысле. На самом деле речь идет об отношении между исходными и конечными языковыми выражениями, о замене в процессе перевода одной формы выражения другой, замене, которую мы образно называем превращением или трансформацией. Таким образом, описываемые <...> операции (переводческие трансформации) являются по существу межъязыковыми операциями “перевыражения” смысла» [Швейцер, 1988, с. 118].

Целесообразность сохранения понятия трансформации в переводоведении в последнее время подробно и убедительно обоснована Н. В. Ивановым, писавшим по этому поводу: «Центральным объектом переводческого анализа является переводческая трансформация, которая объединяет в себе аспекты смыслового тождества

и структурно-языковых различий» [Иванов, 2023, с. 33]. Ссылки на то, что при осуществлении процесса перевода сам переводчик ни о каких трансформациях не думает, не представляются убедительными: говорящий и слушающий в процессе коммуникации не задумываются об этапах порождения или восприятия речи. Однако любая психолингвистическая концепция в той или иной степени занимается ими хотя бы потому, что никакое изучение теории речевой деятельности без их использования невозможно. Применение аппарата переводческих трансформаций дает возможность систематизировать те преобразования, которые имеют место в ходе создания конечного продукта перевода, так же, как категория эквивалентности предоставляет возможность соотнесения того, что получено «на выходе», с тем, что было «на входе». Поэтому, как бы к ним ни относиться, их элиминирование представляется преждевременным, поскольку равноценной замены пока нет.

Еще одно понятие, вошедшее в употребление приблизительно в тот же период – «инвариант перевода», которое не использовалось основоположником отечественного лингвистического переводоведения А. В. Федоровым. Здесь, на наш взгляд, целесообразно опереться на предложенное классиком отечественной психолингвистики А. А. Леонтьевым понятие предела свободы интерпретации текста, которое представляет собой его объективное содержание [Леонтьев, 1997, с. 143, 144]. При его отсутствии речь о переводе как таковом идти не может, даже если вновь созданный текст сохраняет с исходным какие-то внешние связи. Используем пример А. А. Леонтьева: произведение на каком-либо другом языке, где будет фигурировать Элен Курагина как положительный персонаж и пример для подражания, переводом как таковым нами признан не будет. Вопрос о том, насколько удачно это объективное содержание передано, будет рассматриваться уже с применением понятий эквивалентности и адекватности, но *переводом* (хотя бы не самым оптимальным) при его сохранении оно, несомненно, является.

Таким образом, основные категории, используемые представителями лингвистического переводоведения, вполне сохраняют свою значимость, что не исключает ни разногласий в их толковании, ни возможности их уточнения.

Добавим еще один не столько собственно-научный, сколько научно-организационный момент. После утверждения новой номенклатуры научных специальностей, в пункте 20 специальности 5.9.8 имеется раздел «Лингвистическое переводоведение и его основные направления». Поэтому призывы к «делингвистизации» теории перевода и отказу

от его понятийно-категориального аппарата могут привести к дезориентации работающих в данной области аспирантов и докторантов, что, в свою очередь, может не самым лучшим образом отразиться на судьбе проводимых ими исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение перевода не может ограничиваться только лингвистическими параметрами и не сводится к передаче текста в узком смысле слова, но без их учета оно не может претендовать ни на должную степень научной объективности, ни на требуемую в науке достоверность результатов – подобно тому, как здание не сводится только к фундаменту, но надежность постройки без него весьма сомнительна.

Обратим внимание на еще один фактор переводческой деятельности. В 2023 году исполняется 60 лет со дня принятия на конгрессе ФИТ в Дубровнике Хартии переводчика (в 1994 году в Осло она была отредактирована с учетом новых реалий). Напомним два входящих в нее положения, которые, на наш взгляд, относятся к числу «вечных истин» переводческого дела. Одно желательно иметь в виду, когда заходит речь о роли заказчика, инициатора перевода и прочих лиц и / или организаций, выполнению пожелания которых представители скопос-теории отводят чуть ли решающее значение. В этом положении составители Хартии подчеркивают личную ответственность переводчика – независимо от отношений с упомянутыми сторонами: «A translation shall always be made on the sole responsibility of the translator, whatever the character of the relationship of contract which binds him/her to the user»¹. Второе положение подчеркивает юридическую и моральную ответственность переводчика за соблюдение верности передачи содержательной и формальной стороны оригинала. Уточняется, что верный перевод нельзя смешивать с буквальным, поскольку он не исключает адаптации к переводу, позволяющей сделать приемлемыми форму, атмосферу и глубинное содержание оригинала для другого языка и другой страны: «A faithful translation, however, should not be confused with a literal translation, the fidelity of a translation not excluding an adaptation to make the form, the atmosphere and deeper meaning of the work felt in another language and country»². Достижению этой цели во многом способствует творческое применение установок лингвистического переводоведения, в развитие которого А. Д. Швейцер внес огромный и в высшей степени ценный вклад.

¹ The Translator's Charter. Translation Team. URL: <https://www.mstranslationteam.rs/en/blog/the-translators-charter/>

² URL: <https://www.mstranslationteam.rs/en/blog/the-translators-charter/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соссюр Ф. де. Избранные труды. М.: Прогресс, 1977.
2. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». М.: Военный университет имени князя Александра Невского, 2022. Вып. 7. Т. 1. С. 60–75.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистические проблемы). М.: Высшая школа, 1983а.
4. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Советский писатель: Ленингр. отделение, 1983б.
5. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
6. Nord Chr. *Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained*. London and New York: Routledge, 2018.
7. Бенвенист Э. Понятие структуры в лингвистике. 1974. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74c.htm>.
8. Валуйцева И. И., Хухуни Г. Т. Эквивалентность и адекватность перевода: лингвистический и лингвокультурный аспекты // Языковые измерения: пространство, время, концепт. Материалы международной научной конференции. Часть II. М.: Издательство Военного университета, 2010. С. 245–252.
9. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003.
10. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 2000.
11. Nord Chr. *Functionalism in Translation Studies* // *The Routledge Handbook of Translation studies*. London: Routledge, 2013. P. 201–212.
12. Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р. Валент, 2015.
13. Reiß K., Vermeer H. J. *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained*. London and New York, 2014.
14. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975.
15. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. М.: Академия, 2004.
16. Иванов Н. В. О риторическом аспекте переводческого анализа (в защиту трансформационного подхода к переводу) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». М.: Военный университет Минобороны России. 2023. Вып. 8. С. 33–41.
17. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.

REFERENCES

1. Saussure, F. de. (1977). *Izbrannyye Trudy = Selected Writings*. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Sdobnikov, V. V. (2022). *Pereosmyslenie perevodovedcheskikh kategorii – pereosmyslenie perevoda = Reassessment of the categories of Translation Theory – the Reassessment of Translation*. *Voenno-gumanitarnyy al'manakh. Seriya «Lingvistika»*, 7(1), 60–75. Moscow: Voennyj universitet Minoborony Rossii. (In Russ.)
3. Fedorov, A.V. (1983a). *Osnovy obshchej teorii perevoda (Lingvisticheskie problemy) = Foundations of the General Translation Theory. (Linguistic Problems)*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)
4. Fedorov, A. V. (1983b). *Iskusstvo perevoda i zhizn' literatury: Oчерki = The Art of Translation and the Life of Literature: Essays*. Leningrad: Sovetskij pisatel': Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)
5. Shvejcer, A. D. (1988). *Teoriya perevoda: Status, problemy, aspekty = Theory of Translation: Status, Problems, Aspects*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Nord, Chr. (2018). *Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained*. London – New York: Routledge.
7. Benveniste, É. 1974. *Ponyatie struktury v lingvistike = The Notion of Structure in Linguistics*. <http://www.philology.ru/linguistics1/benvenist-74c.htm>.
8. I. I., Khukhuni, G. T. (2010). *Ekvivalentnost' i adekvatnost' perevoda: lingvisticheskij i lingvokul'turnyj aspekty = Equivalence and Adequacy of Translation: Linguistic and Linguocultural Aspects*. *Yazykovye izmereniya: prostranstvo, vremya, koncept. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Part II*. Moscow: Military University Publisher. P. 245 – 252. (In Russ.)
9. Latyshev, L. K., Semenov, A. L. (2003). *Perevod: teoriya, praktika i metodika prepodavaniya = Translation: Theory, Practice and Methods of Teaching*. Moscow: Academia. (In Russ.)

10. Komissarov, V. N. (2000). *Sovremennoe perevodovedenie = Modern translation studies. Course of lectures.* Moscow: ETS. (In Russ)
11. Nord, Chr. (2013). *Functionalism in Translation Studies.* The Routledge Handbook of Translation studies. London: Routledge. P. 201–212.
12. Prunch, E. (2015). *Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoi asimmetrii k politicheskoi = The ways of development of Western translation studies. From language asymmetry to political one.* Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Reiß, K., Vermeer, H. J. (2014). *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained.* London – New York.
14. Barkhudarov, L. S. (1975). *Yazyk i perevod (Voprosy obshchey i chastnoy teorii perevoda) = Language and translation (Issues of general and particular theory of translation).* Moscow: International Relations Publisher.
15. Alekseeva, I. S. (2004). *Vvedenie v perevodovedenie = Introduction in Translation Studies.* Moscow: Academia. (In Russ.)
16. Ivanov, N. V. (2023). *O ritoricheskom aspekte perevodcheskogo analiza (v zashchitu transformacionnogo podhoda k perevodu) = About the Rhetoric Aspect of the Translation Analysis (In Defense of the Transformation Approach towards Translation).* *Voенно-gumanitarnyj al'manah. Seriya «Lingvistika».* Issue №8. Moscow: The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky. P. 33–41. (In Russ.)
17. Leont'ev, A. A. (1997). *Osnovy psiholingvistiki = Foundations of Psycholinguistics.* Moscow: Smysl. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

Валуццева Ирина Ивановна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики
Государственного университета просвещения

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khukhuni Georgy Teymurazovich

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of the Theory of Language
English Studies and Applied Linguistics, State University of Education

Valuytseva Irina Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor of the Department of the Theory of Language
English Studies and Applied Linguistics, State University of Education

Статья поступила в редакцию	24.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Научная статья
УДК 81.23

Психологически актуальное содержание ценности «доверие» как лингвистическая база исследования «культуры доверия»

З. Г. Адамова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
zoya_adamova@mail.ru

Аннотация. В статье описываются результаты экспериментального психолингвистического исследования ценности «доверие». Опираясь на теорию речевой деятельности А. А. Леонтьева и культурологическую социологию доверия П. Штомпки, автор демонстрирует, что разные аспекты содержания ценности «доверие» в процессе включения их в речевую деятельность индивида могут выполнять функцию установки. С этой целью в исследовании приводятся параметры анализа речевого действия как социально обусловленного и предлагается структурно-содержательная модель личностного смысла ценности «доверие».

Ключевые слова: культура доверия, ценность «доверие», значение ценности, речевая деятельность как социальная, модель актуального личностного смысла

Для цитирования: Адамова З. Г. Психологически актуальное содержание ценности «доверие»: экспериментальное исследование «культуры доверия» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 48–54.

Original article

Actual Psychological Meaning of the Value «Trust»: Experimental Study of «Culture of Trust»

Zoya G. Adamova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
zoya_adamova@mail.ru

Abstract. The article is devoted to describing the results of an experimental psycholinguistic study of the value “trust”. Based on the theory of speech activity by A. A. Leontiev and the cultural sociology of trust by P. Sztompka, the author demonstrates that different aspects of the content of the value “trust” in the process of including them in the speech activity of an individual can perform the function of an attitude. To this end, the study establishes the parameters for the analysis of speech action as socially conditioned and proposes a structural and content model of the “trust” value.

Keywords: culture of trust, value “trust”, meaning of value, speech activity as social, model of actual personal meaning

For citation: Adamova, Z. G. (2024). Actual psychological meaning of the value «trust»: experimental study of «culture of trust». Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 48–54.

ВВЕДЕНИЕ. АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

Одним из методологических принципов системного подхода к социальному познанию является учет зависимости познавательного процесса от аксиологических установок, обуславливающих общую ориентацию деятельности социальной системы. Речь идет о двух аспектах «ценностной инвариантности»: с одной стороны, обществу, рассматриваемому как абстрактное единое целое, присущи системы идеалов и норм, обеспечивающие устойчивость социальной системы и определяющие пути ее развития; с другой стороны, индивид располагает системой ценностных ориентаций, которые определены структурой личности [Блауберг, Юдин, 1973]. Следовательно, для понимания социальных процессов должны существовать такие методики исследования ценностей, которые позволили бы выявить роль «ценностных регулятивов» как «результата взаимовлияния и взаимоопределения» ожиданий, связанных как с системой социальных ценностей, так и системой ценностных ориентиров личности [Блауберг, Юдин, 1973, с. 244]. Разработка таких методик возможна на основе речевой деятельности индивида как смыслопорождения, в процессе которого актуализируются ценностные смыслы индивида. Они выявляются на основе интерсубъективных представлений о содержании ценностей, зафиксированных в языке. Поэтому психолингвистика может дать репрезентативный материал для а) выявления регулирующей роли аксиологических оснований социальных процессов, б) установления роли языка как фактора, обеспечивающего устойчивость системы базовых ценностей, в) определения детерминантов вариативности ценностных ориентаций индивидов.

Согласно культурологической социологии П. Штомпки, аксиологическим основанием, определяющим характер системы общественных отношений и обуславливающим благополучие общества и развитие культуры в целом, является «доверие» [Штомпка, 2012]. Она демонстрирует, что культура доверия создается в рамках общей культуры и зависит от ценностного инварианта *доверия*. Осмысление ценности «доверие» порождает ее регулирующую роль, позволяя индивиду строить деятельность на доверии, естественно, анализируя условия деятельности, и отвечать на доверие, – в этом процессе формируется «культура доверия» [Штомпка, 2012]. Сущность данного процесса может быть установлена на методологической основе этнопсихолингвистики, которая ставит своей задачей понимание интерпретации индивидом социально обусловленного процесса «конструирования»

мира. Цель данной статьи – продемонстрировать регулирующую роль социальной ценности «доверие» на основе психолингвистического моделирования личностного смысла.

ЛИЧНОСТНЫЙ СМЫСЛ КАК УСТАНОВКА НА (РЕЧЕВОЕ) ДЕЙСТВИЕ

В культурологической социологии доверия ценность «доверие» рассматривается как одна из базовых культурных установок. Одним из исходных правил, на которых основывается культура доверия, П. Штомпка называет осознание людьми доверия как ценности: люди способны верить другим, когда они считают доверие ценностью, т. е. «серьезное отношение к оказанному доверию» становится правилом «так должно делаться» [Штомпка, 2012, с. 292]. Установка для психолога, как известно, представляет собой готовность к активности в определенном направлении [Имедадзе, 1989]. В социологии «естественная установка» рассматривается как «форма понимания» социального знания и основная категория анализа социального действия [Шюц, 2007]. Так в психологической модели выражается индивидуальный аспект социального познания, а в социологической – условия познания, заданные социальным характером знания. В психологии и психолингвистике установка находит отображение в образе мира как совокупности способов представления знания в результате соотнесения реального опыта индивида, его актуальных потребностей и интерсубъектного знания, представленного в языке [Леонтьев, 2003].

Моделирование образа мира производится на основе ассоциативных данных, которые позволяют выявить индивидуальный и социальный аспекты культурной установки. Это становится возможным на основе обнаружения способов соотнесения индивидуального и социально-культурного опыта индивидов в речевом действии как предикативной связи стимула и реакции. Так устанавливается содержание образа мира в качестве условия деятельности, в которой формируется и функционирует личностный смысл.

Определяющим фактором формирования личностных смыслов является содержание образа мира, детерминирующего восприятие и понимание действительности. Аксиологический фрагмент образа мира, безусловно, влияет на присвоение содержания ценностей как социальное действие, но для понимания индивидуальной интериоризации «ценностного инварианта» необходимо учитывать весь спектр способов ментальной репрезентации культурных знаний о ценности – от

философских до обыденных. Формализация образа мира в силу его конкретного психологического существования в реальной смыслопорождающей деятельности чрезвычайно трудна, однако моделирование способов представления знаний принципиально возможно на базе речевой деятельности индивида [Пищальникова, 2020]. Система мотивов проявляется в форме эмоциональной составляющей действия [Леонтьев, 1975]. Следовательно, с точки зрения исследования роли речевой деятельности как социально-регулятивной, «ценностная инвариантность» требует в первую очередь специального изучения эмоциональных речевых действий, в которых находят свое выражение «смыслообразующие» мотивы и «мотивы-стимулы» [Леонтьев, 1975]. Эмоциональные речевые действия обуславливают «динамическую сторону» деятельности, «единство аффективного и интеллектуального переживания и познания», которая определяет характер направляющей роли установки [Рубинштейн, 2020, с. 651].

Таким образом, для выявления регулирующего характера ценности «доверие» необходимо подчеркнуть следующие характеристики речевых действий: целенаправленность как представление об образе результата деятельности, о потребностях, связанных с ценностью «доверие»; эмоциональная окраска речевого действия как проявление мотива деятельности; предметность речевого действия. В приведенных характеристиках речевых действий выявляются основания для предсказания между стимулом и реакцией. Они позволяют моделировать личностные смыслы.

Анализ по выделенным параметрам проводится на базе ассоциативного поля, построенного посредством типологизации ассоциативных данных по разработанной В. А. Пищальниковой интегративной модели актуального личностного смысла [Пищальникова, 1992]. Для определения совокупности существенных признаков доверия как социокультурного понятия мы используем определения «доверия», данные в социологии, общей и социальной психологии, а также в философии и духовной литературе. Интерпретация эмоциональных речевых действий производится на основе деятельности теории эмоций В. Г. Асеева [Асеев, 1976].

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Материал исследования – 1226 ассоциатов на слово-стимул *доверие*, собранных в 2020–2022 годы [Пищальникова и др., 2020]. Респонденты – студенты различных высших учебных заведений разных городов России в возрасте от 17 до 29 лет.

На первом этапе мы выделили реакции, представляющие совокупность признаков доверия как понятия. Эта группа реакций, представляющая собой «важнейшую образующую индивидуального сознания», составляет важную часть психолингвистической модели актуального личностного смысла слова; понятие, по А. А. Леонтьеву, в сознании «субъективируется», не утрачивая при этом «своей общественно-исторической природы» [Леонтьев, 1975, с. 71]. Для удобства изложения результатов вслед за понятийными реакциями мы приводим «субъективированные» на основе того или иного понятийного компонента реакции-представления, проанализированные на втором этапе.

Представим признаки ассоциирования в группе психологических понятийных реакций: **доверие как собственно психологические, человеческие отношения**: отношения 35; люди 11; человек 9; отношение 4; связь 2; люди и др.; **доверие как потребность в дружбе, любви и семье**, которые выражают «персонифицированное доверие»: дружба 101; любовь 64; семья 44; друзья 35; близость 19; привязанность 3 и др.

С этой психологической понятийной группой ассоциатов связаны реакции-представления, репрезентирующие **адресатов доверия**. Они свидетельствуют о психологической реальности для респондентов такой важной социологической категории, как «горизонт доверия», который в процессе развития взаимодействия с миром постепенно расширяется «от конкретных межлических отношений до более абстрактного отношения к публичным объектам, структурам, учреждениям, организациям, государствам» [Штомпка, 2012, с. 116]. Отметим, что наш анализ выявил «наименьший горизонт доверия» (П. Штомпка), связанный с близкими – членами семьи и друзьями: друг 44; мама 18; близкие 14; родители 10; близкий человек 3; муж 3; парень 3; родные 3; брат 3; близкие люди 2; сестра 2; бабушка и др., с личными знакомыми: партнер; Серега и др. «Абстрактные» адресаты, относящиеся к «отдаленному горизонту» доверия, связанному с общественной группой, представлены в единичных реакциях *генерал, родственники и старость*. Последнюю реакцию мы интерпретируем как адресат доверия, согласно общепринятому представлению о старости как источнике мудрости и жизненного опыта, которому можно доверять.

С социологической точки зрения доверие как механизм снижения онтологической неопределенности всегда подразумевает риск, обусловленный неполнотой знаний о действительности, и поэтому оно основано на свободе воли индивида, т. е. доверие определяется как свойство субъекта доверия. Социологический понятийный компонент,

связанный с **риском и убежденностью в ком-л., чем-л.**, обнаруживается в речевых действиях, связанных с риском. Он, в свою очередь, контрастно сопряжен с чувством безопасности, и напрямую связан собственно со **свойствами субъекта**. Они подчеркивают «действенный» аспект в понимании доверия, направленный на открытость и смелость в отношениях: *безопасность 4; риск 4; качество 2; осторожность 2; ответственность 2; ответственность 2; доброта; защита; защищенность; отвага; отдаваться полностью* и др.

С социологическим понятийным компонентом связаны представления об «**отрицательном**» **свойстве субъекта доверия**: *слабость 8; наивность 2; простота, робость*. Очевидно, что такое отношение к субъекту, выражающему доверие, формируется на общеизвестной характеристике доверия как «хрупкого». По мнению психологов, распространенность представления о «хрупкости» доверия объясняется «асимметричным принципом создания и разрушения доверия»: «отрицательные события больше заметны, чем позитивные, создающие доверие» и имеют большее влияние на доверие [Купрейченко, 2008, с. 40]. В философии «хрупкость» доверия объясняется его этимологической общностью доверия с «правдой-истиной», которая предполагает «бережное и охранительное» отношение к доверию как к «первооснове» [Биричева, 2023, с. 7].

Речевые операции, связанные с **потребностью субъекта выразить свободную волю испытывать доверие (к) кому-либо**, также связаны с социологическим понятийным компонентом: *к людям 17; к близким 5; близким 3; людям 3; к любимым 2; верь всем; близким людям; друзьям; женщине* и др. Такой вид действия, ориентированного на других, П. Штомпка называет «предвосхищенным доверием», когда субъект деятельности проявляет доверие к собеседнику, но не ожидает доверия взамен [Штомпка, 2012]. Это доверие основано на «эмоциональной основе сотрудничества» [там же, с. 153].

Отметим, что все проанализированные группы реакций являются персонифицированными и демонстрируют «наименьший горизонт доверия».

Речевые действия «доверие – *честность*» (35) и «доверие-*надежный человек*» мы относим также к понятийному социологическому компоненту. Согласно П. Штомпке, **ожидание честности** связано с «обязывающей уверенностью» [там же, с. 88]. Такое действие, выражающее доверие, подразумевает не только «наделение доверием», но и ожидание ответного, «спровоцированного» честного и добросовестного действия [там же]. Этот рациональный вид доверия основан на доверии как

«реляции», т. е. постоянных взаимных отношениях [там же, с. 149].

Следующая группа реакций-представлений, связанных с социологическим понятийным компонентом, актуализирует признак **рациональный подход к доверию как свойству «объекта доверия»** [там же]. Представления о доверии как свойстве объекта мы находим в реакциях: *заслужить 5, проверка 3; заслуженное 2; заслуга*; и др., а также в реакциях, связанных с представлениями о партнерских или деловых, отношениях: *банк 4; деньги 2; бумага; договор, доверенность* и др.

Наконец, рассмотрим реакции-представления, связанные с доверием, а также сопряженные с ним понятия истины, веры. Они соответствуют онтологическим основам как психологических, так и общественных связей, отношений. Эти речевые действия выражают **потребность в доверии**, основанном на открытости и рекуррентных отношениях с миром. Во-первых, речевые действия, репрезентирующие отношение к доверию как к «первооснове», которое подразумевает открытость, надежность и принятие, или свободу себя и других: *открытость 23; уважение 15; надежность 11; искренность 9; доброта 6; правда 6; забота 5; добро 2; гармония 2; поддержка 2; принятие 2; истина 2; свобода 2; сердце 2; сомнение 2; абстрактно; альтруизм* и др. Во-вторых, отношение к **доверию как уверенности или вере**: *вера 23; преданность 16; уверенность 15; верность 17; надежда 11* и др. В-третьих, речевые действия, актуализирующие возвратный, или **рекуррентный характер субъектов доверия**: *понимание 5; взаимное 2; взаимно; взаимность* и др. Ю. С. Степанов выделяет два основных когнитивных слоя концепта «вера»: веру как «акт воли» или «акт веры, уверования» и веру как результат, как «содержание веры», упование, надежду [Степанов, 2001, с. 274–277]. В основе такого концепта лежит понятие доверия как духовного «круговорота общения», который последовательно ведет к «возникновению доверия»; две его составляющих изначально дополняют друг друга [там же, с. 266]. На наш взгляд, в представлениях о «доверии» наблюдается противоположение двух концептуальных начал. С одной стороны, речь идет о «догме», которая подразумевает «твердую уверенность», с другой – о взаимном доверии, из которого «произрастает вера» [Чупров, 2017].

В связи с уязвимостью доверия как основы взаимодействия с миром мы выделили в отдельную группу ассоциатов **уязвимость доверия**: *хрупкость 4; уязвимость 3; хрупкое 2; временность; зыбко; крупица; хрусталь* и др. С «хрупкостью» доверия связаны и представления о свойствах субъекта доверия, таких как слабость, наивность

и простота. По словам философа, «самое грустное и парадоксальное», что эти свойства оцениваются как «отрицательные», так как они основаны на понимании доверия как «лекарства от страха» быть обманутым [Чупров, 2017]. Такое понимание связано с подсознательным желанием быть уверенным во всем и не сомневаться в представлениях, которые превращают доверие в страх и замкнутость, а веру в догму. Это приводит к осмыслению доверия как источника обмана: тот, кто сомневается, слаб, а тот, кто не сомневается, силен и может обмануть сомневающегося [там же]. Между тем, сомнение креативно: «усомниться вовсе не значит поставить истину под вопрос, – это значит ставить под вопрос свое очень ограниченное представление об истине» [Антоний Сурожский, URL]. Такому представлению о сомнении и представлению о **доверии как источнике обмана** соответствуют речевые действия, благодаря которым доверия связывается с: *предательством 12; ложью 7; обманом 6; замкнутостью; корыстью; коррупцией* и др.; с противоположной стороны: *полное 3; всеобщее 2* и др. Следует отметить, что ассоциаты, основанные на субъективном представлении о доверии как источнике обмана не способствуют формированию интегрирующей и направляющей функции базовой ценности «доверие».

В особую группу мы выделили речевые действия, репрезентирующие **вектор доверия, направленный на себя**, так как с точки зрения философии и психологии доверия направленность на себя является сущностью доверия [Биричева, 2023; Чупров, 2017; Купрейченко, 2008]: *к себе 4; себе 2; личное; лично я*.

Теоретическая (речевая) деятельность по саморегуляции предполагает активное осознание, связанное с действием, поступком. Только такое понимание взаимодействия с миром может выполнять свою регулирующую функцию. Рассмотрим речевые действия, относящиеся к исполнительной стороне речевой деятельности, **формами выражения и/или осуществления доверия**: *секрет 7; рукопожатие 6; объятия 5; время 2; секреты 2; взгляд; не предать; объятие; поступок* и др. Так же, как и в предметном содержании представлений о доверии, в приведенном перечислительном ряду обнаруживаются связи с «предвосхищенным доверием», основанным на эмоциональных отношениях. Такое доверие основывается на потребности в уверенности и преданности. Они становятся актуальными как проявления доверия. И только одно речевое действие *доверие-поступок* указывает на осознание того, что регулирующая основа доверия определяется прежде всего активными действиями [Штопка, 2012]. Такое осознание выражают также

выявленные ранее в речевых операциях представления о свойствах доверяющего субъекта.

Наконец, на заключительном этапе исследования мы проанализировали эмоции, составляющие мотивационную основу ценностного отношения к миру. При интерпретации эмоциональных речевых действий мы руководствовались теоретическими положениями о социальной природе эмоций, которые представляют собой единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания [Рубинштейн, 2020]. В соответствии с задачами исследования на основе двумодальной структуры мотивации В. Г. Асеева среди эмоционально-оценочных речевых действий мы выделили нейтральные речевые действия, связанные непосредственно со **значимостью доверия**: *важно 9; сложно 9; сила 7; важность 6; ценность 6; главное 5; основа 3; сложность 3; тяжело 3; необходимо 2; необходимость 2; без него куда; бесценно; важное; главное в жизни, ценно* и др. В отдельную группу выделены положительные и отрицательные эмоционально-оценочные речевые действия, связанные с **субъективными состояниями**: с одной стороны, с надеждой и облегчением и с другой стороны, со страхом и разочарованием. Их содержание представлено в таблице 1.

Двумодальная структура мотивации учитывает активность субъекта: отрицательным эмоциональным переживанием сопровождается актуальное состояние неудовлетворенной потребности, которое приводит возникновению другой деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ, направленный на выявление связей между мотивационной, целевой и исполнительной сторонами речевой деятельности, выявил следующее:

1. Эмоционально-оценочные речевые действия занимают в структуре модели актуального личностного смысла 20%, при этом более половины их имеют отрицательную модальность. Наличие, с одной стороны, эмоциональных речевых действий «молчания», отрицания доверия, страха быть обманутым, эмотивов, переживаний по поводу «дефицита» доверия могут свидетельствовать о потребности в собственно социальной доверии. Это подтверждается нечастотными представленными формами выражения и/или осуществления доверия. С другой стороны, речевые действия положительной модальности говорят об удовлетворенной потребности в доверии на межличностном уровне, уровне близости и тесных эмоциональных взаимоотношений. Они подтверждают распространенность представлений о доверии как «основе эмоционального сотрудничества».

Эмоции ожидания, связанные с надеждой (всего 46 реакций)	Эмоции ожидания, связанные с разочарованием (всего 93 реакции)
<p>Утверждение, что доверие есть (всего 9): <i>есть 6; везде; всегда; да.</i></p> <p>Положительная эмоция и оценка (всего 39): <i>спокойствие 8; тепло 6; радость 3; хорошо 3; благо 2; мир 2; теплота 2; успех 2; вообще хорошо; в спокойствии; здорово; милость; огонь; положительное качество; прекрасное; приятно; сипатия; хорошее; удача.</i></p> <p>Побуждение к действию: <i>верь всем.</i></p>	<p>Утверждение, что доверия нет (всего 30): <i>нет 16; нельзя 2; безответность; не бывает; нет доверия; отсутствие; потеряно; никому 2; потеря 2; никому не верю; напрасно; ничего не жду; крах.</i></p> <p>Отрицательная эмоция и оценка (всего 42):</p> <ul style="list-style-type: none"> – чувства, связанные со страхом быть обманутым: <i>страх 10; боль 4; опасно 3; ошибка 3; нож 2;</i> – эмотив, связанный с доверием как источником обмана: <i>вранье;</i> – оценка, связанная с доверием как источником обмана: <i>глупость 5; разочарование 2; глупо 2; было 2; подводит;</i> – собственно оценка: <i>зло 2; жестокость; плохое;</i> – эмотивы: <i>бешенка; жопа;</i> – противоположное теплу чувство: <i>холод.</i> <p>Побуждение к действию: <i>не доверяй.</i></p> <p>Оценочные переживания, связанные с «дефицитом» доверия: (всего 21): <i>редкость 10; не всегда 3; редко 2; падение 2; исчезает; недостаточность; мало; частичное.</i></p>

2. Отрицательные эмоции и оценки актуализируют отношение к доверию как к источнику возможного обмана ожиданий и основаны на субъективном восприятии доверия как основы веры. Наряду с потребностью в доверии актуализирована потребность во взаимоотношениях, основанных на правде и открытости (195 речевых действий из 1217). Можно предполагать дефицит «обязывающего» социального доверия, что не способствует формированию мотивации к присвоению доверия как социальной ценности.

3. 480 из проанализированных 970 речевых действий, реализуют субъективные представления респондентов о «предвосхищенном» доверии с «наименьшим горизонтом доверия». На наш взгляд, актуализация узко «психологического» характера доверия объясняется утратой

социальной, регулирующей роли исследуемой ценности.

4. Преобладание представлений рефлексивного характера говорит об отсутствии у респондентов представлений об «абстрактных» адресатах доверия – общественных организациях и государственных структурах; акцентируется доверие к людям в целом. Респондентами не осознаются условия проявления социального доверия, хотя психологические характеристики, связанные с проявлением доверия, отмечаются.

5. Культурные представления о доверии как ценности, основанные на опыте взаимодействия с миром, существенно противоречивы. Такое противоречивое содержание «коллективного» значения ценности «доверие» может способствовать тому, что культура доверия остается «бездейственной».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
2. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.
3. Имедадзе И. В. Ситуативное развитие мотивации и установка // Вопросы психологии. 1989. №2. С. 90–97.
4. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып. 2 (36). С. 52–68.
5. Леонтьев А. Н. Образ мира // Мир психологии. 2003. №4. С. 11–18.
6. Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (832). 2020. С. 20–35.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М.: Издательство АСТ, 2020.
9. Пищальникова В. А. Проблема смысла художественного текста: психолингвистический аспект. Новосибирск: Изд-во Новосибирского государственного университета, 1992.
10. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.

11. Двухязычный ассоциативный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова и др. М.: Спутник+, 2020.
12. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. М.: Институт психологии РАН, 2008.
13. Биричева Е. В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 1. С. 4–17.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический Проект, 2001.
15. Чупров А. С. Доверие в тени обмана и веры // Топос. 2017. URL: <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very>
16. Антоний Сурожский, митрополит. О сомнении. URL: <https://www.mitras.ru/060429.htm>

REFERENCES

1. Blauberger, I. V., Yudin, E. G. (1973). Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podhoda = Formation and essence of system approach. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Sztompka, P. (2021). Dowiecie – osnova obshchestva = Trust: a sociological theory. Transl. from Polish by Morozova N. Moscow: Logos. (In Russ.)
3. Imedadze, I. V. (1989), Situativnoe razvitiye motivacii i ustanovka = Situational development of motivation and attitude. Voprosy Psychologii, 1989, 2, 90–97. (In Russ.)
4. Schutz, A. (2007). Nekotorye struktury zhiznennogo mira = Some structures of the Life-world. Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. 2007, 2(36), 52–68. (In Russ.)
5. Leont'ev, A. N. (2003). Obraz mira = An image of the world. World of Psychology, 4, 11–18. (In Russ.)
6. Pishchalnikova, V. A. (2020). Basic values: Methodological problems of psycholinguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3 (832), 90–97. (In Russ.)
7. Leont'ev, A. N. (1975). Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
8. Rubinshteyn, S. L. (2020). Osnovy obshchej psihologii = Basics of general psychology. Moscow: AST. (In Russ.)
9. Pishchalnikova, V. A. (1992). Problema smysla hudozhestvennogo teksta: psiholingvisticheskiy aspekt = The problem of the meaning of a literary text: psycholinguistic aspect. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. (In Russ.)
10. Aseev, V. G. (1976) Motivaciya povedeniya i formirovaniye lichnosti = Motivation of behavior and personality development. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
11. Pishchalnikova, V. A. et al. (2020). Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej = Bilingual associative dictionary of basic values / V. A. Pishchal'nikova, Z. G. Adamova, Yu. P. Kosheleva, N. S. Panarina, A. I. Khlopova, Pei Caixia, Yao Zhipeng. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)
12. Kupreychenko, A. B. (2008). Psihologiya doveriya i nedoveriya = Psychology of trust and mistrust. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Psihologii RAN. (In Russ.)
13. Biricheva, E. V. (2023). Existential sense of trust. Vestnik of Saint-Petersburg State University. Philosophy and Conflict Studies, 2023, 39(1), 4–17. (In Russ.)
14. Stepanov, J. S. (2001). Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya = Constants: Dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow: Academ. Proekt. (In Russ.)
15. Chuprov, A. S. (2017). Dowiecie v teni obmana i very = Trust in the shadow of deception and faith. Topos. 2017, November 20. <https://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/doverie-v-teni-obmana-i-very> (In Russ.)
16. Anthony of Surozh. O somnenii = About doubt. <https://www.mitras.ru/060429.htm> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Адамова Зоя Гаврильевна

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник Лаборатории психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adamova Zoya Gavrilievna

PhD (Philology)
Leading Researcher at the Laboratory of Psycholinguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	24.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	17.02.2024	accepted for publication

Обнаружение этнокультурной специфики социума (на материале ассоциативных полей русских, немцев, австрийцев)

Ю. В. Баранов

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
formosa2020@mail.ru

Аннотация. Результативным способом изучения идентичности стал в психолингвистике анализ ассоциативных полей лексем, номинирующих ценности. Базовые ценности являются иерархической, принципиально динамичной, но синхронически устойчивой системой, что дает возможность рассматривать их как составляющую этнической идентичности. С помощью анализа ассоциативных полей устанавливается актуальное содержание ценностей, прогнозируется динамика ценностных ориентиров. Автор сравнивает ассоциативные поля *справедливость* и *безопасность* у русских, немцев, австрийцев, акцентируя значимые различия в их картинах мира.

Ключевые слова: этнопсихолингвистика, этнокультурные элементы, ассоциативное поле, немцы, австрийцы, основание ассоциирования

Для цитирования: Баранов Ю. В. Обнаружение этнокультурной специфики социума (на материале ассоциативных полей русских, немцев, австрийцев) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 55–62.

Original article

The Discovery of the Ethnocultural Specifics of Society (based on the material of the associative fields of Russians, Germans, Austrians)

Yuri V. Baranov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
formosa2020@mail.ru

Abstract. The analysis of associative fields of lexemes nominating values has become an effective way of studying identity in psycholinguistics. Basic values are a hierarchical, fundamentally dynamic, but synchronically stable system, and this makes it possible to consider them as part of an ethnic identity. With the help of associative fields analysis, the actual content of values is established, the dynamics of value orientations is predicted. The author compares the associative fields of social justice and security of Russians, Germans, and Austrians, emphasizing significant differences in their worldviews.

Keywords: ethnopsycholinguistics, ethnocultural elements, associative field, Germans, Austrians, the basis of association

For citation: Baranov, Yu. V. (2024). The discovery of the ethnocultural specifics society (based on the material of the associative fields of Russians, Germans, Austrians). Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 55–62.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование этнической идентичности осуществляется в различных гуманитарных науках, поскольку самоопределение индивида детерминирует не только его субъективную роль в обществе, но и – опосредованно – функционирование общества в целом. В рамках психолингвистической парадигмы устанавливаются, прежде всего, закономерности психологического усвоения этнических констант или базовых ценностей [Пищальникова, 2021], поскольку в них развернуто и системно представлены ценностные ориентиры личности. Существенные расхождения в присвоении ценностей индивидами при этом вполне закономерны, поскольку «этнические константы продуцируют не только не совпадающие, но часто и противопоставленные традиции, нормы, стереотипы деятельности. Осознание своей этнической принадлежности в разных условиях неодинаково опосредствуется этносоциальными и собственно личностными мотивационно-эмоциональными факторами» [Пищальникова, 2021, с. 112]. Взаимодействие указанных факторов отражается в структурно-содержательных характеристиках речевой деятельности, в том числе в соотношении вербального стимула и ассоциата как речевом действии. Поэтому одним из эффективных способов исследования идентичности любого типа является анализ ассоциативных полей (АП) лексем, обозначающих различные социальные, материальные, морально-этические и иные ценности.

Материалом исследования является Ассоциативный двуязычный словарь [Ассоциативный двуязычный словарь, 2020], созданный в лаборатории психолингвистики МГЛУ. Коллективом данной лаборатории подготовлена также база ассоциатов на вербальные стимулы, означающие универсальные. Эти материалы являются уникальным лексикографическим источником, на базе которого возможно решение ряда теоретических и практических задач этнопсихолингвистики. Для создания словарей проводились массовые ассоциативные эксперименты с носителями русской, немецкой и австрийской лингвокультур. Работа по созданию словарей проводилась в городах Германии, расположенных на территориях четырех федеральных земель (Браденбург, Нижняя Саксония, Берлин, Баден-Вюртемберг), Австрии, а также в городах европейской и азиатской части России (Москва, Новосибирск, Барнаул, Кемерово и др. С целью определения состава слов-стимулов были исследованы разнообразные имеющиеся в наличии источники базовых ценностей – от научных статей до результатов социальных и лингвистических проектов. Данный материал достаточно полон

и репрезентативен. Создатели словаря выделили 28 совпадающих во всех источниках лексем, представляющих общечеловеческие ценности, что также дает возможность опираться на имеющийся список как на репрезентативный. Однако при этом лексемы, в том числе относящиеся к ценностной сфере, в разных лингвокультурах обладают несопадающим набором значений и неодинаковым коннотативным содержанием. Поэтому их функциональные сферы полностью не совпадают, что проявляется в составе АП.

В статье исследуются реакции носителей изучаемых лингвокультур на две лексемы, обозначающие базовые ценности: *справедливость / die Gerechtigkeit* и *безопасность / die Sicherheit*, которые лексикографически представляются как тождественные или близкие по значению.

В качестве методов анализа используются общенаучные методы сравнения и моделирования, методики моделирования АП, анализа оснований ассоциирования и др.

АВСТРИЙЦЫ – ЭТО НЕМЦЫ ИЛИ «ДРУГИЕ»? АНАЛИЗ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Немецкая нация, которая более десяти веков играет активную роль в судьбах Европы и мира, относится к числу так называемых «великих мировых наций» в связи с ее значительной ролью в мировом историческом процессе. Германцы еще на рубеже первого тысячелетия показали себя достойными противниками тогдашней мировой державе – Римской империи. На основе германского этноса была создана первая общеевропейская держава – империя Карла Великого. Поэтому система основных представлений немцев о мире, зафиксированная в иерархии базовых ценностей, является значимой для гуманитарного исследования, а лингвистическое их изучение может стать основой для социального, психологического и др. моделирования.

Для достижения цели, поставленной в работе, необходимо указать на некоторые исторические события. В процессе эволюции германской нации по различным причинам некоторые ее части отделялись от метрополии, образуя самостоятельные государства. Этот процесс начался со Швейцарии и Нидерландов и продолжился после 1871 года, когда произошло окончательное размежевание собственно Германии (Германской империи, Второго Рейха) и Австрии (затем Австро-Венгрии). После поражения Германии в Первой и Второй мировой войнах за пределами немецкоязычных государств оказались исконные немецкие территории восточных департаментов (ныне в Бельгии),

Южного Тироля, Судет, Силезии, Восточной Пруссии, трансильванского Семиградья (*Siebenbürgen*), крупнейшая за пределами Европы немецкоговорящая община в Намибии, которая была колонией Германии в конце XIX – начале XX веков.

Помимо социально-политической значимости, поставленная проблема актуальна и собственно лингвистически. По мнению многих исследователей немецкий язык является единственным классическим германским языком, сохранившим и преумножившим в процессе своего развития многообразное морфологическое и синтаксическое богатство и ставшим основой для образования многих самостоятельных языков: нидерландского, идиш, африкаанс и др. Немецкий язык за пределами Германии, естественно, подвергался постепенным изменениям, и вопрос о том, образовывались ли на его базе новые языки или только диалекты, является актуальным. Представляет серьезный научный и практический интерес и решение следующего вопроса: образовались ли на территориях за пределами Германии с преобладающим немецким языком новые этносы или по-прежнему все немцы осознают себя этнически единым народом, основываясь на единстве одного из главных этнических признаков – языка? Все перечисленное определяет лингвистическую актуальность статьи, демонстрирующей на конкретных примерах разницу в содержании базовых ценностей носителей сопоставляемых лингвокультур.

Для аргументированного ответа на поставленные вопросы необходимо провести сравнительный анализ базовых ценностей носителей немецкой лингвокультуры. Для такого исследования скорее подходит Австрия, нежели Швейцария: немецкоговорящее население Швейцарской Конфедерации составляет около 2/3 от его общего числа. Помимо немецкого языка, государственными являются еще три языка. Швейцария приобрела независимость и вышла из состава Священной Римской империи германской нации юридически по Вестфальскому миру не в 1648 году, а фактически несколькими веками раньше. Поэтому, как правило, говорят о сформированной самостоятельной швейцарской нации, пусть и многоязычной. Что касается Австрии, то по своей исторической судьбе она больше связана с Германией, нежели другие страны Европы. Пути Австрии и Германии разошлись только в 1866 году, после исключения Австрии из Германского союза и окончательного крушения «великогерманского» пути объединения Германии. Тем не менее Австрия и Германия продолжали поддерживать тесные союзнические отношения, и даже вхождение Австрии в Третий Рейх в 1936 году было нейтрально воспринято большинством австрийцев.

Под базовыми ценностями понимается «совокупность аксиологических понятий, содержание которых определяется способами поведения и деятельности, одобряемыми и предпочитаемыми этносом» [Пищальникова, 2021, с. 14]. При таком понимании базовые ценности, являются иерархической, содержательно принципиально подвижной, но синхронически устойчивой системой, что позволяет рассматривать их как основу этнической идентичности [Леонтьев, 1997]. При этом в каждый конкретный период существования системы ценностей с помощью анализа АП можно не только устанавливать психологически актуальное содержание базовых ценностей для каждого носителя лингвокультуры, но и моделировать их интересующее содержание и прогнозировать тенденции динамики ценностных ориентиров [Жлопова, 2023].

Подчеркнем, таким образом, что базовые ценности социума входят в этнические константы, но при этом следует учитывать следующее: даже если ценности определяются как универсальные, в качестве аксиологических понятий они воспринимаются субъективно и обнаруживаются в ассоциациях носителей различных лингвокультур.

Маркеры изменения содержания ценностей таковы: изменение положительной коннотации на нейтральную и отрицательную; снижение числа смысловых признаков в разных зонах АП; отсутствие среди реакций метафорических и культурно значимых; снижение коэффициента разнообразия ассоциатов и количества единичных реакций; преобладание количества понятийных и операциональных реакций; значительное число отказов от ассоциирования [Ассоциативный двуязычный словарь базовых ценностей, 2020].

В настоящей статье в связи с ограниченностью объема текста сравним только ядерные ассоциаты АП разных лингвокультур. Исследуем, во-первых, АП лексемы *справедливость*, обозначающей одноименную базовую ценность (1007 реакций). В ядро АП условно включены реакции, частотность которых равна 10; в ближайшую периферию – ассоциаты с частотностью 9–2; в дальнюю периферию – единичные реакции. Ядро АП *справедливость* представлено следующими 14 ассоциатами: *честность* 102, *суд* 78, *правда* 38, *нет* 31, *закон* 27, *восторжествует* 25, *равенство* 16, *весы* 14, *мир* 13, *редкость* 13, *отсутствие* 12, *равноправие* 12, *лига* 11, *торжество* 11. Коэффициент разнообразия реакций низкий – 0,03, что свидетельствует о преобладании интересующего содержания слова. Это может определяться, с одной стороны, базовым характером ценности, с другой – отсутствием личного смысла, связываемого с этим словом (неактуальностью содержания слова для индивида).

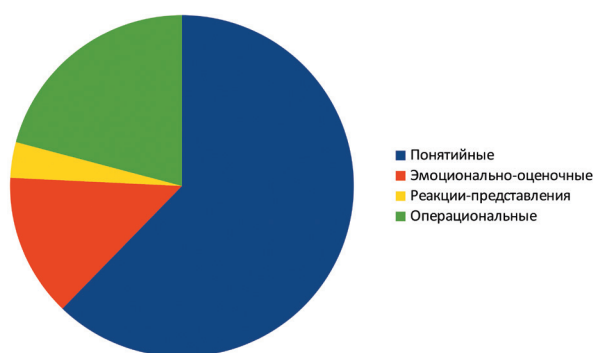

Рис. 1. Состав ядра АП
справедливость

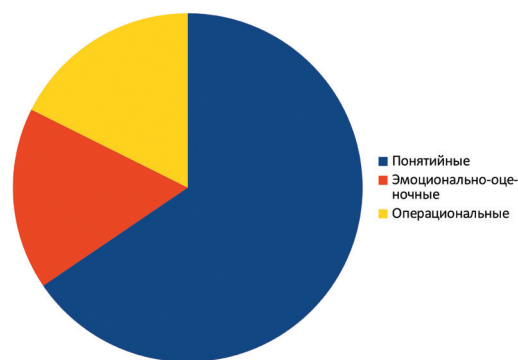

Рис. 2. Состав ядра АП
die Gerechtigkeit / справедливость

Такие предположения должны быть верифицированы анализом иных параметров АП, а в перспективе – приемом ранжирования ценностей.

В соответствии с принятой первичной классификацией ассоциатов как материала исследования выделим следующие группы, подчеркивая реакции, мотивация которых может быть неоднозначной: понятийные: *честность* 131, *правда* 38, *закон* 27, *равенство* 16, *мир* 13, *равноправие* 12 (57,24%), эмоционально-оценочные: *нет* 31, *отсутствие* 12, *редкость* 13, *торжество* 11 (13,52%), реакции-представления: *весы* 14 (3,38%), операциональные: *закон* 27, *восторгует* 25, *лига* 11 (17,87%); культурно обусловленные ассоциаты в данном АП отсутствуют, вероятно, потому что исследуемая базовая ценность является универсальной. Получение соотношения ассоциатов в ядре АП *справедливость* представим наглядно (см. рис. 1).

В АП лексемы *die Gerechtigkeit / справедливость*, обозначающей одноименную базовую ценность, по данным используемого словаря, входит 197 реакций. Ядро АП представлено следующими ассоциатами: *das Gesetz / закон* 40, *das Gericht / суд* 33, *der Frieden / мир* 25, *wichtig / важна* 25, *die Fairness / порядочность* 14, *der Richter / судья* 11. Коэффициент разнообразия реакций низкий – 0,03, практически совпадающий с этим же параметром в АП русской лексемы *справедливость*.

В ядре выделим следующие ассоциаты: понятийные: *das Gesetz / закон* 40, *das Gericht / суд* 33, *der Frieden / мир* 25, *die Fairness / порядочность* 14 (75,67%), эмоционально-оценочные: *wichtig / важна* 25 (16,89%), операциональные: *das Gesetz / закон* 32 (21,62%). Реакций-представлений и культурно обусловленных реакций в ядре АП не отмечено. Полученные группы

ассоциатов в ядре АП лексемы *die Gerechtigkeit* представим схематично (см. рис. 2).

Очевидна разница в структуре и содержательном составе ассоциатов ядер АП сравниваемых лингвокультур. Содержание базовой ценности «справедливость» наиболее частотно для носителя русской лингвокультуры проявляется, прежде всего, в таких реакциях, как *честность* 131, *правда* 38, *закон* 27, *равенство* 16, *мир* 13, *равноправие* 12. Большая часть респондентов основным содержанием компонента ценности «справедливость» считают честность как внутреннее психологическое качество человека, что представлено и в частотном ядерном ассоциате *правда*: основание предсказания между стимулом и реакцией – *основное свойство* ценности. Таких ассоциатов в ядре 71,31%. Вместе с тем значительная, хотя и существенно меньшая, часть респондентов актуализирует социально важную ассоциацию со *способом реализации* справедливости (это второе основание предсказания (11,39% реакций) в развитом социуме – через суд. Носитель немецкой лингвокультуры, прежде всего, связывает проявление справедливости со способом ее осуществления через систему судебных институтов (у русских носителей языка – вторая по частотности форма предикации): реакции, связанные с ними, составляют 56,76% от общего количества ядерных ассоциатов. Анализ ассоциатов показывает следующее: подавляющее большинство респондентов-русских рассматривает справедливость как *психологическое*, внутреннее *качество* индивида, респонденты-немцы – как определенное *социальное отношение*, регулируемое системой социальных институтов, в первую очередь – судов. Предварительный анализ всего состава полей позволяет считать, что такой вывод подтверждается характеристикой ассоциатов ближней и дальней периферийных зон АП.

Исследуем ассоциативное поле лексемы *безопасность*, обозначающей одноименную базовую ценность (в АП входит 1052 реакции). В ядро АП (16 ассоциатов) для сохранения единообразия условно также включены реакции, частотность которых не ниже 10: *дом* 117, *спокойствие* 57, *защита* 55, *охрана* 44, *жизнь* 27, *надежность* 27, *комфорт* 23, *полиция* 23, *ремень* 22, *ОБЖ* 20, *огнетушитель* 13, *опасность* 12, *семья* 11, *оружие* 10, *осторожность* 10, *уверенность* 10. Коэффициент разнообразия реакций низкий – 0,03, что свидетельствует о присвоенности индивидами интерсубъектного (понятийного) содержания слова. Это, как уже отмечалось, обусловлено, во-первых, универсальностью базовых ценностей, а во-вторых, неактуальностью содержания слова для индивида. Слова, означающие базовые ценности, используются в его речевой деятельности редко, поскольку не осмысливаются. (Это лишь предварительные наблюдения на небольшом материале, и они требуют дальнейшей экспериментальной верификации.)

Разделим ассоциаты, входящие в АП *справедливость*, на группы, соответствующие основным содержательным компонентам значения: понятийные: *дом* 117, *спокойствие* 57, *защита* 55, *охрана* 44, *жизнь* 27, *надежность* 27, *комфорт* 23, *полиция* 23, *семья* 11, *осторожность* 10, *уверенность* 10 (83,99%), эмоционально-оценочные: *опасность* 12 (2,49%), реакции-представления: *огнетушитель* 13, *оружие* 10 (4,78%), операциональные: *ремень* 22 (4,57%), культурно обусловленные: *ОБЖ* 20 (4,15%).

Полученное соотношение ассоциатов в ядре АП *безопасность* представим схематично (см. рис. 3).

В АП лексемы *die Sicherheit* / *безопасность*, обозначающей одноименную базовую ценность, входит 214 реакций. Ядро ассоциативного поля представлено следующими ассоциатами: *die Polizei* / *полиция* 35, *der Schutz* / *защита* 32, *die Familie* / *семья* 25, *das Schloss* / *замок* 25, *die Eltern* / *родители* 18, *die Geborgenheit* / *защищенность* 13, *der Frieden* /

мир 11. Коэффициент разнообразия реакций низкий – 0,04, практически совпадающий с тем же параметром в АП русской лексемы *безопасность*. В ядре представлены следующие ассоциаты: понятийные: *die Polizei* / *полиция* 35, *der Schutz* / *защита* 32, *die Familie* / *семья* 25, *die Eltern* / *родители* 18, *die Geborgenheit* / *защищенность* 13, *der Frieden* / *мир* 11 (84,28%), реакции-представления: *das Schloss* / *замок* 25 (15,72%); эмоционально-оценочных, операциональных и культурно обусловленных реакций в ядре АП не отмечено. Получение соотношения ассоциатов в ядре АП лексемы *die Sicherheit* представим схематично (см. рис. 4).

Отметим общее и различное в составе ассоциатов ядер сравниваемых АП. Для носителя русской лингвокультуры наиболее частотны реакции *дом* 131, *спокойствие* 57, *защита* 55, *охрана* 44, *жизнь* 27, *надежность* 27. Большая часть респондентов основным содержательным компонентом безопасности считают дом как *защищенное и спокойное место пребывания человека*. Те же основания предикации представлены и в частотных ядерных ассоциатах *спокойствие* и *защита*. Незначительная часть респондентов (4,78%) актуализирует *способ реализации безопасности*. Выделенные основания предикации могут свидетельствовать об определенном недоверии к правоохранительным органам и надежде только на собственные силы. (Однако такое предположение требует верификации и подтверждения в обратном ассоциативном эксперименте на лексемы *полиция*, *защищенность* и др.) Носитель немецкой лингвокультуры связывает безопасность, прежде всего, со способом ее осуществления через систему правоохранительных органов (у русских носителей языка это основание предикации нечастотно), поскольку реакции, связанные с полицией, составляют 16,35% от общего количества ядерных ассоциатов – это первое место по количеству реакций в выделенных группах. У носителей немецкой лингвокультуры отмечена частотная реакция-представление *замок* (15,72%),

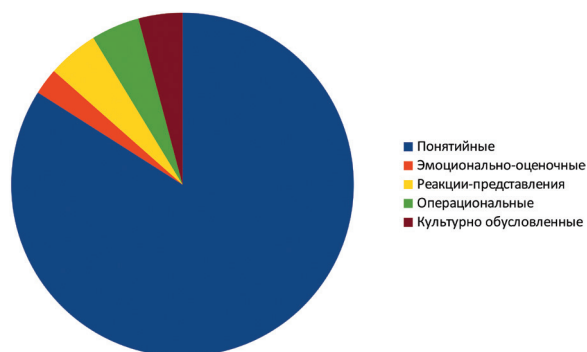

Рис. 3. Состав ядра АП *безопасность*

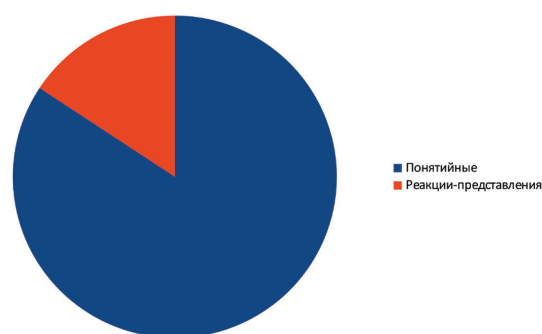

Рис. 4. Состав ядра АП *die Sicherheit* / *безопасность*

подчеркивающая признак ассоциирования «неприступность, защищенность». Анализ ассоциатов показывает следующее: подавляющее большинство респондентов-русских рассматривает безопасность как ощущение, которое достигается *усилиями индивида*, самостоятельно обеспечивающего себе безопасное существование. Респонденты-немцы, напротив, полагают, что безопасность – это *социальное завоевание*, которое должно быть обеспечено государством и, в частности, социальным институтом полиции. Предварительный анализ всего состава полей позволяет считать, что такой вывод подтверждается характеристикой реакций ближней и дальней периферийных зон АП.

Анализ базовых ценностей, как показывает эксперимент, создает вкпе с другими лингвистическими, историческими и социальными данными базу для ответа на вопрос о сходстве и различии сопоставляемых народов, например, австрийцев и немцев.

Проведем анализ двух базовых ценностей *die Gerechtigkeit / справедливость* и *die Sicherheit / безопасность* у носителей немецкой и немецкой австрийской лингвокультур, основываясь на данных пилотного проекта немецко-австрийского словаря базовых ценностей, осуществленного лабораторией психолингвистики МГЛУ.

В АП лексемы *die Gerechtigkeit / справедливость* у носителей немецкой лингвокультуры включено 600 реакций. Ядро АП представлено 10 ассоциатами: *wichtig / важно* 115, *das Gericht / суд* 112, *die Justiz / правосудие* 97, *die Waage / весы* 67, *die Fairness / порядочность* 36, *die Polizei / полиция* 21, *die Chancengleichheit / равенство возможностей* 20, *die Chancen / возможности* 20, *das Gesetz / закон* 17 (62,23%), эмоционально-оценочные: *wichtig / важно* 115, *die Ungerechtigkeit / несправедливость* 14 (24,85%), реакции-представления: *die Waage / весы* 67 (12,9%). Операциональные и культурно обусловленные ассоциаты в данном АП отсутствуют.

В АП лексемы *die Gerechtigkeit / справедливость* у носителей немецкой австрийской лингвокультуры, по данным словарной базы, входит 200 реакций. Ядро ассоциативного поля представлено всего 4 ассоциатами: *das Gesetz / закон* 92, *schwierig / сложна* 28, *schön wärs / было бы прекрасно* 24, *sozial /*

социальная 14. Коэффициент разнообразия реакций низкий (0,02) и вдвое, что показательно, меньше, чем у носителей немецкой лингвокультуры. В ядре можно выделить следующие ассоциаты: понятийные: *das Gesetz / закон* 92 (58,2%), эмоционально-оценочные: *schwierig / сложна* 28, *schön wärs / было бы прекрасно* 24 (32,9%), операциональные: *sozial / социальная* 14 (8,86%). Реакции-представления и культурно обусловленные ассоциаты в этом АП не отмечены.

В АП лексемы *die Sicherheit / безопасность* у носителей немецкой лингвокультуры входит 600 реакций. Ядро АП представлено 19 ассоциатами: *die Familie / семья* 99, *die Polizei / полиция* 78, *der Schutz / защита* 52, *zu Hause / дома* 43, *wichtig / важно* 36, *die Freiheit / свобода* 30, *der Frieden / мир* 25, *das Geld / деньги* 25, *der Rückhalt / опора* 22, *das Schloss / замок* 17, *die Schokolade / шоколад* 15, *die Stabilität / стабильность* 13, *das Leben / жизнь* 14, *das Glück / счастье* 13, *das Haus / дом* 13, *die Liebe / любовь* 13, *die Stabilität / стабильность* 13, *das Vertrauen / доверие* 13, *das Zuhause / домашний очаг* 13. Коэффициент разнообразия реакций стабильно низкий – 0,03. В ядро вошли следующие ассоциаты: понятийные: *die Familie / семья* 99, *die Polizei / полиция* 78, *der Schutz / защита* 52, *die Freiheit / свобода* 30, *der Frieden / мир* 25, *das Geld / деньги* 25, *der Rückhalt / опора* 22, *das Leben / жизнь* 14, *das Glück / счастье* 13, *das Haus / дом* 13, *die Liebe / любовь* 13, *die Stabilität / стабильность* 13+13, *das Vertrauen / доверие* 13 (77,3%), эмоционально-оценочные: *wichtig / важно* 36 (6,58%), реакции-представления: *das Schloss / замок* 17, *die Schokolade / шоколад* 15, *das Zuhause / домашний очаг* 13 (8,22%); Операциональные и культурно специфические ассоциаты в данном АП не представлены, поскольку оно представляет содержание универсальной базовой ценности.

В АП лексемы *die Sicherheit / безопасность* у носителей немецкой австрийской лингвокультуры включено 200 реакций. Ядро АП представлено, по сравнению с другими АП, малым количеством ассоциатов (5): *die Geborgenheit / защищенность* 59, *der Schutz / защита* 34, *die Stabilität / стабильность* 26, *die Familie / семья* 23, *die Beständigkeit / постоянство* 12. Коэффициент разнообразия реакций устойчиво низкий – 0,03. Ядро поля состоит только из понятийных ассоциатов: *die Geborgenheit / защищенность* 59, *der Schutz / защита* 34, *die Stabilität / стабильность* 26, *die Familie / семья* 23, *die Beständigkeit / постоянство* 12, которые полностью покрывают ядро АП. Эмоционально-оценочные, реакции-представления, операциональные и культурно специфические ассоциаты в данном АП отсутствуют, что обусловлено, а)

универсальностью базовой ценности, б) социальной стабильностью общества и, как следствие, рассудочным отношением носителей культуры к ценности, согласно их представлениям, полностью реализованной в общественных структурах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного предварительного анализа двух базовых ценностей можно сделать вывод, что реакции русских, немцев и австрийцев на лексемы, номинирующие эти ценности, существенно различаются. Так, большая часть русскоязычных респондентов выделяет честность в качестве основного содержательного компонента ценности «справедливость». Очевидно, что «справедливость» для них – это внутреннее психологическое качество человека, а правда – основной признак справедливости. Одновременно значительная часть респондентов подчеркивает *способ реализации* справедливости через суд. Большинство австрийцев на лексему *die Gerechtigkeit / справедливость* реагируют словами, обнаруживающими устойчивую предикацию по признаку «способ осуществления справедливости как социального отношения». Это отражено в ассоциатах всех выделенных групп – от понятийных до операциональных. Такое наблюдение позволяет считать, что австрийцы при отправлении справедливых социальных отношений опираются, прежде всего, на закон. Поэтому логично предположить, что стабильность австрийского общества во многом связана с законом, к неукоснительному соблюдению которого граждане приучены на протяжении жизни целого ряда поколений. Поступать справедливо – значит поступать по закону, считают австрийцы, хотя достижение справедливости, особенно социальной, – дело

сложное, но заслуживающее усилий. Большинство респондентов-немцев надеется на регулятивную и защитную функцию правосудия, осуществляемого судебной системой страны, которое должно предотвращать нарушение справедливости. Что касается реакций на лексему *die Sicherheit / безопасность*, то и в них имеются заметные различия между ассоциатами немцев и австрийцев. Для немцев безопасность чрезвычайно важна и связана, прежде всего, с семьей, в кругу которой немец испытывает наивысшую степень защищенности. Это обнаруживается в основании предикации «пространство наибольшей защищенности», которое представлено ассоциатами *das Zuhause / домашний очаг 43+13, der Rückhalt / опора 22, das Schloss / замок 17, die Schokolade / шоколад 15, die Liebe / любовь 13, das Glück / счастье 13, das Vertrauen / доверие 13*. Безопасность и защита прав граждан обеспечивается полицией (основание предикации – «социальный институт, обеспечивающий безопасность»). У австрийцев слагаемые безопасности – прежде всего, социальная защищенность и стабильность. Основания предикации между стимулом и реакцией, характерные для немцев, отмечаются и у австрийцев, но лишь на периферии АП. Австрийское общество воспринимается респондентами как стабильное и безопасное, с устоявшимися ценностями, тогда как немецкие респонденты пока акцентируют нарушения законности и не оценивают свой социум как вполне стабильный и безопасный. Представленные выводы можно считать только предварительными, однако наличие словаря базовых ценностей делает возможным детальный анализ этнических констант сравниваемых культур и обнаружение существенных различий в картине мира носителей немецкой и немецкой австрийской лингвокультур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 105–118.
2. Ассоциативный двуязычный словарь базовых ценностей / В. А. Пищальникова и др. М.: Спутник+, 2020.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
4. Хлопова А. И. Содержание понятия «Toleranz» в немецкой лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2(870). С. 57–65. DOI 10.52070/2542-2197_2023_2_870_57. EDN GZGGJX.

REFERENCES

1. Pishchalnikova, V. A. (2021). Associative experiment and psycholinguistic research of individual identity. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(844), 105–118. (In Russ.)

2. Pishchalnikova, V. A. et al. (2020). Dvuyazychnyj associativnyj slovar' bazovyh cennostej = Bilingual associative dictionary of basic values. Moscow: Sputnik+. (In Russ.)
3. Leontyev, A. A. (1997). Osnovy psikholingvistiki = Fundamentals of psycholinguistics. Moscow: Smysl. (In Russ.)
4. Khlopova, A. I. (2023). Content of the concept of "Toleranz" in German linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2(870), 57–65. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранов Юрий Викторович

старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
факультета заочного обучения Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baranov Yuri Viktorovich

Senior Lecturer, Department of Linguistics and Intercultural Communication,
Distance Learning Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Актуальность личностных ценностей в сознании китайцев: на примере ценности 友善 / дружелюбие

О. В. Дубкова

Сианьский университет иностранных языков, Сиань, Китай
Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова
linuan12@mail.ru

Аннотация. В общественно-политическом дискурсе Китая личностные ценности рассматриваются как правила коммуникации в условиях межличностного общения. Анализируемая ценность тесно связана в сознании носителей языка с системой традиционных китайских ценностей. Она включается в систему базовых ценностей социализма с китайской спецификой, что свидетельствует о ее психологической актуальности для китайцев. Анализ ассоциативного поля лексемы 友善 / дружелюбие показывает, что доминирующие признаки ассоциирования на данное слово-стимул – «носитель качества», «формы и способы внешнего проявления дружелюбного отношения».

Ключевые слова: система ценностей китайцев, базовые ценности социализма, дружелюбие, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле

Для цитирования: Дубкова О. В. Актуальность личных ценностей в сознании китайцев: на примере ценности 友善 / дружелюбие // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 63–69.

Original article

The Relevance of Personal Values in the Minds of the Chinese: Using the Example of the Value 友善 / Friendliness

Olga V. Dubkova

Xi'an International Studies University, Xi'an, China
Nizhny Novgorod Linguistic University
linuan12@mail.ru

Abstract. In the socio-political discourse of China, personal values are considered as rules of communication in interpersonal communication. The analyzed value is closely connected in the minds of native speakers with the system of traditional Chinese values and is included in the system of basic values of socialism with Chinese characteristics, which indicates its psychological relevance for the Chinese. Analysis of the associative field of the lexeme 友善 / friendliness shows that the dominant signs of association for this stimulus word are 'carrier of quality', 'forms and methods of external manifestation of a friendly attitude'.

Keywords: Chinese value system, basic values of socialism, friendliness, free associative experiment, associative field

For citation: Dubkova, O. V. (2024). The relevance of personal values in the minds of the Chinese: using the example of the value 友善 / friendliness. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 63–69.

ВВЕДЕНИЕ

Ценность 友善 [yǒushàn] / дружелюбие – одна из двенадцати базовых ценностей социализма с китайской спецификой (БЦС), утвержденных и обнародованных Госсоветом КНР в декабре 2013 года. Согласно означенной системе ценностей, представляющих отношения *государство – общество – человек*, 友善 / дружелюбие относится к личным ценностям и является последней из двенадцати официально признанных БЦС. Возникает естественный вопрос, почему именно *дружелюбие* включается в число БЦС. Предполагается, что 友善 / дружелюбие воплощает и развивает специфическое понятие *любви* по отношению к другим, основываясь на универсальной ценности западной и восточной культуры. По мнению Ли Цзяньхуа, 友善 / дружелюбие – это необходимое личное качество, выражающее стремление людей к добру, но вместе с тем и важное требование гражданской этики, проявляющееся в уважительном и толерантном отношении к другим членам общества, заботе о правах других, продвижении и реализации своих собственных прав. Он отмечает, что данная ценность, будучи субъективно усвоенной, помогает объединению граждан, продвижению демократии и устранению социального неравенства [李建华, 2013, с. 1–2].

Как показывает анализ китайской научной литературы, ценность 友善 / дружелюбие активно исследуется в философии, политологии, социологии, педагогике и других науках гуманитарного цикла. На Платформе периодических изданий на китайском языке [中文科技期刊数据库] в настоящее время представлено более 10 тыс. научных статей, связанных с данной ценностью, среди которых нами не обнаружено ни одной статьи, выполненной в рамках психолингвистики. В русскоязычном сегменте накоплен большой опыт психолингвистических исследований китайских ценностей [Яо Чжипэн, 2018; Пищальникова, Яо Чжипэн, 2019; Пищальникова, 2023], что подтверждает актуальность исследования личных ценностей китайцев.

Цель настоящего исследования – установление психологически актуального содержания ценности 友善 / дружелюбие в сознании современных китайцев. Для достижения данной цели на основе анализа данных свободного ассоциативного эксперимента (САЭ) целесообразно выделить актуальные для китайцев смыслы, тем самым определить, что понимается под дружелюбными действиями и поступками и какого человека считают дружелюбным.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ СВОБОДНОГО АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА И РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

В САЭ, который проводился в 2022–2023 годы, приняло участие 870 студентов 18 китайских вузов, в том числе Пекинского, Сианьского, Шанхайского и Тяньцзиньского университетов иностранных языков, Китайского политико-правового университета, Китайского университета нефти и газа, Шэньсийского педагогического университета, Северо-Западного университета, Сианьского транспортного университета (Цзяотун), Северо-Западного политехнического университета, Ланьчжоуского университета, Синьцзянского университета, Пекинского университета авиации и космонавтики и т. д. Для анализа результатов эксперимента методом случайных чисел нами выбрано 200 ассоциативных реакций.

1. Количественные особенности ассоциативного поля ментального образования 友善 / дружелюбие

На основе количественного анализа результатов САЭ традиционно выделяется ядро, ближняя и дальняя периферия. В ядро условно включены ассоциаты с частотностью выше пяти (см. табл. 1).

Таблица 1

ЯДРО АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ
友善 / ДРУЖЕЛЮБИЕ

АР (китайский язык)	АР (перевод на русский язык)	Кол-во
朋友	друг	33
和谐	гармония	27
和蔼	мягкий, приветливый, радушный, доброжелательный (указание на характер человека или его отношение к другим)	17
友好	близкий друг; сердечный, дружелюбный	10
诚信	честность	9
善良	добрый, доброта	9
社会主义核心价值观	базовая ценность социализма	6

В ядро анализируемого поля входит 111 АР, коэффициент разнообразия (КР) – 0,063, что является типичным для ассоциативных полей, представляющих антиценности китайцев [Пэй Цайся,

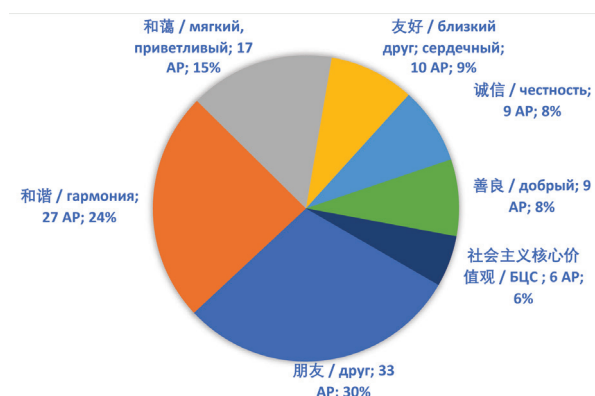

Рис. 1. Структура ядра АП 友善 / дружелюбие

2018; Дубкова, 2022]. Структура ядра АП представлена на рисунке (см. рис. 1).

В ближнюю периферию (БП) АП 友善 / дружелюбие включаются реакции частотностью от двух до пяти, дальнюю – одиночные реакции. По результатам количественного анализа БП составляют из 54 АР, КР – 0,351; дальняя – 35 АР; общий КР составляет 0,305, что в целом показывает наличие в сознании китайцев общих представлений о дружелюбии, которое проявляется в отношениях между друзьями (ср.: друг и близкий друг – 40 % АР, мягкий и добрый – 23 % АР в ядре анализируемого АП).

Соотношение ядра, ближней и дальней периферии представлено в диаграмме (см. рис. 2).

Количественный анализ АП ценности 友善 / дружелюбие показывает, что ядро составляет 55,5 % АР, БП – 27 % АР, ДП – 17 %, данная статистика свидетельствует о предсказуемости и стереотипности АР, а также об однородности понимания слова-стимула членами экспериментальной группы.

2. Моделирование ассоциативно-вербальной сети ценности 友善 / дружелюбие

В «Словаре современного китайского языка» слово 友善 [yǒushàn] является прилагательным и имеет значение «朋友之间亲近和睦» / близкие и гармоничные (отношения) между друзьями [现代汉语词典, 2022, с. 1588]. Этимологический анализ показывает, что слово 友善 / дружелюбие образовано способом словосложения из слов 友 / друг и 善 / прекрасный, благоприятный, счастливый и впервые зафиксировано в исторической хронике «Хоуханьшу» («История династии Поздняя Хань»), созданной в 432–445 годы историком династии Южная Сун периода Южных и Северных династий Фань Е. Контекст употребления слова следующий:

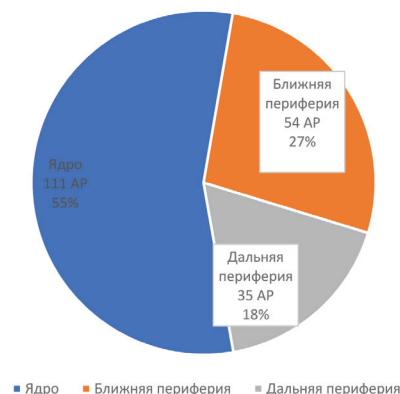

Рис. 2. Соотношение ядра, ближней и дальней периферии АП 友善 / дружелюбие

皇后父特进孔乡侯傅晏与躬同郡，相友善¹ = Фу Янь – отец императрицы, имеющий титулы тэцзинь и фэнкунь сянхоу, – и Сифу Гун родом из одного округа, поэтому они относились друг к другу дружелюбно².

Предполагается, что жители одного места не должны враждовать, должны относиться друг к другу миролюбиво.

Вопрос состоит в том, каким образом прилагательное становится существительным, обозначающим БЦС. По мнению Дэн Синьцяна, 友善 / дружелюбие соотносится с понятиями 仁爱 / гуманность и человеколюбие в конфуцианстве, 超脱 / освобождение от оков в даосизме, 兼爱 / всеобъемлющая любовь в моизме и 慈悲 / сострадание в буддизме, поэтому автор делает вывод о том, что в традиционной китайской культуре ценность 友善 / дружелюбие определяет действия и поступки древних китайцев на протяжении трех тысячелетий, ее реализация отражается в философских трактатах, исторических (династийных) хрониках, произведениях литературы и каллиграфии [邓心强, 2020, с. 92]. Автор также отмечает, что дружелюбие обычно проявляется не только в отношениях между друзьями, но и в отношениях между представителями разных поколений (старшими и младшими), оно предполагает общность интересов и стремлений, взаимное понимание и доверие, поддержку и помощь, доброжелательность и беззаветную преданность [邓心强, 2020, с. 95–97].

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что носители китайского языка могут идентифицировать слово-стимул 友善 / дружелюбие как существительное, обозначающее БЦС, или как прилагательное, выражающее отношения между друзьями или близкими людьми.

¹ URL: <https://www.yiyiwenku.com/p/252372.html>

² Перевод наш. – О. Д.

МОДЕЛИРОВАНИЕ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
ЛЕКСЕМЫ 友善 / ДРУЖЕЛЮБИЕ (ПО ДАННЫМ САЭ)

ПОНЯТИЙНЫЕ	
朋友 / друг 33 友好 / близкий друг; сердечный, дружелюбный 10 社会主义核心价值观 / базовая ценность социализма 6 人 / человек 5 好朋友 / хороший друг 2 好人 / хороший человек 2 友谊 / дружба 2 中国人 / китаец 2 人民 / народ, народный 孩童 / дети, детский	老人 / старик 老太太 / пожилая женщина 同事 / коллега 同学 / товарищ по учебе 品质 / (моральное) качество 性格 / характер 我 / я, мой 新朋友 / новый друг 自己 / сам, свой, личный 陌生人 / незнакомец
Итоговое количество реакций 73	
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	
和蔼 / мягкий, приветливый, радушный, доброжелательный 17 善良 / добрый, доброта 8 微笑 / улыбка, улыбаться 5 和平 / мир 5 待人 / общаться с людьми, манера общения 4 和睦 / мирные отношения, жить в согласии 4 团结 / сплываться, сплочение, сплоченность 3 态度 / отношение 2 快乐 / радоваться, радость 2 平和 / спокойный, мирный, умиротворять 2 帮助 / помогать, помощь 2 人际 / межличностный, человеческие отношения 2 笑容 / улыбка, улыбающееся лицо 2 仁慈 / великодушие, милосердие, добросердечный	仁爱 / человеколюбие, гуманность 友爱 / дружба, братская любовь 和气 / мирная атмосфера, дружелюбие 伸手 // протягивать руку 关怀 / заботиться, с любовью, беспокойство 合作 / сотрудничать, сотрудничество 开心 / радоваться, жизнерадостный 尊重 / уважать, уважение 可爱 / милый, мочь любить 微博 / Вэйбо (китайский сервис микроблогов) 握手 / пожимать руку, рукопожатие 热情 / сердечность, любезность, теплота, приветливый, радушный 社交 / социальные, общественные связи 祥和 / мягкий, добросердечный
Итоговое количество реакций 74	
ОЦЕНОЧНЫЕ	
美好 / прекрасный, прекрасно 2 温暖 / теплый, тепло 2 温和 / теплый, умеренный	积极 / активный, активно 红色 / красный 邪恶 / порочный, зло, порок
Итоговое количество реакций 8	
ФОРМАЛЬНЫЕ	
和谐 / гармония 27 诚信 / честность 9 爱国 / патриотизм, любить родину 3 平等 / равенство 3	安全 / безопасность 敬业 / добросовестность, преданность работе, уважение к своему делу 文明 / цивилизация
Итоговое количество реакций 45	

Согласно существующей в психолингвистике практике установления связей между словом-стимулом и ассоциатом считаем целесообразным выделить нижеследующие типы отношений (см.

табл. 2, рис. 3) [Пищальникова, 2020]. Как показывает анализ, для носителей китайского языка как актуальными являются следующие реакции-понятия и представления:

1. Понятия респондентов о дружелюбии связываются не только с близкими людьми: 朋友 / друг, 友好 / близкий друг, 好朋友 / хороший друг, 新朋友 / новый друг, (46 AP, 23 %), но и с различными национальными, возрастными и социальными группами: 同事 / коллега, 同学 / товарищ по учебе, 中国人 / китаец, 人民 / народ, 孩童 / дети, 老人 / старик, 老太太 / пожилая женщина, 陌生人 / незнакомец (9 AP, 4,5 %). Личностно ориентированные реакции 我 / я, мой и 自己 / сам, свой, личный показывают включенность данной ценности в систему личных ценностей респондентов.

2. Представления о дружелюбии связаны с действиями и поступками: 微笑 / улыбаться, 待人 / общаться с людьми, 和睦 / жить в согласии, 团结 / спланиваться, 快乐, 开心 / радоваться, 平和 / умиротворять, 帮助 / помогать, 伸手 / протягивать руку, 关怀 / заботиться, 合作 / сотрудничать, 尊重 / уважать, 可爱 / мочь любить (милый), 握手 / пожимать руку (31 AP, 15,5 %).

3. Реакция 社会主义核心价值观 / базовая ценность социализма (6 AP) свидетельствует о включении респондентами данного слова-стимула в систему пропагандируемых государством ценностей социализма. Кроме того, 友善 / дружелюбие считается респондентами типом 态度 / отношений, 品质 / (моральным) качеством и 性格 / чертой характера, но такие реакции являются единичными. Можно предположить, что для носителей китайского языка актуальными является стереотипы, навязываемые пропагандой ценностей.

4. Актуальными для респондентов являются представления о 友善 / дружелюбии как о положительных качествах человека: 和蔼, 热情 / приветливый, 善良 / добрый, 仁慈, 祥和 / добросердечный, 仁爱 / гуманный (30 AP, 15 %). Отметим, что данные представления отражают древнекитайскую концепцию, связанную с отношениями «человек – человек». Такие реакции можно назвать национально-специфическими:

- 1) в структуре слова присутствуют графемы, репрезентирующие основы поведения в рамках конфуцианской этики, даосизма и буддизма;
- 2) все реакции представляют различные аспекты китайской доброжелательности, предполагающее поведение коммуникантов в условиях межличностного общения, а также требования к себе и к окружающим;
- 3) в ассоциативное пространство включаются только положительные представления о слове-стимуле, что можно объяснить влиянием пропаганды на сознание респондентов, когда за каждым образом закрепляются определенные положительные действия и поступки.

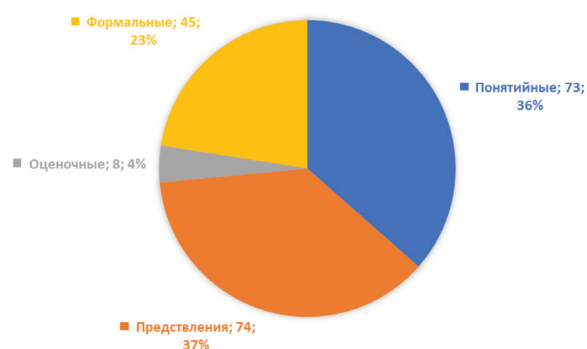

Рис. 3. Соотношение типов ассоциативных реакций в структуре ассоциативно-семантического поля лексемы 友善 / дружелюбие (по данным САЭ)

Формальные реакции отражают связи данной ценности с другими базовыми ценностями: 和谐 / гармония, 诚信 / честность, 爱国 / патриотизм (любовь к родине), 平等 / равенство, 安全 / безопасность, 敬业 / добросовестность (преданность работе) и 文明 / цивилизация (45 AP, 22,5 %). Следует отметить, что респонденты отождествляют данную ценность с БСЦ (6 AP, 3 %), что в целом составляет 25,5 % AP в анализируемом ассоциативно-семантическом поле и косвенно свидетельствует о включенности данной ценностей в систему БСЦ.

Собственно оценочные реакции составляют 4 % от общего количества реакций в анализируемом поле, они относятся к ближней и дальней периферии, обозначают различные оценки респондентами слова-стимула (美好 / прекрасно, 温暖 / тепло, 温和 / умеренно, 积极 / активно, 红色 / красный цвет, 邪恶 / зло), при этом только одна реакция имеет негативную оценку. Если включить в данную группу реакции, имеющие в структуре слова сему оценки, то количество реакций значительно увеличится, в данном случае все ассоциативные реакции включаются только в одну подгруппу, указанную носителями китайского языка в ходе анализа грамматической связи стимул-реакция.

Предварительный анализ показывает, что ассоциативное поле ценности 友善 / дружелюбие в сознании китайцев представляет собой сложную структуру, тесно связанную с другими базовыми ценностями, имеет плотное ядро, репрезентирующее связи с другими базовыми ценностями в сознании респондентов, высокое соотношение положительно маркированных слов-ассоциатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа ассоциативно-семантического поля лексемы 友善 / дружелюбие выделяется ядро,

в которое входит 55,5 % AP, ближняя периферия – 27 % AP и дальняя периферия – 17 %, что свидетельствует о предсказуемости и стереотипности AP, а также об однородности понимания респондентами слова-стимула. Актуальными для членов экспериментальной группы являются реакции-понятия (36 %) и реакции-представления (37 %), что в целом составляет больше 70 % всех ассоциатов анализируемого ассоциативно-семантического поля. Помимо носителей качества (*друг, китаец, коллега, старик, ребенок* и др.) респонденты обращают

внимание на действия и поступки, свидетельствующие о дружелюбном поведении (*улыбаться, помогать, заботиться, объединяться* и т. д.), что в целом демонстрирует потенциал развития слова и создает основу для формирования дружелюбного поведения. Наличие в структуре анализируемого поля других базовых ценностей социализма, отражающих социальные и личные правила поведения, показывает включенность данной леммы в систему базовых ценностей социализма, активно пропагандируемую на государственном уровне.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. 李建华. 友善何以成为一种核心价值观. 伦理学研究, 2013年第2期第1–3页. Ли Цзяньхуа. Почему友善 / дружелюбие становится базовой ценностью? // Исследования этики. 2013. № 2. С. 1–3.
2. 中文科技期刊数据库. Китайская база данных периодических изданий по науке и технологиям. URL: <http://resource.hzlib.cn>.
3. Яо Чжипэн. Сравнительная характеристика ассоциативных полей лексем «отзывчивый» / 富有同情心的 по данным свободного ассоциативного эксперимента // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 9 (801). С. 223–234.
4. Пищальникова В. А., Яо Чжипэн. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или Динамика значения слова 殷勤的 в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 56–64.
5. Пищальникова В. А. Прогностический аспект психолингвистического исследования значения слова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2(870). С. 49–56.
6. Пэй Цайся. Содержание антиценности 腐败 / коррупция в современной китайской культуре: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 13 (807). С. 225–234.
7. Дубкова О. В. Моделирование ассоциативно-вербальной сети антиценностей в сознании китайцев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 6 (861). С. 78–85.
8. 现代汉语词典. 商务印书馆, 2022年. Словарь современного китайского языка. Пекин: Коммерческое изд-во, 2022.
9. 息夫躬之阴, 依依文库. Коварство Сифу Гуна // Электронная библиотека «Ии вэньку». URL: <https://www.yiyiwenku.com/p/252372.html>
10. 邓心强. 论“友善”价值观在中国传统文论中的多维表现. 青岛科技大学学报(社会科学版), 2020年第2期第91–98页. Дэн Синьцян. О многомерном выражении ценности友善 / дружелюбие в теории традиционной китайской литературы // Вестник Циндаоского университета науки и технологий: Социальные науки. 2020. № 2. С. 91–98.
11. Пищальникова В. А. Базовые ценности: методологические проблемы психолингвистического исследования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (832). 2020. С. 20–36.

REFERENCES

1. 李建华. 友善何以成为一种核心价值观. 伦理学研究, 2013年第2期第1–3页. = Li Jianhua (2013). Why Friendliness has become a Core Value. Ethics Research, 2, 1–3.
2. 中文科技期刊数据库 = Китайская база данных периодических изданий по науке и технологиям. URL: <http://resource.hzlib.cn>.
3. Yao Zhipeng. (2018). A comparative study of associative fields of the lexeme “compassionate” / 富有同情心的 based on the data of the free associative experiment. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(801), 223–234. (In Russ.)

4. Pishchalnikova, V.A., Yao Zhipeng. (2019). I will serve, willingly – be osequious, never, or Dynamics of the meaning of the word 殷勤的 / pleasing in Chinese language culture. Proceedings of the Southwest State University. Linguistics and Pedagogy, 9, 1(30), 56–64. (In Russ.)
5. Pishchalnikova, V. A. (2023). Prognostic aspect of the psycholinguistic study of the meaning of the word. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 2 (870), 49–56. (In Russ.)
6. Pei Caixia. (2018). Experimental study of the structural-content specificity of anti-value 腐败/. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 225–234. (In Russ.)
7. Dubkova, O. V. (2022). Modeling of the associative-verbal network of anti-values in the minds of the Chinese. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(861), 78–85. (In Russ.)
8. 现代汉语词典. 商务印书馆, 2022年. Modern Chinese Dictionary. Commercial Press, 2022.
9. 息夫躬之阴, 依依文库. = To rest and bow to the Yin. Yiyi Library. <https://www.yiyiwenku.com/p/252372.html>.
10. 邓心强. 论“友善”价值观在中国传统文论中的多维表现. 青岛科技大学学报 (社会科学版, 2020年第2期第91–98页) =Deng Xinqiang (2020). On the multi-dimensional expression of the value of “Friendliness” in Traditional Chinese Literature and Theory. Journal of Qingdao University of Science and Technology: Social Sciences Edition, 2, 91–98.
11. Pishchalnikova, V. A. (2020). Basic values: methodological problems of psycholinguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(832), 20–35. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дубкова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук, профессор

иностраный специалист Сианьского университета иностранных языков

ассоциированный научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории

«Теоретические и прикладные проблемы переводоведения»

Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dubkova Olga Vladimirovna

PhD (Philology), Professor

Foreign Expert, Xi'an International Studies University

Associate Researcher of the Research Laboratory

“Theoretical and Applied Problems of Translation Studies”

of Nizhny Novgorod Linguistic University

Статья поступила в редакцию	12.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	25.12.2023	
принята к публикации	17.01.2024	

Научная статья
УДК 811'1

Факторы, обуславливающие эмерджентность понимания (поликодового) текста. Часть 1

В. А. Пищальникова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
pishchalnikova@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются гетерогенные факторы, которые определяют эмерджентность понимания текста. При этом эмерджентность представлена как фундаментальная характеристика психической деятельности индивида. Актуальность статьи определяется необходимостью разработки принципов анализа речевой деятельности как холистического объекта. Он является существенно эмерджентным, что детерминировано взаимообусловленностью физио-, нейро- и психологических сторон деятельности человека. Выделены факторы, определяющие эмерджентность речевой деятельности независимо от тематики, структуры, области коммуникации индивидов.

Ключевые слова: текст, поликодовый текст, эмерджентность, синергетика, структурная аналогия, теория речевой деятельности, речевое действие

Для цитирования: Пищальникова В. А. Факторы, обуславливающие эмерджентность понимания (поликодового) текста. Часть 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 70–78.

Original article

The Factors Determining the “Emergence” of Understanding of a (Polycode) Text. Part 1

Vera A. Pishchalnikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pishchalnikova@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of heterogeneous factors contributing to the emergence of “emergence” of the process of understanding a text; at the same time, “emergence” is considered a fundamental characteristic of an individual’s mental activity. The relevance of the article is determined by the need to change the methodology of analyzing speech activity, which is essentially emergent and determined by the interdependence of the physio-, neuro- and psychological aspects of human activity. The factors determining the “emergence” of speech activity are highlighted, regardless of the topic, structure, and area of communication of individuals.

Keywords: text, polycode text, “emergence”, synergetics, structural analogy, theory of speech activity, speech action

For citation: Pishchalnikova, V. A. (2024). The factors determining the “emergence” of understanding of a (polycode) text. Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 70–78.

ВВЕДЕНИЕ. РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ СИСТЕМА

В среде гуманитариев укрепилось мнение о том, что процесс познания индивидом действительности и самопознание – это порождение человеком неких идеальных образов, форм и структур, которые отображают «объективный мир» и выполняют функцию посредников между человеком и его естественно-культурной средой. Такие идеальные образования фиксируют знание как *отраженную реальность*. Будучи результатом определенного этапа познания, они становятся опорными в последующих познавательных процессах. Содержание всех «идеальных посредников» вполне покрывается психологическим термином «образ восприятия». Каждый такой комплекс знаний по сути – субъективно-объективное образование, поскольку он не существует вне определенного способа познания, детерминированного природной и социальной сущностью человека. Значит, знание как оформленный результат познавательного процесса становится *средством* познания и, следовательно, структурирует среду бытования человека. Доминирующей формой образования и репрезентации знания является речевая деятельность, в которой осуществляется становление мыслимого: язык «... набрасывает на дух свою сеть, чтобы тот, уловленный, смог выразить божественное» [Якобсон, 1987, с. 378].

Однако для того чтобы сохранять определенную устойчивость, образ восприятия должен обладать свойствами, позволяющими поддерживать эту устойчивость во всем континуальном мыслительном процессе при включении его в разные типы деятельности индивида. Мы полагаем, что такая характеристика детерминируется *психофизической* природой образа восприятия: не являясь копией объекта, образ восприятия *структурно аналогичен* ему. Эта аналогия может использоваться при отождествлении форм и структур знания в последующем познавательном процессе, поскольку любые ментальные процессы и образования закрепляются в нейронных сетях и при необходимости активируются. Такое предположение основано на допущении, что существуют некие физические свойства, объединяющие психические и материальные объекты; в некоторых исследованиях эти свойства связываются с формой как особым видом субстанции [Дубров, 1987; Жуков, 1987; Кобозев, 1971; Манеев, 1993].

В современной психологической науке и психолингвистике этапы принятия решения, завершающиеся созданием определенных форм и структур знания, рассматриваются как *регуляторы*

разворачивания познавательных стратегий в условиях неопределенности самого процесса решения. Тогда необходимо определить не только функцию таких форм и структур (регуляторы), но также их свойства, которые способны направлять познавательную деятельность. *Принцип функциональной регуляции деятельности* (П. К. Анохин, В. Г. Зилов, К. В. Судаков и др.) позволяет рассматривать процесс решения сложной познавательной задачи, в нашем случае понимания речевой деятельности и текста, как осуществление стратегий, *предполагающих* неопределенность направленности речевых действий и способов их реализации. В этом случае только аналогические структуры способны выполнять роль стабилизирующих компонентов в стохастическом процессе понимания.

В современной психолингвистике принято положение о том, что ментальные процессы по существу своему нелинейны, а потому психическая реакция индивида на стимул не тождественна ни его описанию в дискретных языковых единицах, ни представлению стимула как суммы репрезентацией его признаков. Тогда единственным признаком адекватности вербального описания познавательным ментальным формам может быть их структурная аналогия речевой деятельности. Речевая деятельность изоморфна любому виду иной деятельности, которую она сопровождает, что в свое время отметил А. А. Леонтьев. Это общее методологическое положение требует разработки теорий второго уровня, которые позволяют применять его, используя конкретные методики анализа. Создать такую теорию возможно, включив в исследование в качестве основополагающего методологический принцип рассмотрения речевой деятельности как самоорганизующейся системы.

Системоцентрическая лингвистика строится на базовой научной парадигме, предполагающей наличие определенной совокупности типов фундаментальных объектов, из которых состоят все другие объекты и которые определяют свойства последних. Такое понимание, по словам Г. В. Ф. Гегеля, приводит к *Schlecht-Unendliche* – «дурной бесконечности» как неограниченному процессу однообразных изменений, не порождающих *нового* состояния системы. Однако долгое время оно было основополагающим в понимании языковых феноменов, например, текста. В тексте тоже пытались обнаружить элементарные смысловые (семантические) единицы, из которых строились бы любые смысловые структуры, но эти поиски оказывались неэффективными, особенно в исследовании текстовых художественных структур. Такая ситуация в 1990–2000-е годы вызвала всплеск интереса к нелингвистическим теориям,

способным, по мнению ученых, объяснить специфику смыслопорождения в речевой деятельности, в частности, к теории самоорганизации сложных систем (И. А. Герман, С. К. Гураль, Г. Г. Москальчук, Н. Л. Мышкина, Н. С. Олизько и др.). «Синергетические» исследования, изучение суггестивных свойств текстов и их эмоционального содержания привели к однозначному выводу: смыслы порождаются только в речевой деятельности и не могут быть определены минимальным набором языковых знаков или структур. Более того, те или иные свойства *единиц языка*, включенных в речевую деятельность, могут не реализовываться вообще, но возникают иные, не предполагаемые их инвариантным содержанием. То есть существенные характеристики единиц языка зависят от *условий* их существования и *способа* установления свойств.

Казалось бы, обращение к физическим теориям было мотивировано стремлением найти «объективные» основания исследования языка. Однако на практике, к разочарованию лингвистов, попытка выявить «объективный» фундамент языка подтвердила очевидную мысль, что человек – это тоже саморазвивающаяся система, обладающая специфическим признаком – речевой деятельностью. Самоорганизация – это определяющее биологическое свойство живых систем, которое порождает их эволюцию. Однако по причине невозможности изучать ее собственно методами языкознания в лингвистических моделях она описывается как свойство языка, предопределенное следующими факторами: деятельная активность индивида, его языковая способность, целенаправленность речевого действия. Перечисленные параметры самоорганизации имеют давние традиции изучения. Они содержательно определены и верифицируемы экспериментально; в их взаимодействии проявляется синергетическая природа речевой деятельности. Такие параметры обеспечивают необходимую адаптацию индивида к среде и потому удобны для построения теорий второго порядка, о которых говорилось выше. Среда – «область всех возможных взаимодействий группы объектов (выступающих как таковые вне зависимости от их сложности), задаваемая свойствами этих объектов (их измерениями)» [Maturana, 1978, С. 33]. Поэтому изменения в структуре системы – следствие взаимодействия субъекта со средой. Равновесные отношения в функциональном единстве «субъект – среда» невозможны в силу стохастической структурной пластичности обоих его компонентов, которая и определяет эмерджентность деятельности человека, в том числе речевой.

Общеизвестно, что язык развивается стихийно в речевой деятельности общества как

совокупности индивидов, которые используют данный им язык для представления своих психологически актуальных субъективных смыслов – в них и только в них существуют языковые и иные значения. Субъективные смыслы партнеров по коммуникации воспринимаются носителями языка на фоне интерсубъективных значений как ситуативные отклонения от них. И напротив, говорящий вступает в процесс коммуникации, как правило, с намерением представить именно личностные смыслы. Они ситуативно актуальны, потому приоритетны для говорящего в данной конкретной деятельности. Интенция говорящего ведет к расширению смыслов, соотносимых с единицей языка, к их различным изменениям. Поэтому к речевой деятельности как функционирующему языку вполне приложимо положение теории самоорганизующихся систем о том, что флуктуации элементов языка как случайные отклонения от их «средней» величины (интерсубъектного значения в языке) *начинают определять пути их эволюции*. (В нашем случае – изменение семантической структуры вербального репрезентанта. – В. П.). *Неожиданное разрастание незначительных флуктуаций приводит к порождению глобальных следствий в эволюции*» [Герман, Пищальникова, 1999, с. 5] семантической системы языка, в том числе к возникновению у слова значения, противоположного этимологическому (типа *лихой вор – лихой казак, ветхий* в значении «старый, изношенный» из *ветхий* – «годовой» и т. п.), и к явлению энантиосемии.

Изменение семантической структуры слова становится возможным в силу универсального свойства сложных самоорганизующихся систем – *эмерджентности*, которое проявляется в *генерировании функционирующей системой свойств, не присущих ее компонентам*. Сила проявления эмерджентности зависит от уровня организации синергетических систем, структура которых обладает адаптивной пластичностью. Так, в процессе речевой деятельности (= речесмыслопорождения) во взаимодействие вступают способы познания, не только фиксированные в языке как основной форме коммуникации, но и стабилизированные в иных специализированных семиотических системах (например, в случае продуцирования и понимания поликодовых текстов). Результат процесса – порождение смыслов, не предполагаемых знаковыми образованиями, участвовавшими в этом порождении.

Вне функционирования язык как принципиально статичная система не обладает свойством эмерджентности, поэтому рассуждения некоторых исследователей об «эмерджентности на различных уровнях языковой системы (на фонетическом, словообразовательном, лексическом,

морфологическом, синтаксическом и на *лингвокультурном* уровнях» [Альбеков, 2013] представляются необоснованными. Заметим, что в процитированном фрагменте вызывают сомнения и основания выделения «языковых» уровней.

Многочисленные экспериментальные данные позволяют считать, что языковая структура и формируется в речевой деятельности, и определяется ее механизмами, а любой *содержательный* лингвистический объект принципиально не может быть задан определенной совокупностью необходимых и достаточных параметров. Эти положения фундаментально детерминируются так называемой нелинейностью мышления, а по сути – эмерджентностью мыслительного процесса, результаты которого приобретают определенность благодаря языку: он предоставляет интерперсональные значения и формы для репрезентации личностных смыслов. Опираясь на них, реципиент способен осуществлять встречный процесс порождения смыслов, так или иначе соотносимых с воспринимаемыми, и эти процессы тоже принципиально эмерджентны. Таким образом, для характеристики речевой деятельности оказывается значимым положение синергетики, согласно которому *флуктуации элементов сложных систем в определенных ситуациях обуславливают пути их эволюции*: каждое незначительное отклонение от воспринимаемого смысла принципиально способно актуализировать неожиданную стратегию понимания, приводящую к *эволюции* смысла как его любому изменению. Применение положений синергетики к исследованию текста носит опосредованно-метафорический характер, поскольку, повторим, собственно синергетическим законам подчиняется человек как психофизиологическая сложная система. Поэтому необходимо отметить участие нейрофизиологических механизмов функционирования мозга в процессе продуцирования и понимания текста. Именно в работе мозга представлен главный принцип синергетики, согласно которому эволюция всех элементов самоорганизующейся системы детерминируется так называемым параметром порядка как наиболее неустойчивым элементом, поскольку именно такой элемент «запускает» самоорганизацию системы [Князева, Курдюмов, 1994]. Действие параметра порядка возможно потому, что работа центральной нервной системы не только существенно иерархична, но нелинейна и стохастична: «Нейронным сетям как макросистемам присущи спонтанные флуктуации, обуславливающие зарождение диссипативной структуры в виде качественно нового состояния в макроскопической электрической активности нейронных сетей, осуществляющих формирование ассоциаций

и последующую фиксацию случайно зародившейся новой комбинации ассоциаций» [Дрейманис, 1987, с. 152]. По отношению к тексту такими параметрами порядка могут стать: понимание текста как существенно нестабильный процесс присвоения некоего вербального содержания; элемент текста, акцентированный автором, но неясный реципиенту; невозможность интериоризации смыслов текста в силу недостаточности знаний лингвокультуры и т. д. Параметр порядка образует устойчивый «узел», центр, сосредоточивающий возможные пути эволюции системы, который структурирует окружающую среду, – аттрактор. Это определенные локусы упорядоченности неравновесной системы – текста (речевой деятельности), которые направляют эволюцию понимания (следовательно, по сути организуют текст в ментальной деятельности реципиента, выбирая путь эволюции, наиболее соответствующий содержанию мышления реципиента). При таком порядке эволюции системы текста ее неустойчивое равновесие сохраняется во многом за счет языковых репрезентантов, которые временно устойчивы в силу их дискретности и определенности формальных связей. Вместе с тем языковые репрезентанты не могут в целом гарантировать стабильность смыслов, поскольку за каждым из них стоят взаимозависимые распределенные ассоциативные связи. Поэтому в системе порождения смыслов должен быть еще какой-то стабилизирующий фактор, не исключающий их эмерджентности.

Речесмыслорождение по определению непрерывно, и потому «точки» этой непрерывности в научном анализе ни теоретически, ни операционально на базе имеющихся методов анализа принципиально неопределимы. Отсюда и значение лингвистических единиц лишь вероятно, что определяется множеством причин.

Поэтому чрезвычайно важной проблемой психолингвистики и когнитивной лингвистики мы считаем не только обнаружение факторов, обуславливающих эмерджентность понимания речевой деятельности (текста), но и факторов, ограничивающих ее, – в противном случае проблема понимания эмерджентной речевой деятельности принципиально неразрешима.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Подчеркнем еще раз: эмерджентность – это фундаментальное свойство сложных самоорганизующихся систем, порождающих в процессе эволюции свойства системы, которые не присущи ее элементам.

Какие же факторы дают возможность системе языка бесконечно и разнонаправленно развиваться в процессе речевой деятельности, порождая все новые элементы и сохраняя при этом тождественность самой себе?

Говоря о речевой деятельности как о самоорганизующейся системе, мы, естественно, лишь в научном анализе отделяем ее от человека как производителя деятельности. И однако мы понимаем, что сложнейшая живая самоорганизующаяся система – это, конечно, человек. Поэтому базовый фактор, приводящий к порождению новых смыслов, не сводимых к свойствам взаимодействующих элементов в процессе понимания любого фрагмента действительности, – *фундаментальная эмерджентность деятельности* человека, в том числе мыслительной. Она порождается вследствие взаимодействия физио-, нейро- и психологических процессов в окружающей среде, природной и социальной. Новые и непредсказуемые свойства системы (человека), появляющиеся в этих процессах, называются эмерджентными, а способ порождения этих свойств – эмерджентностью.

Согласно теории самоорганизации систем, в речевой деятельности как сложной системе можно наблюдать постоянно возникающие флуктуации – случайные отклонения от содержания и известных способов репрезентации смыслов, поскольку на эту систему воздействует практически неопределенное количество факторов – эмоциональных, психофизиологических и психофизических, информационных: встраивание новой информации, полученной из внешней среды, в процесс понимания ведет к естественному повышению неопределенности смыслов (энтропии). Текст или речевая деятельность собеседника для индивида – это новая информация, увеличивающая энтропию концептуальной системы реципиента, хотя, безусловно, существует и некоторая устойчивая для индивида совокупность смыслов. Впрочем, не исключаются ее функциональные изменения [Герман, Пищальникова, 1999]. Итак, флуктуации увеличиваются, нестабильность состояния системы возрастает, и она вступает в новый цикл самоорганизации с целью уменьшить неопределенность смысла – энтропию речевой деятельности. То есть специфически индивидуальное отношение концептуальной системы реципиента к воспринимаемому тексту способствует субъективной интерпретации текста. По сути, она соответствует новому пути развития смыслов, заложенных в тексте. Построение тождественных смыслов разными реципиентами заведомо невозможно, поскольку всякая самоорганизующаяся система, в том числе речевая деятельность, принципиально

необратима [Герман, 2000]. Таким образом, осуществляется внутреннее развитие относительно устойчивых смыслов текста, «остановленных» в дискретных языковых единицах. Это внутреннее развитие происходит во встречной речевой деятельности реципиента, и вызвано оно фундаментальным стремлением концептуальной системы к равновесию, нарушаемому включением текста в процесс понимания.

Вторым определяющим фактором, усиливающим возможность порождения непредсказуемых смыслов в процессе понимания, является *мотив деятельности* индивида, в том числе речевой. Именно мотив определяет использование элементов разных семиотических систем для представления психически актуального содержания речевой деятельности субъекта.

Третий фактор – *степень культурной и речевой компетентности* индивида, характеризующая как продуцента речевой деятельности, так и воспринимающего текст. Экспериментально доказано (О.А. Староселец, Т.Г. Утробина и др.), что этот фактор определяет глубину проникновения в доминантный смысл текста, и это не противоречит пониманию речевой деятельности как синергетического процесса: чем разнообразнее концептуальная система, тем она устойчивее и тем более обеспечивает характер более глубокого понимания.

Таким образом, взаимодействие выделенных факторов усиливает степень эмерджентности процесса понимания. Однако наличие интерсубъектного культурного знания и языка как всеобщего способа отображения действительности обеспечивает эффективность коммуникативных процессов. Перечисленные факторы действуют парадоксально: детерминируют и одновременно ограничивают эмерджентность речевой деятельности. Естественно, на процесс понимания текста (речевого произведения вообще) влияет и масса иных факторов, в том числе значимых ситуативно, но если говорить об определяющих факторах, то, вероятно, они ограничиваются перечисленными.

Эмерджентность речевой деятельности – следствие эмерджентности мыслительной деятельности человека, которая обуславливается всеми процессами, происходящими в организме как живой системе. Поэтому содержание единиц языка, в частности лексических, задается совокупностью потенциальных способов (субъективной) концептуализации, но они только частично определяют конкретное ее использование. Поэтому отношения элементов речевой деятельности онтологически можно считать только возможными, а не строго детерминированными. Следовательно, «целостность системы представляет собой иную,

самостоятельную субстанцию, нежели образующие ее элементы, а потому законы системообразования существенно отличны от законов синтагматики и парадигматики элементов языка» [Герман, 2000, с. 24]. Языковые единицы означают только *временно устойчивое* содержание речевой деятельности (и текста как ее результата), принципиально же она (он) – существенно нестабильные структуры, зависящие от характера концептуальных систем реципиентов и способов включения текста в их речевую деятельность. (Вот почему особое значение приобретают психолингвистические исследования, связанные с анализом оснований ассоциирования в парах: вербальный стимул – реакция [Пищальникова и др., 2019; Степыкин, 2023; Яо Чжипэн, 2018]: они позволяют устанавливать совокупность потенциальных предикаций на основе минимального речевого действия *стимул – реакция*; такие предикации указывают не только на имеющиеся, но и на потенциальные пути развития семантической системы вербального стимула.

Поэтому перед психолингвистами стоит задача установить такие способы репрезентации смыслов, которые позволили бы преодолеть фундаментальную противопоставленность «континуальности смысла и дискретности его вербальной репрезентации» [Герман 2000, с. 58], найти структуру, стабилизирующую эту противопоставленность.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

В поликодовых текстах, где взаимодействие гетерогенных семиотических систем реализуется очевиднее, чем в собственно вербальных, можно установить мотивационные и когнитивные особенности механизмов понимания, необходимые для объяснения эмерджентности текста вообще. Мы исходим из представления о том, что автор текста имеет определенный мотив его структурирования в связи с необходимостью представить определенное заданное содержание. Значительное количество лингвистических и психолингвистических работ направлено на моделирование этого содержания (Е. А. Анисимова, А. В. Беленко, Л. С. Большакова, Л. О. Бутакова, И. Вашунина, А. К. Гончаренко, Н. Н. Махнин, Д. С. Мичурин и многие другие); в них так или иначе отмечается, что в поликодовых текстах *интегрируется содержательный потенциал гетерогенных составляющих, реализуя мотив речевой деятельности продуцента текста* (см., например, [Сонин, 2005]). В чем сущность этого процесса интеграции? В образовании аналогических структур смыслов, которые создают основу для *порождения новых смыслов (проявления*

эмерджентности системы). Для их создания нужно только «запустить» параметр порядка – поставить познавательную задачу, и система в процессе самоорганизации, стремясь к неустойчивому равновесию, комфортно для нее, начинает производить новые смыслы. А. Г. Сонин подчеркивает, что *поликодовость* как сопряжение в едином текстовом пространстве разных гетерогенных знаковых систем всегда сопрягается с *полиmodalностью* как использованием разных сенсорных модальностей при *восприятии* текста, а также с *интерактивностью* как участием реципиента в понимании содержания текста [Сонин, 2005]. (Только при этих взаимообусловленных свойствах возможно «встречное порождение текста», по А. А. Леонтьеву, т. е. его понимание реципиентом.) В этих свойствах отражены, с одной стороны, специфические знаковые инструменты, используемые продуцентом для создания текста, и свойства психики, актуальные в такой деятельности, с другой – не реактивный, а принципиально деятельностный характер восприятия и понимания текста (деятельности вообще), в котором и проявляется эмерджентность как свойство мышления.

Экспериментальное исследование восприятия и понимания поликодовых текстов показывает, что обработка их происходит в три этапа. На первом, считают исследователи, устанавливаются *механизмы подобия изобразительной и вербальной составляющих*. Мы полагаем, что здесь необходимо существенное терминологическое уточнение. Речь должна идти не о *подобии* как устанавливаемой геометрической одинаковости формы, независимой от размеров сравниваемых объектов, а о *структурной аналогии* как *вероятном и вероятностном* заключении реципиента о сходстве объектов *по какому-то* актуальному для него признаку. Он является вероятным, потому что допускается содержанием текста; он же является вероятностным, поскольку базируется на случайности. (Аналогия как познавательная операция может сформироваться только в живых самоорганизующихся системах, поскольку она предполагает активное, деятельностное вмешательство субъекта в познавательный процесс.) При таком понимании сущности первого этапа обработки текста легко устанавливаются причины эмерджентности процесса понимания. Так, к числу факторов эмерджентности относятся предельно субъективные признаки объектов. На них выстраивается аналогия вследствие их психологической актуальности для субъекта деятельности. Аналогия может быть построена на неисчислимом количестве оснований в силу ассоциативно-апперцепционного характера мышления, поэтому невозможно прогнозировать появление какого-то строго

определенного смысла при восприятии объекта. Однако сама по себе структурная аналогия, осознаваемая индивидом, является для него стабилизирующим компонентом смыслопорождения. Для его вербализации может быть использована любая языковая форма, подчеркнута значимая для продуцента текста, а следовательно, привлекающая внимание реципиента (например, повторением обнаруженной аналогии:

...что пожелтый белый свет
С тобой – белей белил; Белей, чем бред, чем абажур,
Чем белый бинт на лбу.

Б. Пастернак

Аналогия как вероятностное заключение *реципиента* способна порождать принципиально неограниченное количество новых смыслов. Поэтому этап установления структурной аналогии между изобразительной и вербальной составляющими поликодового текста мы считаем определяющим в порождении эмерджентных смыслов. И осуществляется этот этап, на наш взгляд, порождением аналогичных речевых действий, организуемых в текст. А. Г. Сонин, предложивший один из первых в лингвистике опыт психолингвистического моделирования процессов, лежащих в основе понимания поликодового текста [Сонин, 2006]. А. Г. Сонин пишет, что, согласно экспериментальным данным, на первом этапе реципиент учитывает, прежде всего, изобразительные элементы поликодового текста: они обладают большим потенциалом для привлечения произвольного внимания реципиента. Изобразительные элементы определяют *структуру семантической сети*, т. е. задают *структурную аналогию смыслов*, следовательно, в значительной мере детерминируют их выбор и характер фиксации определенными лексемами: в силу психофизиологического устройства человека порождаемые им континуальные смысловые структуры репрезентируются в дискретных знаках. Поэтому речевое действие как функциональная актуализация *предикативного признака* производится на базе дискретных знаков и их системных отношений. Этим определяются на втором этапе *различия в способах обработки* гетерогенных элементов

поликодовых текстов, ведь уровень владения операциями с подобными элементами у каждого индивида свой. Но это не меняет стабилизирующей роли структурной аналогии – она остается направляющей понимание текста.

На третьем этапе обработки поликодового текста, семантическом, все концепты, представленные в изобразительном и вербальном «кодах», интегрируются на основе структурной аналогии репрезентируемых смыслов, выявленной на первом этапе, что приводит к порождению доминантного смысла текста. При этом вербальный компонент текста вновь закономерно «допускает несколько конкурирующих интерпретаций». Поскольку лексическая сеть активизируется раньше, чем семантическая, количество активируемых концептов возрастает оттого, что каждый узел лексической сети связан с несколькими концептами семантической сети» [Сонин, 2005, с. 17].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в статье теоретически обоснована гипотеза о структурной аналогии смыслов как факторе, стабилизирующем процесс понимания (текста), который является принципиально эмерджентным. Эта аналогия детерминирует как операциональную сторону понимания, так и характер речевых действий в тексте, встречаемом порождением индивидом. Такая гипотеза, опираясь на существующие теоретические обобщения и экспериментальные данные, требует, однако, дополнительной верификации, в том числе и экспериментальной, проверяющей, в частности, характер влияния выделенных факторов на «степень» эмерджентности. Но это – задача последующего изучения эмерджентности (поликодовых) текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987.
2. Дубров А. П. Симметрия биоритмов и реактивности: Проблемы индивидуальных различий, функциональная биосимметрия. М.: Медицина, 1987.
3. Жуков Н. И. Проблема сознания: философские и специально-научные аспекты. Минск: Университетское, 1987.
4. Кобозев Н. И. Исследование в области термодинамики процессов информации и мышления. М.: Издательство Московского университета, 1971.

5. Манеев А. К. Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-пресс, 1993. С. 354–356.
6. Maturana H. R. Biology of Language: the Epistemology of Reality // Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg / G. A. Miller, E. Lenneberg (Eds.). New York: Academic Press, 1978. P. 27–63.
7. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 1999.
8. Альбеков Н. Н. Эмерджентность в инвариантно-вариативной структуре текста. Грозный: Чеченский государственный университет, 2013.
9. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М.: Наука, 1994.
10. Дрейманис А. П. Нейросинергетика и процесс творческого мышления // Научно-техническое творчество. Проблемы эврилогии. Рига: Институт философии и права, 1987. С. 152–154.
11. Герман И. А. Лингвосинергетика. Барнаул: Издательство Алтайской академии экономики и права, 2000.
12. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики / В. А. Пищальникова и др. М.: Р. Валент, 2019.
13. Степыкин Н. И. Исследование изменений языковой способности на основе данных вербального ассоциативного эксперимента // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2023. № 13 (1). С. 70–79.
14. Яо Чжипэн. Ассоциативное поле слова как инструмент анализа его значения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 13 (807). 2018. С. 308–314.
15. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М.: Институт языкознания РАН, 2005.
16. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

REFERENCES

1. Yakobson, R. (1987). Raboty po poehtike = Works on poetics. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Dubrov, A. P. (1987). Simmetriya bioritmov i reaktivnosti: Problemy individual'nykh razlichij, funkcional'naya biosimmetriya = Symmetry of biorhythms and reactivity: Problems of individual differences, functional biosymmetry. Moscow: Medicina. (In Russ.)
3. Zhukov, N. I. (1987). Problema soznaniya: filosofskie i special'no-nauchnye aspekty = The problem of consciousness: philosophical and special scientific aspects. Minsk: Universitetskoe. (In Russ.)
4. Kobozev, N. I. (1971). Issledovanie v oblasti termodinamiki processov informacii i myshleniya = Research in the field of thermodynamics of information and thinking processes. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
5. Maneev, A. K. (1993). Gipoteza biopolevoj formacii kak substrata zhizni i psikhiki cheloveka = The hypothesis of the biofield formation as a substrate of human life and psyche. In Russian cosmism: An Anthology of philosophical Thought (pp. 354–356). Moscow: Pedagogika-press. (In Russ.)
6. Maturana, H. R. (1978). Biology of Language: the Epistemology of Reality. In Miller, G. A., Lenneberg, E. (Eds.), Psychology and Biology of Language and Thought (pp. 27–63): Essays in Honor of Eric Lenneberg. New York: Academic Press.
7. German, I. A., Pishchalnikova, V. A. (1999). Vvedenie v lingvosinergetiku = Introduction to linguosynergetics. Barnaul: Altai University Press. (In Russ.)
8. Al'bekov, N. N. (2013). Ehmerdzhentnost' v invariantno-variativnoj strukture teksta = Emergence in the invariant-variable structure of the text. Groznyj: Chechen State University. (In Russ.)
9. Knyazeva, E. N., Kurdyumov, S. P. (1994). Zakony ehvolucii i samoorganizacii slozhnykh system = The laws of evolution and self-organization of complex systems. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Drejmanis, A. P. (1987). Nejrosinergetika i process tvorcheskogo myshleniya = Neurosynergetics and the process of creative thinking. Scientific and technical creativity. Problems of eurylogy (pp. 152–154). Riga: Institute of Philosophy and Law. (In Russ.)
11. German, I. A. (2000). Lingvosinergetika = Linguosynergetics. Barnaul: Publishing House of the Altai Academy of Economics and Law. (In Russ.)
12. Pishchalnikova, V. A. et al. (2019). Associativnyj ehksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki = Associative experiment: theoretical and applied perspectives of psycholinguistics. Moscow: R. Valent. (In Russ.)
13. Stepykin, N. I. (2023). Study of Changes in Language Ability Based on Data from a Word Association Test. Proceedings of the Southwestern State University. Linguistics and Pedagogy, 13(1), 70–79. (In Russ.)

14. Zhipeng, Ya. (2018). Associative field of the word as a tool in analysing its value. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(807), 308–314. (In Russ.)
15. Sonin, A. G. (2005). Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyj aspekt = Understanding polycode texts: the cognitive aspect. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
16. Sonin, A. G. (2006). Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov = Modeling the mechanisms of understanding polycode texts: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пищальникова Вера Анатольевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры общего и сравнительного языкознания
заведующий лабораторией психолингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pishchalnikova Vera Anatolyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of General and Comparative Linguistics
Head of the Laboratory of Psycholinguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	11.01.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	01.02.2024	
принята к публикации	16.02.2024	

Научная статья
УДК 81-114.2

Конструирование пространственных отношений в научно-популярном документальном кинодискурсе

Н. А. Овагимян

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
n.ovagimian@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены методика и результаты анализа особенностей конструирования пространственных отношений в речевой модальности научно-популярных документальных фильмов на английском языке. Семантический и концептуальный анализ лексического состава начальных фрагментов научно-популярных фильмов позволил выявить состав и вариативность образ-схем, конструирующих пространственные отношения, которые в свою очередь описывают различные типы событий в научно-популярном документальном кинодискурсе.

Ключевые слова: образ-схема, пространство, научно-популярный кинодискурс, событие, речевая модальность, документальный фильм

Для цитирования: Овагимян Н. А. Конструирование пространственных отношений в научно-популярном документальном кинодискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 79–85.

Original article

Relational Space Construal in the Cinematic Discourse of Science Documentaries

Nare A. Ovagimian

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
n.ovagimian@yandex.ru

Abstract. The paper presents the methodology and results of the study exploring spatial construal in the speech modality of science documentaries in English. The analysis of the semantic components and the conceptual structure of words in excerpts from popular science films has revealed the inventory and variance of image schemata which mediate relational space construal of different events in the cinematic discourse of science documentaries.

Keywords: image schema, space, popular science cinematic discourse, event, speech modality, documentary film

For citation: Ovagimian, N. A. (2024). Relational Space Construal in the Cinematic Discourse of Science Documentaries. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 79–85.

INTRODUCTION

Space is naturally related to the visual modality in cinematic discourse and the construal of spatial relations is primarily explored in moving pictures [Coëgnarts, Kravanja, 2012a; Campbell, 2016]. Meanwhile, the importance of speech modality in spatial construal cannot be underestimated, especially in informative discourses, for instance, in popular science documentaries where the most relevant – scientific – information is conveyed via speech, although accompanied by visual images on the screen. Additionally, it is noticeable that the cinematic discourse of this type manifests a highly narrative nature [Campbell, 2016; Norris et al., 2005]; consequently, we expect that the construal of spatial relations serves the needs of stimulating narration, for example, providing for event sequencing and dynamicity.

To explore the construal of spatial relations as instantiated in the speech modality of popular science documentaries and referring to different types of events (for instance, environmental events or interpersonal interaction events), in this paper we employ the method of image schemata [Johnson, 1987], which has proved effective when applied to the studies of space [Клюсе, 2023; Coëgnarts, Kravanja, 2012b]. To identify the image schema(ta) in a given lexical unit (or their combinations), we use the two-step procedure of lexical semantic and conceptual analysis [Беляевская, 2008; Бондарчук, 2016] and apply it to the initial excerpts from two popular science documentaries in English.

The research hypotheses are: 1) relational space construal displayed in image schemata manifests high variance providing mostly for discourse event sequencing and dynamicity rather than event organising; 2) the distribution of relational space image schemata is mediated by different event types. The study is structured as follows. First, we address the research framework on the discourse nature of popular science films and their event structure and the method of image schemata applied in this study to explore discourse event structure. Next, we introduce the research data and procedure. Following this, we present the results of the study and discuss them with reference to the event structure of popular science film discourse.

RESEARCH FRAMEWORK

The studies of popular science texts focus on the twofold nature of this type of discourse: it is essential that the presented information should be thoroughly and consistently explained, while a very effective way to facilitate understanding is to resort to

narrative form [Campbell, 2016; Norris et al., 2005]. In popular science it is the “narrative of nature” that is in focus rather than the “narrative of science,” which is attributed to science proper [Myers, 1990, p. 141–192]. Consequently, in popular science documentaries attention is drawn not so much to the different theories and ideas related to a subject, but rather to the subject itself although still presented through the lens of how scientists acquired this knowledge. This quest for ever more accurate understanding of the world around us is made evident in setting the epistemological goal of popular science films – to show “a union of man and technology in search of a “truth” about the historical world” (Moran, cited in [Campbell, 2016, p. 30])). This interactive nature at the base of popular science accounts for three types of events: 1) *environmental events* (Event type 1) concern relations and interaction between objects in the world; 2) *human-environment interaction events* (Event type 2) refer to interaction between man as a cogniser and the environment as a cognised entity; 3) *interpersonal interaction events* (Event type 3) are connected with communicative events occurring between people. Therefore, we expect that these three event types will display specificity in relational space construal, which can be determined via image schemata analysis.

Among the image schemata which are related to space, Clausner and Croft distinguish the following: UP-DOWN, FRONT-BACK, LEFT-RIGHT, NEAR-FAR, CENTRE-PERIPHERY, CONTACT [Clausner, Croft, 1999]. Evans adds to this list the schemata STRAIGHT and VERTICALITY [Evans, 2007]. Following Hurtienne and Blessing, we include in this group the schemata SOURCE-PATH-GOAL and SCALE [Hurtienne, Blessing, 2007], which leads us to the following image schemata inventory: UP-DOWN, FRONT-BACK, LEFT-RIGHT, NEAR-FAR, CENTRE-PERIPHERY, CONTACT, STRAIGHT, SOURCE-PATH-GOAL, and SCALE. As can be seen, these image schemata are based on oppositions which are established every time an instance of an image schema occurs in a word or word combination [Cienki, 1997; Lakoff, Johnson, 1980]. These oppositions allow for interpreting the space schemata listed above as relational, as opposed to, for example, the image schema OBJECT, which naturally would evoke a certain spatial extension of anything construed as an object but not focus on the object's changing position in space or its relative position to other objects.

Identifying an image schema is a two-step analysis suggested in [Беляевская, 2008; Бондарчук, 2016] where the first stage involves the study of the semantic components of a lexical unit as derived from the analysis of its etymology as well as

its dictionary definitions. Based on the results of the first stage, we then identify the conceptual structure of a given lexical unit with reference to its contextual meaning, with the primary focus on semantic components referring to spatial relations or orientation in space.

RESEARCH DATA AND PROCEDURE

The analysed material comprises 169 clauses taken from the initial episodes in two films: “Tails You Win: The Science of Chance” (2012) and “Pop! The Science of Bubbles” (2013). These excerpts may be thought of as abstracts introducing the viewer to the topic of the film and outlining the main questions that will be covered in the remainder of the film. As the first step, the speech is divided into clauses (their total number was 169) and in each clause the event type (environmental events, human-environment interaction events, interpersonal interaction events) is identified. The next step involves splitting the clauses into single lexical units and each word undergoing the two-step semantic and conceptual analysis [Беляевская, 2008; Бондарчук, 2016]. There may be more than one instance of a space schema in a clause, nevertheless, for the quantitative analysis, any given image schema will be annotated only once per clause. To proceed, we employ the inventory of relational spatial image schemata UP-DOWN, FRONT-BACK, LEFT-RIGHT, NEAR-FAR, CENTRE-PERIPHERY, CONTACT, STRAIGHT, SOURCE-PATH-GOAL, and SCALE [Clausner, Croft, 1999; Hurtienne, Blessing, 2007; Evans, 2007]. Some of the most common language markers of relational space image schemata elicited at the first stage are: adverbs *up, down, away, down*; prepositions *to, towards, at, from*; adjectives and nouns referring to degree and extent, e.g. *great, height*, etc. Finally, descriptive and analytical statistical analyses are used to explore the image schemata distribution modulated by three event types.

Below, we demonstrate the research procedure.

The clause “Out at sea breaking waves generate huge plumes of bubbles...” (*Pop! The Science of Bubbles, 2013*) comprises ten words. In this clause several words impart a relational space schema:

The adverb **out** is used to speak “of motion or position beyond certain limits” [The Oxford dictionary of English etymology, 1966, p. 636]. It comes from Old English (henceforth referred to as OE) *ūt*, ultimately from Indo-European (henceforth referred to as IE) **ud* ‘up, out, away’ [Klein, 1971, p. 523]. Among the main meanings of the adverb, the Cambridge Dictionary¹ states its use “to show movement away

from the inside of a place or container”, while the Oxford Advanced Learner’s Dictionary² (henceforth referred to as OALD) gives almost an identical definition except the fact that instead of the word ‘container’ it uses the word ‘thing’. More relevant for us in this particular context is another definition of *out* as “a long or a particular distance away from a place or from land” [ibid.] with the Cambridge Dictionary giving a similar definition. The identified space image schemata are CENTRE-PERIPHERY, NEAR-FAR, SOURCE-PATH-GOAL, UP-DOWN.

The preposition **at** is derived from OE *æt*, further related to Latin *ad* meaning ‘to, at, toward’ [The Oxford dictionary of English etymology, 1966]. The first meaning provided in OALD³ is as follows: “used to say where something / somebody is or where something happens”, while the first dictionary entry for the preposition in the Cambridge Dictionary⁴ focuses not on its use to introduce an element of event structure, but on the meaning of “... an exact position or particular place”. Both dictionaries suggest the meaning of directionality for *at* (“in the direction of or towards somebody / something”⁵, “in the direction of”⁶). The analysis allows us to identify the following space image schemata for this word: SOURCE-PATH-GOAL, NEAR-FAR.

To analyse the present participle **breaking**, we look at the origin and dictionary definitions of the verb *break*. This verb comes from OE *breccan*, from Common Germanic **brekan*, from IE base **bhreg-*, **bhrǵ-* [The Oxford dictionary of English etymology, 1966, p. 115]. Both OALD⁷ and the Cambridge Dictionary⁸ in their definitions focus on the meaning of severing into parts, as in: “to (cause something to) separate suddenly or violently into two or more pieces, or to (cause something to) stop working by being damaged” [ibid.], including the meaning of forceful action in OALD. Another important meaning is that of destroying or ending something, or coming to an end [ibid.]. When an object is broken, its parts are separated from each other (NEAR-FAR, CENTRE-PERIPHERY) and the resultant state is seen as the end of a path (SOURCE-PATH-GOAL).

The noun **wave** is etymologically related to OE *wagian* and Middle English *wawe* meaning ‘sway to

¹URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/out>

²URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/out_1?q=out

³URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/at?q=at>

⁴URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/at>

⁵URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/at?q=at>

⁶URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/at>

⁷URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/break_1?q=break

⁸URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/break>

and fro' [The Oxford dictionary of English etymology, 1966, p. 994–995]. The dictionary definitions from the Cambridge Dictionary¹ and OALD² are almost identical, suggesting the following: “a raised line of water that moves across the surface of the sea, ocean, etc.” From this analysis two space image schemata can be distinguished for this noun, namely SOURCE-PATH-GOAL and UP-DOWN.

The verb *generate* is derived from Latin *generātus* ‘to beget, bring forth, produce, generate’, from *genus* ‘birth, descent, race’ [Klein, 1971, p. 307]. The dictionary definitions emphasise the causative meaning, as in “to produce or create something”³ and “to cause something to exist”⁴; in addition, both dictionaries provide the meaning of producing energy. The etymology and dictionary definitions of the verb help us identify the following space schemata: SOURCE-PATH-GOAL, FRONT-BACK, and CENTRE-PERIPHERY.

The adjective *huge* takes its roots in Middle English *huge*, *hoge*, shortened from Old French *ahuge*, *akoge*, *ahoeye* ‘high’, of unknown origin [The Oxford dictionary of English etymology, 1966, p. 451; Klein, 1971, p. 355]. The Cambridge Dictionary and OALD both provide the following definition: “extremely large in size or amount”⁵, although OALD adds “great in degree” [ibid.]. The distinguished image schemata referring to space are SCALE and UP-DOWN.

The Oxford Dictionary of English Etymology gives the following meanings of the preposition *of*: “expressing removal, separation, derivation, origin, source, spring of action, point of departure in time, cause, agent, instrument, material” [The Oxford dictionary of English etymology, 1966, p. 624]. The preposition comes from OE *of*, from Common Germanic adverb and preposition **ab(a)* deriving from IE **ap*, **apo* meaning ‘away from, down from’ [ibid.]. In Modern English the first meaning attributed to this preposition is that of possession, belonging, or origin⁶. Another meaning based on space relations is the following: “used to show the position of something/somebody in space or time” [ibid.]; “used in expressions showing position.”⁷ The space image schemata evoked here are SOURCE-PATH-GOAL, CENTRE-PERIPHERY, NEAR-FAR.

The noun *bubble* is a borrowing from Middle Dutch *bobble*. The Cambridge Dictionary defines

bubble as “a ball of gas that appears in a liquid, or a ball formed of air surrounded by liquid that floats in the air”⁸, while OALD adds to this: “...a ball of air inside a solid substance such as glass.”⁹ The basic space image schema for this noun is CENTRE-PERIPHERY.

As can be seen, out of ten words in the example clause eight express relational space schemata, most commonly SOURCE-PATH-GOAL (6 instances), CENTRE-PERIPHERY (5 instances), NEAR-FAR (4 instances). The remaining two words *sea* and *plume* may be thought of as instantiations of space in the form of objects (image schema OBJECT) but are not considered within relational space construal.

All the clauses in the excerpts were annotated following the described procedure. We finally obtained the data on the distribution of image schemata and identified the distributions in three sets referring to the three event types. Below, we present the distribution results.

RESULTS AND DISCUSSION

Figure 1 shows the distribution of each space image schema in the analysed clauses.

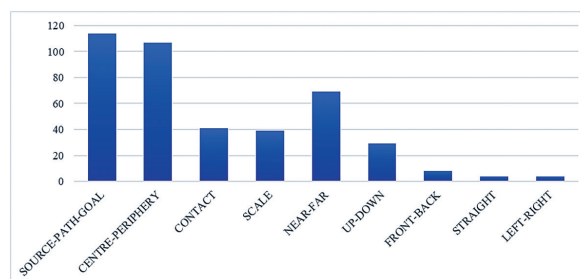

Fig. 1. Space image schemata in speech in popular science films

According to the diagram, the most common image schemata used in the two excerpts from popular science films are SOURCE-PATH-GOAL and CENTRE-PERIPHERY. Incidentally, a Paired samples t-test shows that these two schemata, as well as UP-DOWN, did not reveal significant differences in terms of differentiating between the three types of events. The results can be accounted for by the fact that these schemata are central to the way we interact with the world around us and perceive events, which complies with the idea of presenting scientific information in an effective way to facilitate understanding in a popular science film. The SOURCE-PATH-GOAL schema is essential to

¹URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/wave>

²URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/wave_1?q=wave

³URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/generate?q=generate>

⁴URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/generate>

⁵URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/huge> ; <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/huge?q=huge>

⁶URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/of> ; <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/of?q=of>

⁷URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/of>

⁸URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/bubble>

⁹URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/bubble_1?q=bubble

the nature of interacting between objects in space, whereas the relations of CENTRE-PERIPHERY are connected to our conceptual positioning here and now and viewing the events as happening outside. On the other side of the scale are the image schemata STRAIGHT and LEFT-RIGHT both of which are used only in four clauses out of 169. This could be explained by their less obvious relevance for this type of discourse, as whether something is to our left or right is not likely to drastically change our perception, while with STRAIGHT it is usually its opposite – not-STRAIGHT – which is more natural in the world.

The results of a Paired samples t-test reveal that there are significant differences between the types of events in two image schemata – SCALE (Student's t-test (2) = 7.07, $p=.033$) and NEAR-FAR (Student's t-test (2) = 5.27, $p=.034$), while CONTACT (Student's t-test (2) = 3.90, $p=.060$), FRONT-BACK (Student's t-test (2) = 3.86, $p=.061$), STRAIGHT (Student's t-test (2) = 3.60, $p=.069$), and LEFT-RIGHT (Student's t-test (2) = 3.64, $p=.068$) demonstrate a certain tendency towards significantly differentiating between the event types. Consequently, our first hypothesis, claiming that relational space construal provides mostly for discourse event sequencing and dynamicity rather than event organising, has not been validated but specified. The image schemata distribution distinctions clearly manifest that spatial construal largely reflects the way we interact with the world around us and perceive events.

Figure 2 displays the event schemata distribution mediated by event type.

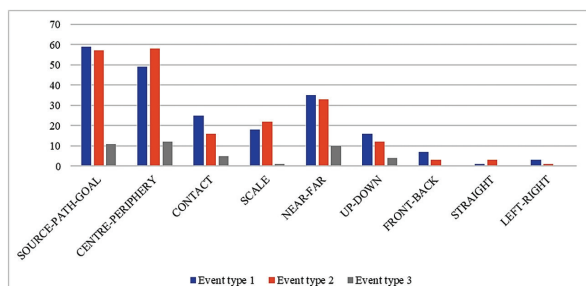

Fig. 2. Space image schemata distribution in three types of events

As can be seen, in 6 cases out of 9 it is Event type 1 which is construed with the help of space image schemata (SOURCE-PATH-GOAL, CONTACT, NEAR-FAR, UP-DOWN, FRONT-BACK, LEFT-RIGHT). Since events of the first type refer to events in the physical world as we see it, it seems only natural that they should be construed in terms of spatial relations. Whereas for Event type 2, referring to interactions between man and the environment, it is

CENTRE-PERIPHERY, SOURCE-PATH-GOAL, SCALE, and STRAIGHT that are more common. This could be explained by the fact that the CENTRE-PERIPHERY schema evokes the 'me-first' orientation [Lakoff, Johnson, 1980; Johnson, 1987] which is used to ground the perceiver/cogniser in the centre and the world around him on the periphery. At the same time, SCALE and STRAIGHT are used to describe the degree or extent of something and the path of least resistance respectively, these meanings being important for the evaluation of the events of scientific endeavour. Below we will illustrate the finding with examples manifesting the determined distributions.

In the clause "...we **try to have things ready**" (*Tails You Win: The Science of Chance, 2012*) we deal with Event type 2 which is construed with the SOURCE-PATH-GOAL (conveyed by the infinitival particle *to* and the adjective *ready*) and CENTRE-PERIPHERY (instantiated in the words *try* and *things*) schemata. An event of the same type is expressed in "... we're **only just beginning to appreciate the potential of bubble science**" (*Pop! The Science of Bubbles, 2013*) where the following space schemata can be identified: SOURCE-PATH-GOAL (in *begin, to, potential, of*), CENTRE-PERIPHERY (in *just, of, bubble*), SCALE (in *only, just, appreciate*), NEAR-FAR (in *of*), UP-DOWN (in *appreciate*). The clause "... **another disaster could hit at any moment**" (*Tails You Win: The Science of Chance, 2012*) conveys Event type 1 which is construed via the image schemata SOURCE-PATH-GOAL (in *hit, at, moment, could*), CENTRE-PERIPHERY (in *another, disaster, could*), CONTACT (in *hit*), SCALE (in *moment*), and NEAR-FAR (in *at*).

Events of the third type (interaction between people) are much less commonly construed with the use of space image schemata, which can be substantiated by Event type 3 significantly contrasting Event type 1 (Student's t-test (8) = 3.60, $p=.007$) and Event type 2 (Student's t-test (8) = 3.06, $p=.016$). The results show that the second hypothesis, claiming that the distribution of relational space image schemata is mediated by different event types, has been verified.

Overall, the quantitative results demonstrate the efficiency of the image schemata analysis in differentiating between the three event types, clearly illustrating, in particular, the central role of a cogniser in his / her opposition to the world and in evaluation of the events happening in it. The extensive reference to the tangible domain of space through image schemata is in accordance with the basic goal of popular science – to communicate scientific information in an effective way so that the wider audience may understand and appreciate the results of scientific inquiry.

FINAL REMARKS

The analysis of relational space construal in the speech modality of popular science documentaries with the use of image schemata showed that in conveying the interactive character of events, space image schemata essentially display the way we interact with the world around us and perceive events (since the image schemata SOURCE-PATH-GOAL and CENTRE-PERIPHERY prevail), which together with schemata of other groups, e.g. FORCE, MOTION, BALANCE, etc., provide conceptual ground for building complex meanings typically conveyed in scientific discourse. Relational space schemata are especially basic in popular science films since they are indispensable when describing the types of events involving interaction between objects in the world (environmental events), between man and the environment (human-environment interaction events), and between people as participants in

communicative activities (interpersonal interaction events). Their significance in popular science films can be accounted for by the fact that spatial orientation is ubiquitous in our daily lives and the use of space image schemata is justifiable as a means to elucidate some of the most fundamental scientific observations. Since one of the main aims of popular science is to facilitate the comprehension of complex scientific information by lay audiences, film producers resort to the expository narrative type of discourse via the construal of relations between scientific objects and people interacting with these objects in space. As the next step in the study of space construal in popular science documentaries we shall analyse the way spatial relations are expressed in the visual modality. The results could enable us to establish the particularities of the two modalities in terms of their contribution to space construal, as well as their interaction in the discourse of a documentary film.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Coëgnarts M., Kravanja P. From thought to modality: A theoretical framework for analysing structural-conceptual metaphors and image metaphors in film // *Image & Narrative*. 2012a. 13(1). P. 96–113.
2. Campbell V. *Science, entertainment and television documentary*. London: Springer, 2016.
3. Norris S. P. et al. A theoretical framework for narrative explanation in science // *Science education*. 2005. Т. 89. №. 4. P. 535–563.
4. Johnson M. *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
5. Киосе М. И. Теории образ-схем как инструмент полимодальных исследований // *Германистика-2022: nove et nova* : Материалы V Международной научной конференции, Москва, 07–09 декабря 2022 года / Редколлегия: А. А. Клиновская [и др.]. М.: МГЛУ, 2023. С. 136–140.
6. Coëgnarts M., Kravanja P. The visual and multimodal representation of time in film, or: How time is metaphorically shaped in space // *Image and narrative online magazine of the visual narrative*. 2012b. Т. 13. №. 3. P. 85–100.
7. Беляевская Е. Г. Компонентный анализ vs концептуальный анализ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2008. Вып. 554. С. 140–146.
8. Бондарчук Г. Г. Особенности формирования и функционирования предметных имен в английском языке // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2016. Вып. 13(752). С. 18–25.
9. Myers G. *Writing biology: Texts in the social construction of scientific knowledge*. Madison: University of Wisconsin Press, 1990.
10. Clausner T. C., Croft W. Domains and image schemas // *Cognitive Linguistics*. 1999. 10 (1). P. 1–31.
11. Evans V. *Glossary of cognitive linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.
12. Hurtienne J., Blessing, L. Design for Intuitive Use-Testing image schema theory for user interface design // *DS 42: Proceedings of ICED 2007, the 16th International Conference on Engineering Design (Paris, France, 28–31 July, 2007)*. 2007. P. 829–830.
13. Cienki A. Some properties and groupings of image schemas // *Lexical and syntactical constructions and the construction of meaning*. Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1997. P. 3–15.
14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago, 1980.
15. *The Oxford dictionary of English etymology* / C. T. Onions et al. (Eds.). Oxford: Clarendon Press, 1966.
16. Klein E. *A comprehensive etymological dictionary of the English language: Dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture*. Amsterdam–London–New York: Elsevier, 1971.

REFERENCES

1. Coëgnarts, M., Kravanja, P. (2012a). From thought to modality: A theoretical framework for analysing structural-conceptual metaphors and image metaphors in film. *Image & Narrative*, 13(1), 96–113.

- Campbell, V. (2016). Science, entertainment and television documentary. London: Springer.
- Norris, S. P., Guilbert, S. M., Smith, M. L., Hakimelahi, S., Phillips, L. M. (2005). A theoretical framework for narrative explanation in science. *Science education*, 89(4), 535–563.
- Johnson, M. (1987). *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kiose, M. I. (2023). Image Schemas as an Instrument of Multimodal Research. In *Germanistika-2022: nove et nova* (pp. 136–140). (In Russ.)
- Coëgnaerts, M., Kravanja, P. (2012b). The visual and multimodal representation of time in film, or: How time is metaphorically shaped in space. *Image and narrative online magazine of the visual narrative*, 13(3), 85–100.
- Belyaevskaya, E. G. (2008). Komponentnyi analiz vs kontseptual'nyi analiz = Componential vs conceptual analysis. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 554, 140–146. (In Russ.)
- Bondarchuk, G. G. (2016). Peculiarities in the formation and functioning of English object names. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. The Humanities*, 13(752), 18–25. (In Russ.)
- Myers, G. (1990). *Writing biology: Texts in the social construction of scientific knowledge*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Clausner, T. C. & Croft, W. (1999). Domains and image schemas. *Cognitive Linguistics*, 10(1), 1–31.
- Evans, V. (2007). *Glossary of cognitive linguistics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Hurtienne, J., Blessing, L. (2007). Design for Intuitive Use-Testing image schema theory for user interface design. *DS 42: Proceedings of ICED 2007, the 16th International Conference on Engineering Design* (pp. 829–830). Paris, France, 28–31 July, 2007.
- Cienki, A. (1997). Some properties and groupings of image schemas. *Lexical and syntactical constructions and the construction of meaning* (pp. 3–15). Amsterdam–Philadelphia: John Benjamins Publishing.
- Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago.
- Onions, C. T., Friedrichsen, G. W. S., Burchfield, R. W. (Eds.). (1966). *The Oxford dictionary of English etymology* (vol. 178). Oxford: Clarendon Press.
- Klein, E. (1971). *A comprehensive etymological dictionary of the English language: dealing with the origin of words and their sense development thus illustrating the history of civilization and culture*. Amsterdam, New York: Elsevier Pub. Co.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овагимян Наре Армени

старший преподаватель кафедры английского языка
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ovagimian Nare Armeni

Senior Lecturer, Department of English
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.12.2023
20.01.2024
17.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

О вербальной, пара- и экстравербальной коммуникации (восприятие американского и британского вариантов английского языка носителями русского языка). Часть 2

Р. К. Потапова¹, В. В. Потапов²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия, RKpotapova@yandex.ru

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, Volikpotapov@gmail.com

Аннотация. В данной статье авторы продолжают представлять результаты проведенной ими серии экспериментов по субъективному декодированию на основе перцептивно-слухового и перцептивно-зрительного видов анализа на материале разноязычной коммуникации. Как показывают результаты проведенных экспериментов, базовые знания накапливаются и реализуются в зрительных и слуховых образах, которые дополняют друг друга. Речевая паравербалика поэтапно становится сначала дополнительным, а затем и базовым источником информации о коммуникантах и коммуникативной ситуации. Полученные результаты подтверждают также наличие оценочной констатации перцептивных признаков (например, мимики, жестикуляции, окулесики), соотносящихся с укоренившимися межкультурными особенностями поведения и межличностной коммуникации.

Ключевые слова: слуховое восприятие, зрительное восприятие, субъективная оценка, перцептивный образ, межличностная и межкультурная коммуникация, речевое поведение, американская, английская и русская лингвокультуры

Для цитирования: Потапова Р. К., Потапов В. В. О вербальной, пара- и экстравербальной коммуникации (восприятие американского и британского вариантов английского языка носителями русского языка). Часть 2 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 86–94.

Original article

On Verbal, Para- and Extraverbal Communication (perception of American English and British English by Russian subjects). Part 2

Rodmonga K. Potapova¹, Vsevolod V. Potapov²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, RKpotapova@yandex.ru

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Volikpotapov@gmail.com

Abstract. According to the results of a series of experiments on subjective decoding based on perceptual-auditory and perceptual-visual types of analysis of multilingual communication, basic knowledge is accumulated and implemented in visual and auditory images that complement each other. The paraverbal communication is an additional source, which, in the process of perceiving a foreign language speech, becomes the basic source of information about communicants and about the communicative situation. The results obtained confirm the presence of an evaluative statement of perceptual features correlated with ingrained intercultural characteristics.

Keywords: auditory perception, visual perception, subjective assessment, perceptual image, interpersonal and intercultural communication, speech behavior, American, British and Russian linguocultures

For citation: Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2024). On verbal, para- and extraverbal communication (perception of American English and British English by Russian subjects). Part 2. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 86–94.

INTRODUCTION

Nonverbal components of communication not only contribute to the transfer of the meaning of the message, but also help to determine the degree of emotional experience of the speaker, report the state of their inner world, intentions and expectations, the degree of decisiveness, or, conversely, its absence. Through the use of nonverbal means, information is transmitted about the social status of the interlocutors, their relationship, for example, such parameters as dominance – submission, favor – dislike, sympathy – antipathy, etc. By nonverbal means of communication, one can also determine the attitude of the participants to the communication situation itself: whether they are interested in it, whether they feel comfortable in it, etc.¹ People use various modalities (verbal and nonverbal means) in the process of verbal communication in order to express their thoughts, feelings, emotions more fully, more accurately and more clearly. This is common to all cultures, although different sign systems are given different meanings in various cultures. Therefore, in order to communicate with representatives of other cultures, it is necessary to know and understand both verbal and nonverbal forms of communication inherent in this culture.

As shown by our earlier studies (see the works² of Rodmonga K. Potapova and Vsevolod V. Potapov)

¹See, e.g.: Andersen P. *Nonverbal communication: forms and functions*. Waveland Press, 2007; Bull P. E. *Posture and Gesture*. Oxford: Pergamon Press, 1987; Burgoon J. K., Guerrero L. K., Floyd K. *Nonverbal communication*. Boston: Allyn & Bacon, 2011; Ekman P. *Emotions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life*. New York: Owl Books, 2003; Guerrero L. K., Floyd K. *Nonverbal communication in close relationships*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2006; Haviland W. A., Prins H. E. L., Walrath D., McBride B. *Cultural anthropology: The human challenge*. Wadsworth Publishing, 2007; Knapp M. L., Hall J. A. *Nonverbal communication in human interaction*. Wadsworth: Thomas Learning, 2007; Крейдлин Г. Е. *Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык*. М.: Новое литературное обозрение, 2004; Крысько В. Г. *Этнопсихология и межнациональные отношения*. М.: Экзамен, 2002; Pease A., Pease B. *The Definitive Book of Body Language*. New York: Bantam Books, 2006; Remland M. S. *Nonverbal communication in everyday life*. Bacon: Boston: Allyn, 2009; Ottenheimer H. J. *The anthropology of language: an introduction to linguistic anthropology*. Thomson Wadsworth, 2007; Segerstrale U., Molnar P. (eds.). *Nonverbal communication: where nature meets culture*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1997; Zysk W. *Körpersprache – Eine neue Sicht*. Doctoral Dissertation. University Duisburg-Essen, 2004, etc.

²See, e.g.: Potapova R. K., Potapov V. V. *Kommunikative Sprechfähigkeit. Russland und Deutschland im Vergleich*. Köln, [etc.]: Böhlau Verlag, 2011; Potapova R., Potapov V. *Auditory and visual recognition of emotions behaviour of foreign language subjects (by native and non-native speakers)* // Zelezny M., Habernal I., Ronzhin A. (eds.) *SPECOM 2013*. LNAI. Heidelberg: Springer. Vol. 8113. P. 62–69; Potapova R., Potapov V. *Cognitive entropy in the perceptual-auditory evaluation of emotional modal states of foreign language communication partner* // Karpov

devoted to the perception of emotional states in the process of mono- and polyethnic communication, a characteristic feature of the perceptual assessment of emotions is cognitive entropy, that is, we can speak not about the absolute, but about the relative degree of congruence of the data obtained, which was confirmed in the course of this study.

In the process of communication, nonverbal means are interconnected with verbal ones and can be in different proportions with them. For example, there are six main types of their interaction³:

(1) repetition, when nonverbal communication duplicates verbal or reinforces a verbal message. For example, asking to speak more quietly with your index finger to your lips, or a verbal indication of direction with a hand;

(2) contradiction, when nonverbal communication contradicts verbal communication. Nonverbal behavior is spontaneous and unconscious, it is not controlled by consciousness and, therefore, may conflict with the transmitted verbal message. For example, when a person says that he is very glad to see someone, but at the same time he says it coldly and dryly, then his interlocutor subconsciously trusts more these nonverbal signals transmitted through his voice;

(3) substitution, when nonverbal behavior replaces verbal behavior (especially if it is blocked by noise, interruption, etc.), for example, if a person puts his finger to the lips to demand silence or bow instead of saying yes. A simple example of this is when a child, instead of saying “I want this toy”, simply points at it;

(4) addition, when nonverbal communication somehow modifies, complements the verbal one. At the same time, nonverbal communication components make speech more expressive and clarify it, for example, smiling when meeting a friend, when we say that we are happy to see him, complements our speech message, or a bow that reinforces a positive message;

(5) accentuation, in this case nonverbal communication accentuates, emphasizes some parts of the verbal message, for example, a raised index

A., Potapova R., Mporas I. (eds.) *SPECOM 2017*. LNAI. Cham: Springer. Vol. 10458. P. 253–261; Потاپова Р. К., Потاپов В. В., Комалова Л. Р. *Восприятие мультимодальной моно- и полиэтнической коммуникации*. М.: ИНИОН РАН, 2020; Потاپова Р. К., Потاپов В. В., Лебедева Н. Н., Агibalова Т. В. *Поликодовая среда Интернета и проблемы валеологии*. М.: ЯСК, 2020; Potapova R., Potapov V., Lebedeva N., Karimova E., Bobrov N. *The influence of multimodal polycode Internet content on human brain activity* // Karpov A., Potapova R. (eds.) *SPECOM 2020*. LNAI. Cham: Springer. Vol. 12335. P. 412–423.

³Потاپова Р. К. *Коннотативная паралингвистика*. М.: Триада, 1997; Потاپова Р. К. *Речь: коммуникация, информация, кибернетика*. М.: Либроком, 2010.

finger indicates the information that you need to pay special attention to what will be said next;

(6) regulation, when nonverbal behavior is used in order to regulate the communicative flow between interacting individuals. By the nod of the head, the tilt of the torso, intonation, the adoption of a certain posture, we can understand that it is our turn to enter the conversation.

Mimic signals perform various functions in social interaction, and have a large informational content. They are largely responsible for expressing and managing the emotional content of the communication situation [Ellgring, 1986; Pease A., Pease B., 2004].

FEATURES OF PERCEPTION WITH THE PARTICIPATION OF THE AUDITORY AND VISUAL CHANNELS

Perception is the result of polymodal activity, which initially has an expanded character and only then becomes collapsed, in which the image of perception arises on the basis of one modality, and other types of modality only help a more complete display. As is known, the visual analyzer is characterized by the greatest capacity of perception, persistence and durability of the image, which can provide reliable support for the perception and reproduction of speech [Ксенчук, Киянова, 1993; Дерябо, Ясвин, 2004].

Many researchers have proven that the degree of auditory perception increases significantly if the face of the speaking partner is clearly visible in the communication. To explain the visual perception of speech, it is not enough to know the physiological rules of the eye behavior in the process of perception. The organ of vision does not work in isolation, but it works in a complex dynamic system that includes our practice, our thinking and all previous experience [Потапова, Потапов, 2006].

Visual perception is a set of processes for constructing a visual image of the surrounding world. The appeal to the study (analysis and interpretation) of visual documents is not only explained by the increasing number and importance of images. The availability of technical means of photographing and video filming, the possibility of their daily use by most people create a situation of accumulation of visual material that captures ordinary life [Захарова, 2008].

Perception of a video fragment presupposes the viewer's activity associated with his attempts to understand its meaning. According to R. A. Smith [Smith, 1973], the main task of interpretation is to reveal the content of the image. The author also emphasizes that interpretation is often the most important moment in the interaction of the viewer with a fragment.

Where there are differing opinions as to what is being analyzed, the objectives and procedures for interpretation may differ significantly. All this assumes different ideas about a person and the world around him. Conservative approach, however, argues that differences between different points of view do not prevent finding the truth, since some points of view are more correct and others are less, and that it is always possible to determine which way of interpretation allows the most deep and comprehensive analysis of a fragment. However, this does not at all solve the problem of finding the truth, since the methods of interpretation are connected with their own idea of what it means to understand the fragment most deeply and comprehensively [Armstrong, 1986].

Auditory perception is the next stage of communication: the listener perceives the sound signal transmitted to him by the speaker and interprets it in a certain way. Thus, in the process of perception, information is decoded – it is converted from a physical (acoustic) form to a symbolic (mental) one. The activity of the recipient in the communication process is aimed at understanding the speech message [Кодзасов, Кривнова, 2001].

In order to convey the semantic adequacy of a speech utterance, the identification of connotative (additional) meanings, transmitted not only exclusively verbal (lexico-grammatical), but also paraverbal (phonation-kinetic, intonation, timbre) means that carry a certain significative load, takes on a primary role.

According to our concept, the nonverbal component in relation to the paraverbal at the suprasegmental level is formed by the following modifications of the speech signal [Потапова, Потапов, 2008]: change in the frequency of the main tone (at the perception level – pitch); change of the intensity level (at the perception level – loudness); change in the speed of realization of the articulation of sounds, sound combinations, syllables (at the perception level – tempo); breaks in phonation and articulation (at the perception level – pause); spectrum (at the perception level – timbre); rhythm (at the perception level – the selection of individual sections of the speech chain).

The difficulty lies in the fact that connotative meanings, in contrast to denotative ones, are usually expressed implicitly, which may be associated with the presence of formal indicators in vocabulary and grammar (in particular, syntax), as well as with the use of paraverbal means in their combination as applied to acoustic and optical communication channels¹.

Particularly difficult is the problem of interaction “person – person” in the presence of such factors

¹Потапова Р. К. Коннотативная паралингвистика. М.: Триада, 1997.

as native – non-native languages of communication, belonging to the other ethnic culture, since with the acquisition of a non-native language, a person transfers the nonverbal components of communication of the other ethnic group into his behavior and communication and reproduces them naturally and without hesitation [Потапова, Потапов, 2008].

Some features of identification are known, according to which the quality of identification almost doubles if a person knows the language and, accordingly, body language (gestures), eye and facial expressions in which identification is realized. This idea suggests that the recipient can identify the speaker with a greater degree of probability if he understands the language in which the speech of the identified speaker is realized.

At present, not only audio, but also video recordings are increasingly used in applied research. When analyzing video and audio recordings, especially if an audio recording is accompanied by noise, the video channel provides additional information. In the presence of intense acoustic noise of an audio recording, visual information may be the only information, with the help of which it is more efficient to obtain data about the communicant [Потапова, Потапов, 2006].

Sound images are perceived with a greater emotional reaction than visual ones, however, the amount of information received per unit of time based on sound images is significantly less. Basic knowledge is accumulated and presented in iconic visual images, and is formed and displayed in speech sound images [Галяшина, 2003].

V. P. Morozov was of the opinion that the following features are inherent in nonverbal communication [Морозов, 1998]: polysensory nature, i.e. implementation with the participation of different senses (sight, hearing, smell, touch, etc.); independence from language barriers; independence from the semantics of speech utterance; significant spontaneity of expressive means and subconsciousness; features of acoustic coding tools; features of psychophysiological mechanisms of perception (decoding).

EXPERIMENTAL INVESTIGATION¹, METHODS, RESULTS

Experiment 2. Subjective description of foreign language communicants' emotionality by Russian-speaking subjects (based on British English and American English)

The material for the study was selected from two pictures produced in the USA and Great Britain: the American TV series "Oz" (USA, 1997) and the British

"This is England" (UK, 2006). These pictures belong to the genre of crime drama and are popular in their genre.

Oz is the abbreviated name of a high security prison where especially dangerous criminals are kept, located on Oswald Street. The prison includes an experimental unit called "The Emerald City" among the board and prisoners. All the prisoners of the "emerald city" are divided among into groups: Afro-Americans, Muslims, Christians, Sicilians, Irishmen, Latin Americans, gays, bikers, etc.; there are also those who are not part of any of the groups and live on their own, or adjoins one or another group from time to time. The intrigue of the film is based on the relationship between the groups waging wars for the territory where drugs are sold and power in the unit, as well as on the interpersonal relationships between individual characters: both prisoners and prison employees.

This Is England is a picture by Shane Meadows known to the British audience for Dead Man's Shoes and A Room for Romeo Brass. The plot of the film takes place in an English town in July 1983 and tells about English skinheads and the life of teenagers. The film is a sequel to the TV series.

These pictures are specific, filled with a variety of emotional dialogues and dialogical scenes. The study analyzed dialogues between men of the same age group, performed by actors in American English and British English. The study involving perceptual-auditory and perceptual-visual types of analysis provided the following results for assessing the staged emotional states of the communicants.

Assessing the emotionality of male bearers of American linguoculture

Shame – shyness

The dialogue takes place at an average distance, quite short, thus bringing discomfort to one of its participants, which can be seen in his behavior: he lowers his eyes or looks away, avoiding direct contact in every possible way; blinks frequently. His breathing is irregular, intermittent. He sighs and swallows hard. His pauses are long; this indicates that the person is carefully considering what has been said, trying to avoid the continuation of the disturbing conversation for as long as possible.

Fear – anxiety

The dialogue takes place at a short distance, which subsequently brings discomfort to one of its participants – as a reaction to the threat of the interlocutor.

¹ E. A. Tsalieva took part in the experiments.

The man changes his position; tries to move away and suddenly jumps up from his seat in panic and screams; a grimace of horror can be seen on his tense face. His pupils are dilated; his eyebrows and eyelids are raised; his eyes are shifty. His lower jaw is dropped; his lips are shaking feverishly; his lower teeth are visible. Pauses are of medium duration. As a result, when this person runs away, it is clear that the body does not obey him well: he keeps tripping over his feet and makes chaotic movements with his hands.

Anger – disgust – contempt

The distance during the dialogue is shortened – first, the angry interlocutor tries to calm down, holds his hand on his forehead, sighs, and then he is seized by another attack of rage as he quickly passes by his interlocutor. It can be seen that he feels a searing anger: he furrows his brow; his eyes are bloodshot red; his pupils are dilated; a predator-looking grin appears; his lips tremble, his lower and upper teeth can be seen. The man speaks loudly, screams periodically, uses expletives and swear words. His pauses are sometimes short, sometimes of medium duration. The body does not obey him – in a fit of anger, the interlocutor waves his hand threateningly, wags his index finger at the opponent. His head turns in different directions, sometimes his trembling chin protrudes forward.

Interest – excitement

The dialogue takes place at a short distance; the communicants sit at the table opposite each other. The man asks the interlocutor for something very important to himself (a favor). It can be seen that he is very excited and eagerly awaits an answer. The muscles of his face are tense; his eyebrows are furrowed, then raised, then lowered; his eyes are wide open; he searches the interlocutor's face carefully studying him. Delivering his request, he articulates words intonationally, opens his mouth wide, his lower and upper teeth can be seen. His pauses are short. He gesticulates actively, waving a paper roll; leans forward, moving his body towards his interlocutor.

Joy

The distance changes during the dialogue. When meeting, one of the interlocutors moves to meet the other, sharply changing the position of his body – from a seated position. The communicants hug, tapping each other on the shoulder, which indicates

that this meeting is joyful and long-awaited. The faces of both men bear beaming smiles, their lower and upper teeth can be seen, which is very characteristic of the American smile. Characteristic crow's feet appear around their eyes; their eyes blink frequently; their eyebrows rise and fall. They cast searching glances at each other. There is joy in their voices. Pauses are of average duration in order to give the interlocutor an opportunity to speak out, but the desire to continue asking questions is very strong; their lips either close or open.

Surprise

The distance between the communicants changes during the dialogue. One of the interlocutors approaches the other. There is a surprise effect. It can be seen that one of the communicators is not ready for the meeting. He rolls his eyes, pulls a long face, and his head turns from side to side. His mouth is open, his lower jaw is dropped. His eyes are wide open, frequent blinking is noticeable, his gaze quickly moves over the interlocutor's face. His eyebrows rise and lower. Pauses are of medium duration.

Grief – Suffering – Depression – Sadness

The dialogue takes place at a short distance; the communicants approach each other, greet and hug each other. It can be seen that they have a difficult conversation ahead, both are tense. The expressions on their faces show that the topic of the conversation is changing. The tension rises. The gaze of one of the interlocutors is directed downward, his upper eyelids are lowered; and then he devours his interlocutor with his eyes. His mouth is periodically open; the corners of his mouth are turned down, the cheeks are raised. Tension develops between the communicants. Tears well up in their eyes. Their voices become quieter, turning to a whisper.

Assessing the emotionality of male bearers of British linguoculture

Interest – excitement

The dialogue takes place at a short distance, the communicants stand side by side. One of the interlocutors asks a question; it is clear that he is very agitated and is looking forward to an answer. The muscles of his face are tense, his eyebrows are furrowed, then raised, then lowered; his eyes are wide open, he searches the interlocutor's face carefully studying him. Asking a question, he moves to the interlocutor, articulating words intonationally, but switches to a

whisper, opens his mouth wide, his lower and upper teeth can be seen. His pauses are short. He leans forward moving his body towards his interlocutor. Both communicants periodically rub their own fingers – from excitement.

Joy

The distance is short. Communicants sit in adjacent seats on a bus. Four people take part in the conversation, but a separate dialogue can be distinguished. One of the interlocutors thanks another one. The communicants hug each other, tapping each other on the shoulder, which indicates that both are in high spirits. Their faces bear beaming smiles; their lower and upper teeth can be seen. Characteristic crow's feet appear around their eyes; their eyes blink frequently and the eyebrows rise and lower. Their gazes quickly moves over the interlocutor's face. There is joy in their voices. The pauses are of medium duration and short; the interlocutors are overwhelmed with feelings; the desire to continue asking questions is very strong, their lips either close or open. Due to their location in space, communicants often turn to each other during the conversation.

Surprise

The distance between the communicants during the dialogue is short; the communicants sit side by side. One of the interlocutors leans towards the other. He moves his body forward, slightly bending over. They exchange a couple of phrases. One of them asks a question. It can be seen that the other is puzzled and does not know how to answer. He rolls his eyes, pulls a long face; his head turns from side to side. His mouth is open, his lower jaw is dropped. His eyes are wide open, frequent blinking is noticeable; they bend their eyes on the object that interested both interlocutors. The eyebrows rise and lower and are often raised questioningly. Pauses are of medium duration.

Grief – Suffering – Depression – Sadness

The dialogue takes place at a short distance; one of the communicants is approaching the other, then moving away. His body is not responding very well: he periodically throws up his arms, moves back and forth. It can be seen that there is a serious conversation between the interlocutors, or rather a dispute, as both are tense. The expressions on their faces show that the topic of conversation is not pleasant. The tension rises. The gaze of one of the interlocutors is directed downward, his upper eyelids are lowered, and then he devours interlocutor with his

eyes. His mouth is periodically open, the corners of the mouth are turned down, and the cheeks are raised; tension is formed between them. He speaks with tears in his eyes. His voice becomes quieter, then louder: he sobs violently.

Anger – disgust – contempt

The distance during the dialogue becomes shorter: first, the angry interlocutor hovers, periodically moving the body forward, then he is seized by another attack of rage – he waves his hand, quickly approaches the interlocutor and strikes. It can be seen that he is seized with rage – his face is frowned, his eyes are bloodshot red, his pupils are dilated, a predator-looking grin appears, his lips tremble, his lower and upper teeth can be seen. The man speaks loudly, screams periodically, uses expletives and swear words. Pauses are short or medium in duration. His body is not responding very well – in a fit, the interlocutor waves his hand threateningly, spreading his palm. His head turns in different directions, sometimes a trembling chin protrudes forward.

Fear – anxiety

The dialogue takes place at a short distance, which subsequently brings discomfort to one of its participants – as a reaction to the threat of the interlocutor. The man changes his position, moves away, tries to switch the subject of the conversation, backs off slightly. His pupils are dilated, his eyebrows and eyelids are raised, his eyes are shifty. His lower jaw is dropped, his lips are shaking feverishly, and his lower teeth can be seen. Pauses are of medium duration. His body is not responding very well – the man backs off, sways from side to side, his movements are uncertain.

Shame – shyness

The dialogue takes place at a sufficiently large distance between the communicants, but nevertheless, it brings discomfort to one of its participants, which can be seen in his behavior – he lowers his eyes, looks away, avoiding direct contact in every possible way. His look is unhappy; he blinks frequently and wrinkles his forehead periodically. He touches his own hands nervously. His breathing is irregular, intermittent. He sighs and swallows hard; turns away. He tries to argue. His pauses are long – this indicates that the man is carefully considering what has been said, trying to avoid the continuation of the disturbing conversation for as long as possible.

CONCLUSIONS

The experiment revealed the similarities and differences in the use of personal space, distance, smiling, pausation, physical contact during emotionally colored dialogues. The analysis revealed how complex and diverse the world of human nonverbal behavior is, how great is its significance is. The analysis of the multimodal material showed the impossibility of identify the emotional state of the communicants in isolation: as a rule, one emotional-modal state was replaced by another. The rate of change of one emotional state and nonverbal signals that illustrate it is sometimes extremely high.

Experiment No. 3. Perceptual-visual analysis of English speech behavior by representatives of Russian linguoculture

Subjects: 20 people, aged 19 to 26, who have no eye-sight problems; bearers of Russian linguoculture, who speak English at an intermediate level.

Material: the subjects were asked to analyze 20 video fragments – a visual image with no available soundtracks. The participants in the communication in the format of the material presented to the subjects on the screen were native speakers of the American English and British English language and representatives of the respective ethnic groups.

Task: relying only on a visual image, the subjects had to determine the following: the number of communication participants; the issue-related specifics of communication participants; the general emotional mood of communication; the means of nonverbal behavior with which it can be described; the ethnicity of the communication participants – and justify their decision.

The results obtained (according to the assessments of the subjects) are shown in table 3.

CONCLUSIONS

The nonverbal behavior of the actors, which was accompanied by emotionality and was clearly read (for example, if an actor gesticulated wildly, made sharp head movements, had vivid facial expressions), the subjects more often attributed the features under consideration to the Americans. The subjects relied on the following parameters: appearance, movement activity, freedom of movement, active gesturing, relaxedness, openness, ease of behavior, free behavior, emotionality, persistence (see also about this [Леонтович, 2005]).

The behavior of the communicants, notable for a small number of body movements, weak facial expressions and subtle gesturing, was characterized by the subjects as a sign of British linguoculture. The simpler and plainer the nonverbal behavior of the

Table 3.

DETERMINATION OF THE ETHNICITY OF THE COMMUNICATION PARTICIPANTS (IN%)

No. of the video fragment	Linguoculture	Percentage of correct answers	Justification
1	British	90	Restraint, politeness, aristocracy
2	British	70	Tenderness, politeness, ease of movement
3	British	10	Eye movement, sincerity, poise
4	British	10	Gesturing, sincerity
5	British	90	Gesturing, showing care
6	American	80	Appearance, activity of movements
7	American	90	Freedom of movement, active gesturing, relaxedness
8	American	90	Free behavior, active gesturing
9	American	10	Activity of movements, persistence
10	American	70	Activity of movements
11	British	80	Restraint, politeness, aristocracy, calmness, gentleness, simplicity of movements, sincerity, subtle gesturing, eye movement, poise, showing care, gallantry
12	British	65	
13	British	80	
14	British	65	
15	British	60	Appearance, active movements, freedom of movement, active gesturing, relaxedness, openness, emotionality, persistence, ease of behavior, free behavior
16	American	95	
17	American	90	
18	American	90	
19	American	85	
20	American	60	

actors was, the more likely the subjects attributed it to the British.

When attributing British linguoculture, the subjects relied on the following parameters: restraint, politeness, gentleness, care, aristocracy, gallantry, calmness, poise, ease of movement, sincerity, and subtle gesturing.

MAIN CONCLUSION

The results of the study of the peculiarities of perception of multimodal mono- and polyethnic communication suggest that a multicomponent palette of features and parameters functioning within the communicative space makes it possible to detect, recognize, identify and evaluate certain varieties of the verbal, paraverbal, nonverbal and extraverbal plan, which basically allows solving a communicative task implemented in the process of sampling

audio-, video- and textual narratives, which are based on the use of certain gender, age, social, cultural and historical patterns by the communicants.

The study showed that the solution to the dominant problem is not only possible, but also necessary due to the complication of digital methods of transmitting information in the process of communication.

Of particular importance are the problems of proper interpretation of the incoming multimodal mono- and polyethnic information, which determines the proper response to the stimulus and subsequent actions of the communicants.

The results of the study showed that the phenomenon of conventionality in the communicative space affects a relatively correct assessment (with a minimum value of entropy) of incoming information, and, consequently, the results of the communicative process.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ellgring H. Nonverbale Kommunikation. 1986. URL: <https://d-nb.info/1102807664/34>
2. Pease A., Pease B. The Definitive Book of Body Language. New York: Bantam Books, 2004.
3. Ксенчук Е. В., Киянова М. К. Технология успеха. Книга для каждого, кто ставит перед собой цели и стремится к их достижению, взаимодействуя с другими людьми. М.: Дело, 1993.
4. Дерябо С., Ясвин В. Гроссмейстер общения: иллюстрированный самоучитель психологического мастерства. 5-е изд. М.: Смысл, 2004.
5. Потапова Р. К., Потапов В. В. Язык, речь, личность. М.: Языки славянской культуры, 2006.
6. Захарова Н. Ю. Визуальная социология: Фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 1. С. 147–161.
7. Smith R. A. Teaching aesthetic criticism in the schools // Journal of Aesthetic Education. 1973. No. 7. P. 38–49.
8. Armstrong P. B. The multiple existence of a literary work // Journal of Aesthetics and Art Criticism. 1986. No. 44. P. 321–329.
9. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: РГГУ, 2001.
10. Потапова Р. К., Потапов В. В. Восприятие эмоционального поведения иноязычных и инокультурных коммуникантов // Фонетика и нефонетика. К 70-летию С. В. Кодзасова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 602–616.
11. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
12. Морозов В. П. Невербальная коммуникация в системе речевого общения (психофизические и психоакустические основы). М., 1998. URL: http://schoolint24.ru/psy/literature/morozov_v.p-iskusstvo_i_nauka_obshheniya.pdf
13. Леонтович О. А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. М.: Гнозис, 2005.

REFERENCES

1. Ellgring, H. (1986). Nonverbale Communication. <https://d-nb.info/1102807664/34>
2. Pease, A., Pease, B. (2004). The Definitive Book of Body Language. New York: Bantam Books.
3. Ksenchuk, E. V., Kiyanova, M. K. (1993). Tekhnologiya uspekha. Kniga dlya kazhdogo, kto stavit pered soboy tseli i stremitsya k ikh dostizheniyu, vzaimodeystvuya s drugimi lyud'mi = Success technology. A book for everyone who sets goals and strives to achieve them by interacting with other people. Moscow: Delo. (In Russ.)
4. Deryabo, S., Yasvin, V. (2004). Grossmeister obshcheniya: illyustrirovanny samouchitel' psikhologicheskogo masterstva = Grandmaster of Communication: An Illustrated Psychological Tutorial skill. 5th ed. Moscow: Smysl. (In Russ.)

5. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2006). Yazyk, rech', lichnost' = Language, speech, personality. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
6. Zakharova, N. Yu. (2008). Vizual'naya sotsiologiya: Fotografiya kak ob"yekt sotsiologicheskogo analiza = Visual Sociology: Photography as an Object of Sociological Analysis. The Journal of Sociology and Social Anthropology, 1(11), 147–161. (In Russ.)
7. Smith, R. A. (1973). Teaching aesthetic criticism in the schools. Journal of Aesthetic Education, 7, 38–49.
8. Armstrong, P. B. (1986). The multiple existence of a literary work. Journal of Aesthetics and Art Criticism, 44, 321–329.
9. Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). Obshchaya fonetika = General phonetics. Moscow: RGGU. (In Russ.)
10. Potapova, R. K., Potapov, V. V. (2008). Vospriyatiye emotsional'nogo povedeniya inoyazychnykh i inokul'turnykh kommunikantov = Perception of the emotional behavior of foreign-speaking and foreign-cultural communicants. Fonetika i nefonetika. K 70-letiyu S. V. Kodzasova (pp. 602–616). Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
11. Galyashina, E. I. (2003). Osnovy sudebnogo rechevedeniya = Fundamentals of judicial speech science. Moscow: Stensi. (In Russ.)
12. Morozov, V. P. (1998). Neverbal'naya kommunikatsiya v sisteme rechevogo obshcheniya (psikhofizicheskiye i psikhokusticheskiye osnovy) = Nonverbal communication in the system of verbal communication (psychophysical and psychoacoustic foundations). Moscow. http://schoolint24.ru/psy/literature/morozov_v.p-iskusstvo_i_nauka_obshhenija.pdf (In Russ.)
13. Leontovich, O. A. (2005). Russkiye i amerikantsy: paradoksy mezhkul'turnogo obshcheniya = Russians and Americans: paradoxes of intercultural communication. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Потапова Родмонга Кондратьевна

доктор филологических наук, профессор
действительный член Международной академии информатизации
директор Института прикладной и математической лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

Потапов Всеволод Викторович

доктор филологических наук
старший научный сотрудник Учебно-научного компьютерного центра
Филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Potapova Rodmonga Kondratyevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Full Member of the International Informatization Academy
Director of Institute of Applied and Mathematical Linguistics of Moscow State Linguistic University

Potapov Vsevolod Viktorovich

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Senior Researcher of the Centre of New Technologies for Humanities
Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

Статья поступила в редакцию	24.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	22.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	17.02.2024	accepted for publication

Эвфемизация и рассогласование как дискурсивные стратегии комедийного кино

Д. Н. Серозеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
avisliberan@gmail.com

Аннотация: В статье эвфемизация и рассогласование в кинокомедиях изучаются как совместно реализуемые дискурсивные стратегии. Устанавливаются закономерности в выборе стратегий и их проявления на трех дискурсивных уровнях и в трех семиотических модальностях – речи, звуке и динамическом изображении. Анализ показывает, что эвфемизация реализуется в основном в речи на уровнях социокультурной и коммуникативной ситуаций, при этом рассогласование присутствует на всех трех уровнях с преобладающей реализацией в изображении и речи.

Ключевые слова: полимодальность, кинодискурс, эвфемизация, рассогласование, теория концептуальной интеграции, дискурсивный уровень, семиотическая модальность

Для цитирования: Серозеева Д. Н. Эвфемизация и рассогласование как дискурсивные стратегии комедийного кино // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 95–102.

Original article

Euphemisation and Incongruity as the Discourse Strategies in Cinematic Comedies

Diana N. Serozeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
avisliberan@gmail.com

Abstract. In the study, we explore euphemisation and incongruity as two cognitive strategies of discourse construal in cinematic comedies. Their distribution in three discourse levels and three semiotic modalities (speech, sound and dynamic image) indicates that it is mediated by each of the cognitive strategies. The analysis shows euphemisation as prevalent in speech on the levels of Sociocultural situation and Communicative situation, while incongruity is found on all three levels, predominantly in dynamic image and speech.

Keywords: multimodality, cinematic discourse, euphemisation, incongruity, theory of conceptual blending, discourse level, semiotic modality

For citation: Serozeeva, D. N. (2024). Euphemisation and incongruity as the discourse strategies in cinematic comedies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 95–102.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе мы обращаемся к проблеме линейной организации полимодального дискурса, которая обеспечивается не только последовательной сменой дискурсивных стратегий [van Dijk, 1990; Hart, 2015; Reisigl, Wodak, 2017], но и их совместной реализацией. Данную ситуацию можно наблюдать, например, в проявлении стратегий эвфемизации и рассогласования, которые достаточно часто организуют линейную структуру комического кинодискурса. На такие ситуации указывают Е. Креспо-Фернандес, Д. Ассиль и Ч. Хемпельман и С. Аттардо, исследующие полимодальные эвфемизацию и рассогласование как самостоятельные дискурсивные стратегии, но при этом обращающие внимание на то, что особенности их интегративных проявлений определяются когнитивно-дискурсивными и семиотическими характеристиками [Crespo-Fernández, 2018; Asseel, 2020; Hempelmann, Attardo, 2011]. Предположительно, их когнитивно-дискурсивная специфика обнаруживается на уровнях дискурсивной реализации стратегий, а именно, на уровнях общекультурного знания, социокультурной ситуации и коммуникативной ситуации [van Dijk, Kintch, 1983], принадлежность к которым может быть установлена при концептуальном анализе этих ситуаций и событий [Jackendoff, 1990; Киосе, 2023]. В то же время в работах [Burridge, 2012; Asseel, 2020] утверждается, что специфика реализации этих стратегий может обнаруживаться и в «выборе» семиотических модальностей для их оформления – модальности динамического изображения, речевой модальности и звуковой модальности. Таким образом, цель настоящей работы заключается в установлении закономерностей в когнитивно-дискурсивной и семиотической организации полимодальной эвфемизации и полимодального рассогласования как совместно реализуемых стратегий в комическом кинодискурсе.

В качестве гипотез исследования рассматриваются следующие:

1) дискурсивные различия в реализации данных стратегий обнаруживаются в особенностях их проявления на трех уровнях дискурса [van Dijk, Kintch, 1983];

2) семиотические различия в реализации данных стратегий обнаруживаются в выборе семиотических модальностей, которые их оформляют [Burridge, 2012; Asseel, 2020].

Данные гипотезы верифицируются в статье на материале рейтинговых русско- и англоязычных комедий 1960–2020-х годов. Как общая методологическая основа для изучения

когнитивно-дискурсивных и семиотических характеристик данных стратегий используется теория концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner, 2008; Ирисханова, 2014], поскольку она позволяет исследовать организацию дискурса как линейный и в целом когнитивный процесс.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для верификации сформулированных гипотез исследование опирается на положения:

- 1) теорий дискурсивных стратегий и, в частности, их трехуровневой организации;
- 2) когнитивных теорий линейаризации дискурса, и в первую очередь, теории концептуальной интеграции;
- 3) полимодальных теорий кинодискурса.

Представим их подробнее.

В дискурсивных концепциях под стратегиями понимаются интенциональные или институциональные практики, реализация которых приводит к конкретным когнитивным, эмотивным последствиям и/или социальным действиям [Hart, 2015], помогает достичь социальных, политических, психологических и лингвистических целей [Reisigl, Wodak, 2017], может осуществляться на нескольких дискурсивных уровнях [van Dijk, Kintch, 1983]. К числу дискурсивных стратегий относят эвфемизацию [Crespo-Fernández, 2018] и рассогласование [Hempelmann, Attardo, 2011]; их дискурсивные особенности могут подвергаться исследованию с опорой на три уровня дискурса, описывающих 1) общекультурное знание (общие цели дискурса, характерные для него события и действия), 2) социокультурную ситуацию (тип ситуации, категории участников по функциям, ролям), 3) коммуникативную ситуацию (общие цели коммуникативного взаимодействия, глобальные и локальные речевые акты) [van Dijk, Kintch, 1983].

В качестве когнитивных оснований дискурсивных стратегий выступают когнитивные механизмы, которые (в том числе) обеспечивают линейаризацию дискурса [van Dijk, 1990]. Как известно, в качестве такого механизма чаще всего рассматривается концептуальная интеграция [Fauconnier, Turner, 2008], в рамках которой с помощью эвфемизации осуществляется сближение табуированной и «замещающей» областей знания [Порохницкая, 2014], а с помощью рассогласования – формирование контрастов в интегрированном пространстве, что в свою очередь создает комический эффект [Hempelmann, Attardo, 2011]. Оба процесса «запускаются» триггерами, или концептуальными компонентами,

обеспечивающими, соответственно, сближение пространств и формирование контрастов. В качестве таких триггеров выступают различные типы дискурс-структурирующих концептуальных компонентов; вслед за Р. Джекендоффом мы рассматриваем следующие их типы: Вещь / объект, Событие, Состояние, Место, Свойство, Количество / объем [Jackendoff, 1990]. Опора на состав данных концептуальных компонентов при анализе ситуаций и событий позволяет установить, на каком дискурсивном уровне проявляются эвфемизация и рассогласование. Применительно к кинодискурсу уровень общекультурного знания проявляется в выборе типичных событий, мест, свойств и других компонентов, определяющихся установками комедийного кинодискурса, например, его архетипической организацией [Costanzo, 2020]; уровень социокультурной ситуации – в выборе компонентов, представляющих социокультурную информацию о событии (например, социальные роли участников); уровень коммуникативной ситуации – в выборе коммуникативных координат ситуации общения персонажей (например, времени, места, цели коммуникации). Можно предположить, что когнитивно-дискурсивные особенности совместной реализации эвфемизации и рассогласования проявляются в различиях их репрезентации на разных уровнях дискурса.

Исследование полимодальных оснований дискурсивных стратегий в настоящей работе заключается в установлении особенностей проявления триггеров эвфемизации и рассогласования в разных семиотических модальностях. В случае кинодискурса речь идет о модальности динамического изображения, речевой модальности и звуковой модальности, в которых по-разному распределена дискурсивная информация о конструируемых событиях и ситуациях [Зыкова, 2020; Киосе, 2023]. Хотя в работах [BurrIDGE, 2012; Asseel, 2020] указывается, что эвфемизация и рассогласование как стратегии конструирования комического кинодискурса могут реализовываться

в каждой из указанных модальностей, предполагаем, что существуют определенные зависимости между уровнем дискурсивной репрезентации стратегии и выбором семиотической модальности для ее проявления.

Таким образом, в настоящей работе, в которой выявляются особенности совместной реализации эвфемизации и рассогласования, последовательно анализируются 1) уровни их дискурсивной репрезентации с опорой на типы концептуальных компонентов – триггеров, обеспечивающих сближение и контраст ментальных пространств и их компонентов, 2) типы семиотических модальностей, в которых проявляются триггеры.

МАТЕРИАЛ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования стали 16 рейтинговых русско- и англоязычных комедий 1960-х – 2020-х годов общей продолжительностью примерно 32 часа, из которых методом сплошной выборки были отобраны и подвергнуты анализу 50 примеров полимодальной эвфемизации, сопровождающейся рассогласованием, обеспечивающим эффект комического. Процедура анализа включает следующие этапы:

- 1) отбор случаев совместной реализации полимодальной эвфемизации и рассогласования;
- 2) определение когнитивно-дискурсивных и семиотических характеристик эвфемизации и рассогласования;
- 3) установление особенностей распределения этих характеристик в комедийном кинодискурсе.

Для демонстрации процедуры анализа рассмотрим фрагмент комедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (реж. Л. Гайдай, 1965, см. рис. 1).

По сценарию Федя находится на исправительных работах на стройке. Формируется Вводное пространство 1 ВЗРОСЛЫЙ ХУЛИГАН в

Рис. 1.1.
Милиционер: «Руки [пауза] мыли?»

Рис. 1.2.
Федя оглядывается по сторонам

Рис. 1.3.
Федя откупоривает бутылку

Рис. 1.4.
Федя взбалтывает содержимое и пьет

Рис. 1. Эпизоды кинокомедии «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» (реж. Л. Гайдай, 1965)

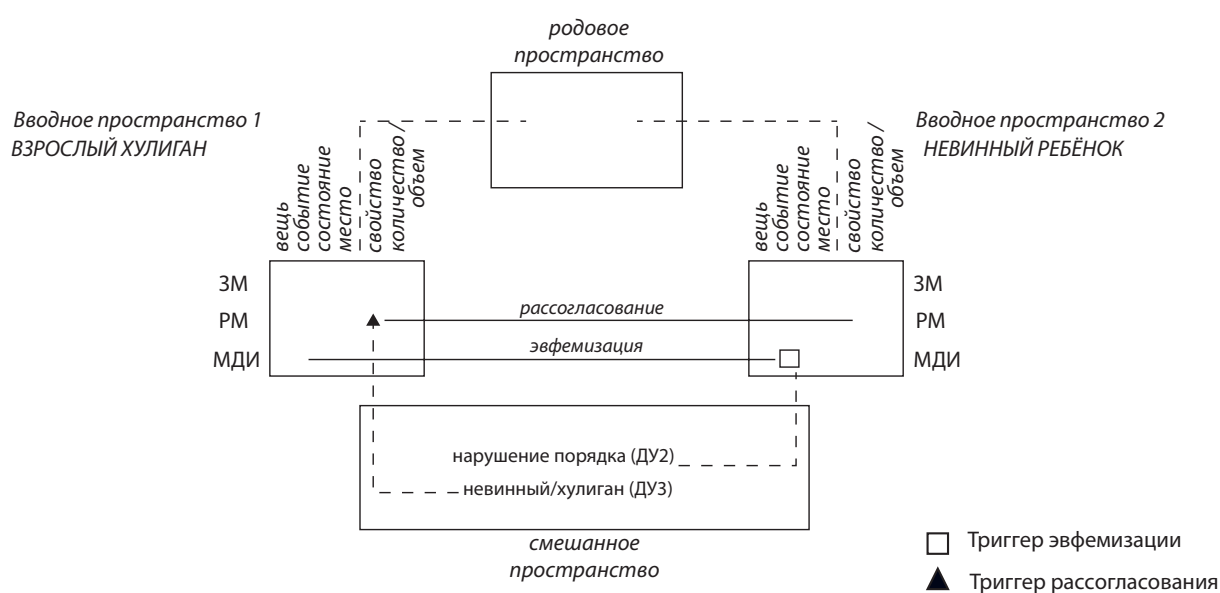

Рис. 2. Концептуальная интеграция ВЗРОСЛЫЙ ХУЛИГАН есть НЕВИННЫЙ РЕБЕНОК

модальности динамического изображения (МДИ) и в звуковой модальности (ЗМ) (звуки откупоривания бутылки, взбалтывания, поглощения жидкости). При этом Федя предстает перед зрителем в роли ребенка, о котором заботится милиционер, выполняющий функцию родителя («Руки... мыли?» – Рис 1.1). Таким образом формируется Вводное пространство 2 НЕВИННЫЙ РЕБЕНОК. Представим на рисунке 2 особенности когнитивно-дискурсивной и семиотической организации двух стратегий.

Триггер эвфемизации (ТЭ) типа «Событие» (Федя притворяется, что моет руки, но на самом деле пьет алкоголь, повернувшись спиной к зрителю) реализован в МДИ и представлен на дискурсивном уровне 2 (ДУ2) «Социокультурная ситуация». Подмена одного события другим угадывается благодаря компонентам МДИ и ЗМ: Федя воровато оглядывается по сторонам (рис 1.2), слышится звук открываемой бутылки (рис. 1.3), зритель видит характерные взбалтывающие движения и запрокинутую голову Феде (рис. 1.4). Рассогласование обнаруживается в ряде концептуальных компонентов: взрослый человек – ребенок (Вещь / объект), милиционер – родитель (Вещь / объект), мытье рук – употребление алкоголя (Событие), дом / квартира – стройка (Место), невинный – преступный (Свойство). Однако приоритетным рассогласованием [Nempelmann, Attardo, 2011] является рассогласование с триггером типа «Свойство» (невинный хулиган) на уровне 3 (ДУ3) «Коммуникативная ситуация»: именно оно наследуется смешанным пространством и «отвечает» за создание комического эффекта.

Сходным образом были подвергнуты анализу все обнаруженные примеры. По итогам проведенной работы определено количество случаев проявления стратегий на разных дискурсивных уровнях и в разных семиотических модальностях; далее описаны выявленные особенности совместной реализации полимодальных эвфемизации и рассогласования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представим количественные результаты анализа в таблице 1.

Таблица 1.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТРИГГЕРОВ ЭВФЕМИЗАЦИИ И РАССОГЛАСОВАНИЯ

	Триггеры эвфемизации				Триггеры рассогласования			
	Всего ТЭ	МДИ	РМ	ЗМ	Всего ТР	МДИ	РМ	ЗМ
Уровень общекультурного знания	0	0	0	0	11	9	2	0
Уровень социокультурной ситуации	15	13	2	1	20	10	5	5
Уровень коммуникативной ситуации	35	5	30	0	19	9	10	0

Результаты показали, что триггеры эвфемизации и рассогласования обнаруживаются на разных дискурсивных уровнях; при этом триггер эвфемизации значительно чаще представлен на уровне коммуникативной ситуации (35 из 50 случаев), а триггер рассогласования – на всех трех уровнях, но чаще на уровнях социокультурной ситуации (20 из 50 случаев) и коммуникативной ситуации (19 из 50 случаев). В качестве примера, иллюстрирующего типичный случай уровневого распределения триггеров, рассмотрим эпизод комедии «Когда Гарри встретил Салли» («When Harry Met Sally...», см. рис. 3).

Рис. 3. Эпизод кинокомедии («When Harry Met Sally...», реж. Роб Райнер, 1989)

Салли и Гарри друзья, но случайно вступили в связь и теперь опасаются, что совершили ошибку. Рано утром Салли звонит своей подруге Мари, а Гарри – своему другу Джесс. Джесс и Мари жены, они крепко спят, когда раздаются телефонные звонки от Гарри и Салли. Кадр разделен на три физических пространства (пространство Гарри, пространство Салли и пространство их женатых друзей), а рассказ о связи строится на чередовании реплик Салли и Гарри. Свою историю персонажи заканчивают одновременно фразой *We did it*, в которой обнаруживается проявление эвфемизации с триггером типа «Событие» в речевой модальности. Согласно словарному определению¹, глагол *do* может заменять любую глагольную группу или отсылать к другой глагольной группе, в том числе указанной в предыдущем предложении. Ввиду того что референт, к которому делается отсылка, в речевой модальности не определен, зритель может восстановить его из события предыдущего кадра и контекстуальной информации из рассказа персонажей. Использование единиц с широкой (неопределенной) семантикой *did it* запускает сближение табуированной области знания СЕКС и замещающей области ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Несмотря на переживания героев, сцена воспринимается как

¹“Do” can be used to stand for any verb group, or to refer back to another verb group, including one that was in a previous sentence. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/do>

комическая. Вместо одного, повествование ведут два диегетических нарратора (повествующее «я» [Шмид, 2008]) из одного временного, но разных физических пространств; формируется рассогласование с триггером по типу «Место». Данное рассогласование характеризует не коммуникативную, а социокультурную ситуацию, представляющую одновременно два социокультурных типа личности в лице одного нарратора. Триггер рассогласования, таким образом, реализуется в модальности динамического изображения на дискурсивном уровне 2 «Уровень социокультурной ситуации».

Из таблицы 1 также следует, что на дискурсивном уровне 2 «Уровень социокультурной ситуации» триггер эвфемизации обнаруживается в основном в модальности динамического изображения (13 из 15 случаев), триггер рассогласования также чаще присутствует в модальности динамического изображения (10 из 20 случаев), но может проявляться и в других модальностях. Это представляется закономерным, так как особенности социокультурной ситуации режиссеру проще продемонстрировать визуально, они создают некоторый фон для конструирования коммуникативной ситуации, попадающей в фокус сцены. Как отмечает В. Шмид, «нарратор как повествующая инстанция остается вне рамок повествуемого мира» [Шмид, 2008, с. 47]; если рассмотреть данную точку зрения в рамках теории дискурсивных уровней Т. ван Дейка [van Dijk, Kintch, 1983], конструирование мира нарратора и повествуемого мира соотносится с конструированием событий социокультурного и коммуникативного уровней дискурса, соответственно. Проведенное исследование показало, что в проявлениях этих уровней (в рассмотренных примерах) модальности динамического изображения и речи играют разную роль: первая модальность демонстрирует социокультурную роль нарратора, вторая – коммуникативную роль участников происходящего коммуникативного события, иначе – «повествуемого мира». Таким образом, результаты подтверждают значимость изучения модальности динамического изображения для установления роли разных типов и характеристик событий и ситуаций в полимодальном дискурсе [Зыкова, 2020; Киосе, 2023], а также позволяют уточнить некоторые особенности семиотической репрезентации событий в разных уровнях дискурса.

Отмечаем также, что на дискурсивном уровне 3 «Уровень коммуникативной ситуации» триггер эвфемизации представлен преимущественно в речевой модальности (30 из 35 случаев), а триггер рассогласования может обнаруживаться как в речевой модальности (10 из 19 случаев), так и в модальности динамического изображения

(9 из 19 случаев). Приведенные показатели свидетельствуют о том, что не только уровень дискурсивного конструирования событий, но и сама дискурсивная стратегия (в нашем случае это эвфемизация и рассогласование) определяет особенности семиотической репрезентации события. Рассмотрим пример, в котором демонстрируются указанные особенности.

В фрагменте из комедии «Мелкие мошенники» («Small Time Crooks», реж. Вуди Аллен, 2000) оба триггера находятся на дискурсивном уровне 3 «Уровень коммуникативной ситуации». В результате незаконного подкупа главный герой недотепа Рэй Уинклер пробивает трубу в подвале купленного для прикрытия помещения. В тот момент, когда он поднимается из подвала за мешками с песком, он видит в магазине полицейского и объясняет ситуацию и свой внешний вид тем, что произошла небольшая протечка: *There's a leak. I'm the plumber. There's a tiny leak.*

Триггер эвфемизации типа «Объем» в речевой модальности (сопровожаемый жестом-иллюстратором в модальности динамического изображения) запускает концептуальную интеграцию ПОТОП есть НЕБОЛЬШАЯ ПРОТЕЧКА. Появление рассогласования и, соответственно, комического эффекта, обусловлено тем, что, если бы протечка была действительно небольшая, персонаж бы не промок с ног до головы. Таким образом, приоритетное рассогласование с триггером типа «Состояние» передается в модальности динамического изображения на уровне дискурса 3 «Уровень коммуникативной ситуации». Стоит отметить, что присутствующее на уровне 1 рассогласование с триггером типа «Свойство» (неловкий / самоуверенный) также усиливает комичность ситуации, хотя и не является приоритетным. Как видно из примера, триггер эвфемизации определяется в речевой модальности, в то время как триггер рассогласования – в модальности изображения, что демонстрирует достаточно типичную ситуацию. Это можно объяснить большей выделенностью, заметностью визуальных компонентов, соответственно, «ускоренным» прагматическим эффектом, производимым именно

Рис. 4.1. Уинклер: «Там немного протекает»

рассогласованием, создающим комический эффект. Данное наблюдение уточняет положения о возможности проявления рассогласования в разных модальностях, высказанные в [BurrIDGE, 2012; Asseel, 2020]; так, предположительно, роль семиотических модальностей в реализации эвфемизации и рассогласования различается как обусловленная необходимостью произвести «ускоренный» прагматический эффект, который транслирует информацию, связанную с рассогласованием.

Результаты исследования показывают, что изучение особенностей совместной реализации дискурсивных механизмов с учетом их когнитивно-дискурсивной и семиотической репрезентации в полимодальном дискурсе кино может способствовать объяснению того, как «соположение двух кадров не просто суммирует их смыслы, а создает некоторый новый смысл, не содержащийся в каждом из них в отдельности» [Лотман, Цивьян, 1994, с. 23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования была подтверждена целесообразность изучения особенностей совместной реализации дискурсивных стратегий для изучения характеристик самого дискурса. Результаты показали, что полимодальная эвфемизация и рассогласование как дискурсивные стратегии имеют сложную когнитивную организацию и проявляются на разных уровнях дискурса через компоненты разных семиотических модальностей. При этом установлена зависимость между дискурсивным уровнем и семиотическим способом репрезентации стратегий, а также в целом между типом стратегии, дискурсивным уровнем и способом их семиотической реализации. Полученные данные, безусловно, являются предварительными (выборка случаев совместной реализации двух стратегий не является обширной), однако они позволили уточнить роль когнитивных, дискурсивных и семиотических проявлений данных стратегий в конструировании кинодискурса комедии.

Рис. 4.2. Затопленный подвал

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Dijk T.A. van. Issues in Functional Discourse Analysis // *Liber Amicorum for Simon Dik* / H. Pinkster (ed.). Dordrecht: Foris, 1990. P. 27–46.
2. Hart Ch. Discourse // *Handbook of Cognitive Linguistics* / E. Dąbrowska, D. Divjak (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. P. 322–345.
3. Reisigl M., Wodak R. The Discourse-Historical Approach (DHA) // *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* / J. Flowerdew, J. E. Richardson (eds.). New York: Routledge, 2017. P. 44–59.
4. Crespo-Fernández E. Euphemism as a discursive strategy in US local and state politics. *Journal of Language and Politics*. 2018. Vol. 17(6). P. 789–811.
5. Asseel D.A. Seeing the unseen: Euphemism in animated films: A multimodal and critical discourse analysis: Ph.D. Thesis. Lancaster: Lancaster University, 2020.
6. Hempelmann Ch. F., Attardo S. Resolutions and their incongruities: Further thoughts on Logical Mechanisms // *Humor*. 2011. Vol. 24, № 2. P. 125–149.
7. Dijk T.A. van, Kintch W. *Strategies of Discourse*. New York: Academic Press, 1983.
8. Jackendoff R. *Semantic Structures*. Cambridge, MA: MIT Press, 1990.
9. Киосе М. И. Иконичность полимодального дискурса как инструмент его анализа: пространство в речи, жесте, взгляде и кадре // *Когнитивные исследования языка*. 2023. Вып. 5 (56). С. 107–116.
10. Burrige K. Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages // *Lexis*. 2012. Vol. 7. P. 65–92.
11. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2008.
12. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования М.: Языки славянской культуры, 2014.
13. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
14. Costanzo W. V. *When the World Laughs: Film Comedy East and West*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2020.
15. Зыкова И. В. Лингвокреативное мышление и поэтика кинодискурса: к теории лингвоэстетического воздействия // *Когнитивные исследования языка*. 2020. Вып. 4 (43). С. 267–300.
16. Шмид В. *Нарратология*. М.: Языки славянской культуры, 2003.
17. Лотман Ю., Цивьян Ю. *Диалог с экраном*. Таллинн: Александра, 1994.

REFERENCES

1. Dijk, T. A. van. (1990). Issues in Functional Discourse Analysis. In Pinkster, H. (ed.), *Liber Amicorum for Simon Dik* (pp. 27–46). Dordrecht: Foris.
2. Hart, Ch. (2015). Discourse. In Dąbrowska, E., Divjak, D. (eds.), *Handbook of Cognitive Linguistics* (pp. 322–345). Berlin: De Gruyter Mouton.
3. Reisigl, M., Wodak, R. (2017). The Discourse-Historical Approach (DHA). In Flowerdew, J., Richardson, J. E. (eds.), *The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies* (pp. 44–59). London: Routledge.
4. Crespo-Fernández, E. (2018). Euphemism as a discursive strategy in US local and state politics. *Journal of Language and Politics*, 17(6), 789–811.
5. Asseel, D. A. (2020). Seeing the unseen: Euphemism in animated films: A multimodal and critical discourse analysis [Ph.D. Thesis]. Lancaster: Lancaster University.
6. Hempelmann, Ch. F., Attardo, S. (2011). Resolutions and their incongruities: Further thoughts on Logical Mechanisms. *Humor*, 24(2), 125–149.
7. Dijk, T. A. van, Kintch, W. (1983). *Strategies of Discourse*. New York: Academic Press.
8. Jackendoff, R. (1990). *Semantic Structures*. MIT Press, Cambridge, MA.
9. Kiose, M. I. (2023). Iconicity of multimodal discourse as an instrument of its analysis: space in speech, gesture, eye movement and film frame. *Cognitive studies of language*, 5(56), 107–116. (In Russ.)
10. Burrige, K. (2012). Euphemism and Language Change: The Sixth and Seventh Ages. *Lexis*, 7, 65–92.
11. Fauconnier, G., Turner, M. (2008). *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books.
12. Iriskhanova, O. K. (2014). Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)

13. Porokhnitskaya, L. V. (2014). Kontseptual'nye osnovaniya ehvfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i ital'yanskogo yazykov) = Conceptual foundations of euphemy in language (a case study of English, German, French, Spanish and Italian languages): abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
14. Costanzo, W. V. (2020). When the World Laughs: Film Comedy East and West. Oxford–New York: Oxford University Press.
15. Zyкова, I. V. (2020). Linguistic-creative thinking and the poetics of cinematic discourse: towards the theory of linguistic-aesthetic impact. *Cognitive studies of language*, 4(43), 267–300. (In Russ.)
16. Shmid, B. (2003). Narratologiya = Narratology. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
17. Lotman, Yu., Tsiv'yan, Yu. (1994). Dialog s ehkranom = Dialogue with the screen. Tallinn: Aleksandra. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серозеева Диана Наилевна

старший преподаватель кафедры английского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serozeeva Diana Nailevna

Senior Lecturer at the Department of English
Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	20.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	29.01.2024	
	17.02.2024	

Соотношение слухового и зрительного восприятия монгольского вокализма

Цэнд-Аюуш Ганбаатар

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
gnasun11@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты предварительного эксперимента, направленного на исследование взаимосвязи между слуховым и зрительным восприятием вокализма в халхаском диалекте современного монгольского языка. Эксперимент включал в себя прослушивание семи долгих и семи кратких гласных, произнесенных носителями монгольского языка (дикторами-мужчинами и дикторами-женщинами). Участники эксперимента-испытуемые фиксировали свои зрительные ассоциации цвета для каждого из произнесенных 28 гласных. Каждый из испытуемых заполнял анкету с указанием цвета, который ассоциируется с произнесенным гласным. Общее количество ответов составило 3584, полученных от 128 участников, включая 10 % взрослых и 90 % учащихся школ № 68 и № 21 в Улан-Баторе, Монголия.

Ключевые слова: монгольский язык, халхаский диалект, восприятие вокализма, звуко-цветовая ассоциация

Для цитирования: Цэнд-Аюуш Ганбаатар. Соотношение слухового и зрительного восприятия монгольского вокализма // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 103–108.

Original article

Relationship between Auditory and Visual Perception in Mongolian Vocalism

Ganbaatar Tsend-Ayush

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
gnasun11@gmail.com

Abstract. The article provides the outcomes of a preliminary experiment focused on investigating the relationship between auditory and visual perception of vocalism in the Khalkha dialect of modern Mongolian. The experiment involved listening to 7 long and 7 short vowels pronounced by native Mongolian speakers (male speakers and female speakers). Subjects recorded their visual color associations for each of the 28 vowels they spoke. Each of the subjects filled out a questionnaire indicating the color associated with the pronounced vowel. The cumulative responses totaled 3584, gathered from 128 participants, comprising 10 % adults and 90 % students from schools No. 68 and No. 21 in Ulaanbaatar, Mongolia.

Keywords: the Mongolian language, Khalkha dialect, perception of vocalism, vowel-color association

For citation: Tsend-Ayush, G. (2024). Relationship between Auditory and Visual Perception in Mongolian Vocalism. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 103–108.

ВВЕДЕНИЕ

Человек воспринимает явления окружающего мира всеми органами чувств. По статистике человек использует органы чувств для познания мира в следующем соотношении: зрение – 83 %, слух – 11 %, обоняние – 3,5 %, осязание – 1,5 %, вкус – 1,0 %. Таким образом, восприятие современного человека осуществляется в большинстве случаев зрением и слухом [Браэм, 2009]. Исследователи полагают, что изучая звуки на основе взаимосвязи этих двух сенсорных потоков, возможно, прояснить процесс овладения языком в человеческом мозге на более детальном уровне [Jakobson, 1962; Wrembel, 2009; Прокофьева, 2007; Miyahara et al., 2012].

Ментальное пространство человека организуется посредством многих важных элементов, одним из которых является цвет [Прокофьева, 2007]. Выражение «цветной слух» (color hearing) впервые появилось в журнале «London Medical Record» в 1881 году, во Франции (audition coloree) предложено в 1882 в году Нанте. В 1890 году уже было принято международным психофизиологическим конгрессом как общее название активно исследуемой в то время устойчивой связи между ощущениями различных чувств [Прокофьева, 2007]. С начала XX века понятие «цветной слух» используется на международном уровне, стали проводиться единые исследования. В настоящее время в рамках концепции цветового слуха проводятся три направления исследований: синестезия, звуко-символизм и кросс-модальная ассоциация цвета и гласных.

СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ПРОИЗНЕСЕННЫМИ ГЛАСНЫМИ И ВОСПРИНИМАЕМЫМ ЦВЕТОМ КАЖДОГО ГЛАСНОГО

Еще Пифагор и Ньютон высказывали гипотезы о существовании физической связи между частотой света и звука, которые отвечают за субмодальность цвета и высоты звука [Lyons, 2001]. Впервые идею о существовании стойкой связи между фонетическими проявлениями языка и цветового восприятия предложил российско-американский лингвист Р. О. Якобсон. Согласно исследованию Якобсона, с синестетической точки зрения гласные звуки «о» и «у» ассоциируются с темными оттенками цвета, гласные «э» и «и» – с яркими цветами, в то время как «а» ассоциируется с красным цветом [Jakobson, 1962]. В своей работе Р. О. Якобсон подчеркивал важность синестетической взаимосвязи между акустическими характеристиками звуков и аспектами цветового восприятия для более глубокого понимания перцептивных аспектов звука

[Wrembel, 2009]. С использованием предложенных Якобсоном методов исследования были проанализированы английский, русский, французский, немецкий, японский, польский и другие языки. В настоящее время устойчивая связь между звуками и цветовыми ассоциациями активно изучается как в контексте родного языка, так и для иностранных языков. Стоит отметить, что в настоящее время исследования цветовой ассоциации практически не проводились для монгольского языка, и, в частности, его халхаского диалекта.

ОСНОВНЫЕ ГЛАСНЫЕ СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В данном исследовании в основном изучается только халхаский диалект, поскольку он представляет собой литературную норму современного монгольского языка. В XIII веке исследователи древнемонгольского языка подробным образом описали фонетические особенности этого языка с акцентом на органы артикуляции. Языковед Сажа бандида Гунгаажалцан впервые разделил гласные звуки монгольского языка на мужские и женские, опираясь на тональные особенности голосовых связок. В дальнейшем фонетика монгольского языка описывается в работах таких исследователей, как Пагва лама, Чойжи-Одсэр, Данзандагва и Агваандадар [Булгантамир, 2016].

В соответствии с различиями в своей структуре гласные звуки в монгольском языке подразделяются на одинарные (монофтонги) и двойные (дифтонги). Помимо этого на фонологическом уровне гласные звуки обладают характеристикой долготы и могут проявляться как долгие или как краткие. Исследованиями системы гласных и согласных в халхаском диалекте современного монгольского языка занимались как западные ученые: Я. Шмидт (1831), Б. Я. Владимирцов (1929), Г. И. Рамstedт (1908), Г. Д. Санжеев (1953), В. Н. Наделеяв (1957), Дж. Стрит (1963), – так и монгольские языковеды: Ш. Лувсанвандан (1967, 1999), Т. Пагва (1959), Э. Вандуй (1961), С. Мөөмөө (1979), Ж. Санжаа, Ж. Надмид (2008), Ж. Цолоо (2008), Ц. Батдорж (2014), С. Булгантамир (2016), Д. Уртнасан (2022).

По мнению большинства исследователей, долгие и краткие гласные современного монгольского халхаского диалекта подразделяются на семь основных кратких гласных ([i], [e], [a], [ɔ], [ʊ], [o], [u]) и семь долгих гласных ([i:], [e:], [a:], [ɔ:], [ʊ:], [o:], [u:]). Однако в последних экспериментальных исследованиях выделяются основные десять кратких гласных звуков ([i], [e], [a], [ɔ], [ʊ], [o], [u], [æ], [œ], [ɣ]) и десять долгих ([i:], [e:], [a:], [ɔ:], [ʊ:], [o:], [u:], [æ:], [œ:], [ɣ:]) [Уртнасан, Батдорж, Батхишиг, 2022].

Языкознание

В предварительном эксперименте данного исследования был разработан материал, включающий семь кратких и семь долгих гласных, представленных в таблице 1.

Таблица 1

ОСНОВНЫЕ ГЛАСНЫЕ СОВРЕМЕННОГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

№	Краткие гласные	IPA	Долгие гласные	IPA
1	и	[i]	ий	[i:]
2	э	[e]	ээ	[e:]
3	а	[a]	аа	[a:]
4	ө	[ø]	өө	[ø:]
5	ү	[u]	үү	[u:]
6	о	[ɔ]	оо	[ɔ:]
7	у	[o]	уу	[o:]

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

На первом этапе данного исследования была предпринята попытка выявить соотношение между цветовыми ассоциациями и 14 гласными: семью краткими и семью долгими. В общей сложности все звуки были произнесены тремя дикторами-мужчинами и тремя дикторами-женщинами, говорящими на халхаском диалекте современного монгольского языка. В дальнейшем в нашей работе эти результаты были использованы для формирования базы данных, включающей 84 аудиозаписи.

Все гласные были произнесены дикторами в лаборатории Экспериментально-исследовательского центра Монгольского государственного университета с использованием профессионального фиксированного динамического микрофона марки Rode и аудиомикшерного пульта марки Yamaha. Запись проводилась при помощи программного обеспечения Adobe Audition на настольном компьютере марки Dell. Микрофон и динамик находились на расстоянии 15 см друг от друга. В таблице 2 представлена информация о дикторах, принимавших участие в исследовании.

Второй этап эксперимента заключался в выявлении цветовых ассоциаций основных гласных звуков халхаского диалекта современного монгольского языка. В нем приняли участие 118 учеников старших и средних классов школы №21 и № 68, расположенных в Улан-Баторе, Монголия, а также десять человек в возрасте от 23 до 60 лет. Всего на втором этапе было использовано 128 носителей современного монгольского языка. Эксперимент был проведен среди школьников в защищенной от посторонних шумов аудитории, характерной для школьного окружения. Для проведения исследования были отобраны 28 аудиозаписей, содержащих звуки, произнесенные дикторами №4 и №5. Участники внимательно прослушивали 28 кратких и долгих звуков, произнесенных диктором-женщиной №4 и диктором-мужчиной №5, после чего осуществляли выбор ассоциируемого цвета из следующего списка: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый, белый, черный, а также другие возможные варианты цвета. После прослушивания каждого звука участники заполняли анкету. Для взрослых эксперимент был проведен в онлайн-формате.

Таблица 2

ИНФОРМАЦИЯ О ДИКТОРАХ

№	Информация	Диктор 1	Диктор 2	Диктор 3	Диктор 4	Диктор 5	Диктор 6
1	Возраст	57	57	33	33	25	23
2	Пол	Мужской	Женский	Мужской	Женский	Мужской	Женский
3	Национальность	Халх	Бурят	Халх	Халх	Халх	Баяд
4	Место рождения	Улан-Батор, 1966	Тув, 1966	Улан-Батор, 1991	Завхан, 1990	Улан-Батор, 1999	Улан-Батор, 2000
5	Срок проживания в Улан-Баторе	35	35	33	16	25	8
6	Иностраный язык	Русский	–	Английский	Китайский и русский	Английский	Русский, английский, персидский
7	Профессия	Водитель	Медсестра	Программист	Историк	Администратор бизнеса	Международные отношения

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТА

Согласно вышеуказанному принципу, было получено общее количество 3584 ответов на краткие и долгие гласные, произнесенные дикторами мужского и женского пола. Гендерное соотношение участников эксперимента составило 55 % женщин и 45 % мужчин. Кроме того 96 % участников родились в Улан-Баторе.

В таблице 3 представлены результаты анализа кратких гласных звуков: [i] ассоциировался с фиолетовым, [e] – с синим, [a] – с красным, [ɔ] – с зеленым, [o] – с красным, [o] – с синим, [u] – с фиолетовым.

Если рассмотреть результаты кратких гласных, прочитанных диктором-женщиной, представленные в таблице 4, то [i] ассоциируется с фиолетовым, [e] – с синим, [a] – с красным, [ɔ] – с зеленым, [o] – с оранжевым и красным, [o] – с синим, [u] – с белым и фиолетовым, синим.

В таблице 5 приведены результаты анализа долгих гласных, произнесенных диктором-мужчиной на современном монгольском халхаском диалекте: [i:] ассоциируется с фиолетовым и оранжевым, [e:] – с синим, [a:] – с красным, [ɔ:] – с зеленым, [o:] – с оранжевым и красным, [o:] – с синим, [u:] – в большей степени ассоциируются с синим и фиолетовым.

В соответствии с таблицей 6, представленной ниже, результаты анализа долгих гласных, произнесенных женщиной-диктором, следующие: [i:] ассоциируется с синим, а [e:] – с синим, [a:] – с красным, [ɔ:] – с зеленым, [o:] – с красным и оранжевым, [o:] – с синим, [u:] – с голубым и синим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с фактом перекрытия доминирующих цветов в каждой части эксперимента позиционирование основных гласных современного монгольского языка схематично представлено цветовой гаммой на рисунке 1.

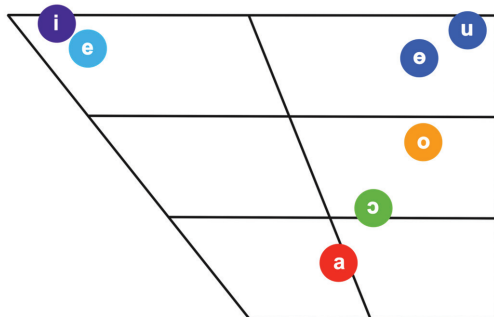

Рис. 1. Гласные в монгольском языке и их цветовая гамма

Таблица 3

РЕЗУЛЬТАТЫ ЦВЕТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ДИКТОР-МУЖЧИНА), В %

	[i]	[e]	[a]	[ɔ]	[o]	[e]	[u]
Красный	11	9	29	6	28	3	7
Оранжевый	7	15	13	5	23	6	12
Желтый	15	9	10	6	6	11	13
Зеленый	7	16	6	43	6	6	7
Голубой	7	21	8	8	13	7	7
Синий	6	7	9	13	6	44	9
Фиолетовый	22	7	2	3	6	10	14
Белый	7	7	9	11	7	6	13
Черный	17	5	14	5	5	6	14
Другие	5	4	-	-	2	3	6

Таблица 4

РЕЗУЛЬТАТЫ ЦВЕТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ КРАТКИХ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ДИКТОР-ЖЕНЩИНА), В %

	[i]	[e]	[a]	[ɔ]	[o]	[e]	[u]
Красный	4	7	21	6	20	3	7
Оранжевый	11	11	17	6	24	5	11
Желтый	12	11	14	7	10	3	6
Зеленый	9	10	14	50	10	7	7
Голубой	13	25	5	9	7	16	11
Синий	13	9	2	8	6	38	13
Фиолетовый	25	10	9	4	12	12	13
Белый	9	12	8	7	6	8	14
Черный	2	5	10	4	3	9	12
Другие	3	2	-	2	3	-	6

Таблица 5

РЕЗУЛЬТАТЫ ЦВЕТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ДИКТОР-МУЖЧИНА), В %

	[i]	[e]	[a]	[ɔ]	[o]	[e]	[u]
Красный	13	10	27	9	18	5	11
Оранжевый	15	13	13	8	23	10	10
Желтый	12	13	13	9	2	9	11
Зеленый	6	11	6	37	10	9	8
Голубой	14	22	6	12	11	7	9
Синий	6	9	7	6	14	34	14
Фиолетовый	17	11	3	8	7	10	14
Белый	5	6	10	8	7	5	10
Черный	13	5	13	3	7	9	10
Другие	1	2	2	2	2	4	5

Таблица 6

РЕЗУЛЬТАТЫ ЦВЕТОВЫХ АССОЦИАЦИЙ ДОЛГИХ ГЛАСНЫХ В СОВРЕМЕННОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ (ДИКТОР-ЖЕНЩИНА), В %

	[i]	[e]	[a]	[ɔ]	[o]	[e]	[u]
Красный	14	8	29	4	20	6	6
Оранжевый	9	12	18	8	18	4	14
Желтый	10	14	12	6	7	8	10
Зеленый	7	9	8	37	12	9	6
Голубой	21	22	8	10	9	12	16
Синий	6	6	3	9	7	29	15
Фиолетовый	15	11	6	8	9	16	12
Белый	13	13	10	12	9	6	12
Черный	3	3	6	6	9	6	7
Другие	2	3	2	2	-	6	3

На основе результатов нашего предварительного эксперимента, включающего участие 128 человек, прежде всего, выявляется относительно стабильная связь между гласными и цветом, в том числе с [а], [ɔ], [ə], [о]. Можно предварительно утверждать, что длительность гласных и пол диктора не оказывают особого влияния на эти ассоциации.

Как и в других языковых экспериментах, в нашем исследовании выделяется та же самая тенденция: [а] ассоциируется с цветом красным. В примере монгольского языка можно зафиксировать следующую закономерность: чем выше звук, тем он темнее в цветовой гамме. Данная закономерность может указывать на обратную зависимость между длиной волны (λ) в электромагнитном спектре и высотой звука (F_1). Однако для

утверждения подобных зависимостей требуется более подробное исследование, включающее анализ специфических частотных данных в контексте акустических и визуальных стимулов в монгольском языке. С другой стороны, для получения более обоснованных выводов целесообразно проводить подобные исследования с опорой на большее число экспериментов, что увеличит возможность сопоставлять полученные данные с целью выявления устойчивых тенденций. На планируемом нами следующем этапе эксперимента возможно обращение к такому параметру, как спектральный показатель цвета и соотношение этого показателя с акустическими параметрами ударных и безударных гласных звуков халхаского диалекта современного монгольского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Браэм Г. Психология цвета. М.: АСТ: Астрель, 2009.
2. Jakobson R. Selected writings: I Phonological Studies. The Hague: Mouton. 1962.
3. Wrembel M. On hearing colours – Cross-modal associations in vowel perception in a non-synaesthetic population. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*. 2009. Vol. 45(4). P. 595–612.
4. Прокофьева Л. П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратовского медицинского ун-та, 2007.
5. Miyahara T., Koda A., Sekiguchi R., Amemiya T. A psychological experiment on the correspondence between colors and voiced vowels in non-synesthetes. *Kansei Engineering International Journal*. 2012. Vol. 11(1). P. 27–34.
6. Lyons A. Synaesthesia – A cognitive model of cross-modal association. *Consciousness, Literature and the Arts*. 2001. Vol. 2 (2). P. 1–10.
7. Булгантамир С. Орчин цагийн монгол, франц хэлний эгшиг авиаг туршилт авиа зүйн аргаар зэрэгцүүлэн судлах нь: Хэл шинжлэлийн ухааны докторын зэрэг горилсон бүтээл. Улаанбаатар, 2016.
8. Уртнасан Д., Батдорж Ц., Батхишиг С. Монгол хэл судлал: в 15 т. Улаанбаатар: МУИС-ийн Монгол судлалын хүрээлэн, 2022. Т. 8.

REFERENCES

1. Braem, G. (2009). *Psikhologiya tsveta = Psychology of color*. Moscow: AST: Astrel. (In Russ.)
2. Jakobson, R. (1962). *Selected writings: I Phonological Studies*. The Hague: Mouton.
3. Wrembel, M. (2009). On hearing colours – Cross-modal associations in vowel perception in a non-synaesthetic population. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics* 45(4), 595–612.
4. Prokofeva, L. P. (2007). *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost': universal'noe, natsional'noe, individual'noe = Sound-color association: universal, national, individual*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo medicinskogo universiteta. (In Russ.)
5. Miyahara, T., Koda, A., Sekiguchi, R., Amemiya, T. (2012). A psychological experiment on the correspondence between colors and voiced vowels in non-synesthetes. *Kansei Engineering International Journal* 11(1), 27–34.
6. Lyons, A. (2001). Synaesthesia – A cognitive model of cross-modal association. *Consciousness, Literature and the Arts*, 2(2), 1–10.
7. Bulgantamir, S. (2016). *Orchin tsagiin mongol, frants khelnii egshig aviag turshilt avia zuin argaar zeregtsuulen sudlakh n': Khel shinzhleliin ukhaany doktoryn zereg gorilson buteel = A Comparative Study of Modern Mongolian and French Vowel Sounds through Experimental Phonetics: A Doctoral Thesis in Linguistics*. Ulaanbaatar.
8. Urtnasan, D., Batdorzh, Ts., Batkhisig, S. (2022). *Mongol khel sudlal: v 5 t. Ulaanbaatar: MUIS-iin Mongol sudlalyn khureelen = Mongolian Language Study (vol. 8)*. Ulaanbaatar: Institute of Mongolian Studies, National University of Mongolia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цэнд-Аюуш Ганбаатар

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ganbaatar Tsend-Ayush

Postgraduate student, Department of Applied and Experimental Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	27.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Научная статья
УДК 81'23

Разграничение понятий «специальная лексика» / “专业词汇” и «термин» / “术语” в русской и китайской лингвистике

Ван Лу

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
W-luluer@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ понятий «специальная лексика» и «термин» в языковедении России и Китая с целью установления их содержания, особенностей функционирования и места в терминосистеме. Актуальность исследования определяется необходимостью взаимной адаптации терминосистем в межкультурном общении и переводе, особенно в переводе официальных текстов, что требует детального сравнения их семантических, функциональных и стилистических особенностей и актуализирует проблему правомерности применения лингвистических терминов «специальная лексика» и «термин» в текстах разных лингвокультур.

Ключевые слова: терминоведение, специальная лексика, термин, сопоставительная лингвистика, лингвокультура

Для цитирования: Ван Лу. Разграничение понятий «специальная лексика» / “专业词汇” и «термин» / “术语” в русской и китайской лингвистике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 109–114.

Original article

Distinguishing the Concepts of "Special Lexicon" / “专业词汇” and "Term" / “术语” in Russian and Chinese Linguistics

Wang Lu

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
W-luluer@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concepts “special lexicon” and “term” in Russian and Chinese linguistics in order to establish their contents, peculiarities of functioning and places in the terminological system. The relevance of the research is determined by the necessity of mutual adaptation of terminological systems in intercultural communication and translation, especially for official texts, which requires a detailed comparison of their semantic, functional and stylistic features and actualizes the problem of the legality of using the linguistic terms “special lexicon” and “term” within the texts of different linguocultures.

Keywords: terminology, special lexicon, term, comparative linguistics, linguoculture

For citation: Wang Lu (2024). Distinguishing the concepts of “special lexicon” / “专业词汇” and “term” / “术语” in Russian and Chinese linguistics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 109–114.

ВВЕДЕНИЕ

В теоретическом и практическом терминоведении особое внимание уделяется осмыслению содержания и разграничению значений научных понятий «специальная лексика» и «термин», которые являются главными интерпретативными понятиями научного направления. В русской лингвистике названные понятия не имеют единого толкования, однако разграничиваются между собой на основе ряда существенных признаков. В Китае терминоведение официально стало самостоятельной дисциплиной лишь в 2009 году (刘青, 2015), и понятия «专业词汇» / *специальная лексика* и «术语» / *термин* употребляются неупорядоченно. Вместе с тем отмечается стремление китайских исследователей к систематизации и совершенствованию китайского терминоведения, поэтому проблема разграничения указанных понятий является весьма актуальной.

В статье представлена попытка выяснить содержание анализируемых научных понятий и их взаимное соответствие / несоответствие в русской и китайской терминологических системах, а также тождественность / нетождественность их употребления в переводах с одного языка на другой. Решение поставленной задачи достигается с использованием общенаучных методов анализа, синтеза, сравнения, приема дефиниционного анализа.

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ КАК ПРОБЛЕМА ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

Российское терминоведение возникает в 30-е гг. XX века как принципиально междисциплинарное направление, базирующееся на философии (С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, Г. Г. Шпет и др.), индустрии (Э. К. Дрезден, А. Ф. Лесохин, Д. С. Лотте и др.) и лингвистике и разрабатывающее принципы создания научных понятий. Но уже в 60-е гг. выработался взгляд на терминологию как специфическую область лексики, что объяснялось сущностными характеристиками языкового знака, едиными для любой знаменательной (обладающей самостоятельным лексическим значением) словарной единицы (Е. С. Аношкин, А. С. Герд, Т. Л. Канделаки, Я. А. Климовицкий, В. М. Лейчик, А. А. Реформатский и многие др.). При этом с момента становления научной области определяющим был вопрос о сущности понятия «термин», вместе с тем в многочисленных работах активно исследовались специфика семантических и деривационных процессов при терминообразовании, особенности функционирования терминов в различных предметных

областях. И, как во всякой становящейся области лингвистического исследования, единства в решении представленных вопросов не наблюдалось.

В ряде лингвистических исследований «специальная лексика» и «терминологическая лексика» употребляются как синонимы. Так, В. П. Даниленко выделяет «специальную, собственно терминологическую лексику современного языка науки как общую совокупность терминов разных циклов наук и отраслей практической деятельности» [Даниленко, 1977, с. 20]. При отождествлении специальной и отраслевой лексики подчеркивается ее функциональный аспект – применение «для обеспечения профессиональной коммуникации между специалистами определенной сферы», одновременно уточняется ее ограничение «совокупностью лексических единиц, кроме общеупотребительных, общенаучных и общетехнических» [Шарафутдинова, 2001, с. 72]. Сходная позиция представлена в «Словаре-справочнике лингвистических терминов»: «Под специальной лексикой понимают совокупность слов и словосочетаний, которые называют предметы и понятия, относящиеся к различным сферам трудовой деятельности человека и не являющиеся общеупотребительными» [Розенталь, Теленкова, 2003, с. 522].

Еще одна точка зрения представлена в работах В. М. Лейчика, который рассматривает понятие «специальная лексика» как функциональную разновидность национального языка, называя ее «лексикой языков для специальных целей», которые «представляют собой средство общения в каждой из специальных сфер» и «противопоставляются такой разновидности данного языка, как разговорно-обиходный язык <...> используемый в неспециальных сферах общественных отношений» [Лейчик, 2009, с. 9]. Специальная лексика, по В. М. Лейчику, включает «...совокупность лексических единиц того или иного естественного языка, обозначающих или выражающих специальные (научные, технические, экономические, общественно-политические и др.) понятия» [Лейчик, 2009, с. 28]. Очевидно, что разные определения специальной лексики в русской лингвистике отличаются указанием на отрасль употребления и противопоставлением «общеупотребительному языку».

А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева при формулировании предмета общей теории терминологии подчеркивают «не любую совокупность специальных слов можно назвать терминологией» и рассматривают терминологию как часть специальной лексики [Суперанская, Подольская, Васильева, 2012, с. 7]. В. М. Лейчик также отмечает принципиальную невозможность и логическую неправомерность объединения разнохарактерных

признаков в одном определении термина, который представляет собой многоаспектный объект [Лейчик, 2009]. По словам В. А. Татарина, в основе определения понятия *термин* большинством лингвистов лежит одна мысль – «под терминами и терминологией понимается вся “специальная терминология”, т. е. лексика, употребляемая в специальных сферах человеческой деятельности, определенными группами людей» [Татарин, 1996, с. 227]. Мы присоединяемся к исследователям, которые считают, что термины составляют ядерную, основную часть специальной лексики. Вместе с тем терминоведы акцентируют определяющие характеристики термина: адекватность интерпретируемому языковому факту, официальность, стремление к однозначности, устойчивость дефиниции, что так или иначе проявляется в определениях термина с 60-х гг. до нашего времени. Так, О. С. Ахманова в свое время определяла термин как «слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 1969, с. 474]; А. В. Калинин считает, что термин «официальный», а профессионализм «полуофициальный» (А. В. Калинин, 1971); А. А. Реформатский подчеркивает то, что «следует опасаться проникновения в терминологию бытовых смыслов слов» ввиду того, что «терминология – это замкнутый словарный контекст» [Реформатский, 1986, с. 164–165]; З. И. Комарова определяет термин как «инвариант (слово или словосочетание), который обозначает специальный предмет или научное понятие, ограниченное дефиницией и местом в определенной терминосистеме» [Комарова, 1991, с. 17] и т. п.

С. В. Гринев-Гриневиц не представляет четких оснований для разграничения специальной лексики и терминов, но из его определения специальной лексики следует, что для исследователя это понятие шире, чем «терминология»: «совокупность лексических единиц (в первую очередь терминов) специальных областей знания, образующая особый пласт лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению» [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 5]. Мы разделяем точку зрения, согласно которой понятия «специальная лексика» и «терминологическая лексика» связаны как целое и часть, не являются содержательно тождественными, а потому не могут употребляться как синонимичные.

В составе специальной лексики российские терминоведы выделяют основную часть – термины, кроме них были выделены и описаны следующие специальные лексические единицы: номены

(Г. О. Винокур), профессионализмы (Н. П. Кузьмин), профессиональные арготизмы, или жаргонизмы (Л. И. Скворцов; Н. М. Гладкая), предтермины и квазитермины (В. М. Лейчик), терминоиды (А. Д. Хаютин), прототермины (С. В. Гринев), предтермины (С. В. Гринев-Гриневиц) и др. В. А. Татарин представляет детальную классификацию терминологической лексики, выделяя термины, номены, терминимы, профессионализмы, терминоиды [Татарин, 1996, с. 17], однако такую позицию разделяют далеко не все терминоведы. В данной статье мы не будем обсуждать вопрос о разграничении и соотношении этих единиц, отметив, что они выделяются, по сути, на одном основании: степени близости к «собственно термину». Следовательно, семантический аспект специальной лексики исследован российскими учеными основательно, что позволяет более точно представить и сущность научного понятия *термин*.

В китайском языке сложно найти точное соответствие русскоязычному понятию *специальная лексика*, поэтому исследователи широко используют ряд лексем, по значению приближающихся к содержанию русскоязычного понятия: 专用词汇, 专科词汇, 特殊词汇, 专业词汇, соответственно их можно перевести на русский как *лексика специального назначения, лексика специального предмета, особая лексика, профессиональная лексика*.

Рассмотрим употребление этих лексем в работах китайских исследователей и проанализируем различие между ними.

专用词汇 [чжуан юн цы хуэй] / *лексика специального назначения*. Употребление этого словосочетания для номинации специальной лексики связано с обращением китайских ученых к зарубежным, в частности немецким, исследованиям языков для специальных целей, которые называют 专用语 / Чжуан юн юй. Обнаруживается использование приведенной лексемы и в других значениях, например, для обозначения слов или словосочетаний, специально образующихся в литературных произведениях, либо для обозначения совокупности лексических средств, функционирование которых стилистически значимо. Таким образом, 专用词汇 не имеет однозначного толкования и используется все реже и реже в последние годы.

专科词汇 [чжуан кэ цы хуэй] / *лексика специального предмета*. Такая лексема в основном употребляется в работах, посвященных исследованию лексики на материале древнекитайских произведений. Например, Хань Чжунчжи данной лексемой называет аграрную лексику, отобранную из книги об управлении земледелием. Чжу Шэнцзе и Ван Лицзюнь обращают внимание на характеристики древнекитайской медицинской лексики,

определяя 专科词汇 как слово или словосочетание, отражающее навыки и знания в определенной отрасли или сфере, часто основанное на исторических и культурных контекстах. Проводя лексикографическое исследование, Ли Эрган разделяет слова, относимые к категории 专科词汇, на термины и профессионализмы.

特殊词汇 [тэ шу цы хуэй] / особая лексика. Лексема употребляется некоторыми лингвистами для противопоставления слов этого класса общепотребительной лексике в рамках исследований языка для специальных целей. Одновременно, по данным поиска ключевого слова 特殊词汇 на китайском сайте информационных ресурсов (CNKI), обнаруживается частотное употребление этой лексемы для номинации специфической диалектной лексики¹. В русскоязычной научной литературе диалектная лексика не входит в понятие специальной. Недостатки этой номинации очевидны, поскольку слова могут быть специфичными как в содержательном, так и в формальном аспектах.

专业词汇 [чжуан е цы хуэй] / профессиональная лексика употребляется в исследованиях, изучающих лексику, обслуживающую ту или иную конкретную профессию. Отметим кстати, что российский терминовед С. Д. Шелов тоже употребляет номинацию профессиональная лексика в значении специальная лексика (С. Д. Шелов). Преимущество употребления термина 专业词汇 заключается, на наш взгляд, в том, что его область применения определена четко и однозначно: это исследование профессиональной лексики.

Таким образом, анализ показывает, что значение, приближающееся к русскому термину «специальная лексика», в китайской лингвистике представлено лексемой 专业词汇 / профессиональная лексика, хотя и этот термин не всегда употребляется строго. Так, рассматривая явление заимствования специальных слов, Ду Яннань, Ван Лицзинь, Ван Сянчи указывают, что 专业词汇 «предназначено только для определенной части людей, и в каждой отрасли или профессии есть свои специальные слова» [杜艳楠, 王丽瑾, 王显志, 2010, с. 34]. Ли Дань, изучая стандартизацию языка, предлагает понимание 专业词汇 как «продукта разделения профессий» [李丹, 2020, с. 11]. Другие ученые при изучении языков для специальных целей относят к 专业词汇 слова, встречающиеся в определенном контексте и относящиеся к конкретной научной области. Кроме того, многие китайские лингвисты отождествляют понятия специальная лексика и термин, о чем свидетельствуют английские переводческие варианты ключевого слова 专业词汇 в их работах,

¹URL: <https://chn.oversea.cnki.net/kcms/detail/knetsearch.aspx?sfid=kw&skew=%E7%89%B9%E6%AE%8A%E8%AF%8D%E6%B1%87&code=>

например, specific term / специальный термин [杜艳楠, 王丽瑾, 王显志, 2010], technical term / технический термин, либо рассматривают специальную лексику как «зонтиковый» базовый термин, не давая четкой его дефиниции и не определяя принципы отбора специальных слов.

Приведенные примеры показывают, что разведение специальной и терминологической лексики весьма затруднено как семантической градуальностью многих научных понятий, используемых при изучении лексики, так и многими другими нерешенными проблемами лексикологии.

Возможно, поэтому некоторые китайские лингвисты высказывают пессимистическое мнение о том, что «общепринятое и всеобъемлющее научное определение терминов – это то, что невозможно сделать в настоящее время. <...> крайне сложно дать определение основного объекта исследования какой-либо дисциплины, особенно в гуманитарной науке. Например, “значение” в семантике, “красота” в эстетике» [叶其松, 2010, с. 125].

Китайские исследователи актуализируют функции термина как модели научно-технического знания, подчеркивая их прагматическую научно-технологическую направленность и тесную связь с государственными стандартами, существенную с точки зрения стимулирования научно-технологического развития [冯志伟, 2019]. По национальным стандартам КНР GB / T 10112 / 术语工作原则和方法 / Терминологическая работа: принципы и методы термин понимается как «лингвистическое обозначение понятий в специальной области». Такое определение полностью совпадает с дефиницией международной организации по стандартизации (ISO), что позволяет ученым в целом опираться на него, акцентируя разные исследовательские аспекты. Так, Фэн, опираясь на концепцию Ойгена Вюстера и исследуя семиотический аспект термина, подчеркивает его содержательную специфичность и конвенциональность: «конвенциональный знак, обозначающий или фиксирующий в устной или письменной речи специальное понятие», при этом термины могут быть «словами, или словосочетаниями» [冯志伟, 2011, с. 29].

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ В КИТАЕ

Практическая работа по стандартизации терминологии в Китае проводилась давно, но первые шаги в теоретической разработке терминоведческих проблем были сделаны в конце 80–90-х гг. XX в. Терминологические исследования китайских лингвистов в основном опираются на зарубежные

терминологические теории, причем терминологические теории русской школы стали системно вводиться в китайскую лингвистику посредством перевода работ русских лингвистов. Так, были переведены на китайский язык «Терминоведение» С. В. Гринева-Гриневича, фрагменты работ Д. С. Лотте, Э. К. Дрездена, К. О. Винокура, В. М. Лейчика, А. А. Реформатского, С. Д. Шелова, В. П. Даниленко и многих других. Обзоры об истории, системе и методиках российского терминоведения излагаются в работах Чжэн Шупу, Ву Ликунь, Сунь Хуань, Е Цисун, Мэн Линься и т.д. Чжэн всесторонне излагает историю возникновения и развития русской терминологической школы, систематически оценивает ее теорию и практику, проясняет основные аспекты российских терминологических исследований, описывает сущность самой терминологии и закономерности ее развития. Вслед за Чжэном, Ву Ликунь затрагивает вопросы о сущности, семантике и способах образования терминов; Сунь Хуань обращает внимание на функции русских терминов и их вариативность при функционировании; Мэн Линься, рассматривая подходы к принципам номинации русских терминов, характеризует и способы формирования интернациональных терминов; Е Цисун, анализируя и сравнивая ключевые термины в российском терминоведении, выясняет разницу и соотношения этих понятий,

обосновывает адекватность их дефиниций изучаемым лексическим объектам [叶其松, 2010]. Значительное внимание исследователей уделяется использованию русских терминологических теорий в лексикографической работе, практическом терминообразовании, а также в переводческой деятельности. В настоящее время терминологические теории русских исследователей в Китае находятся на стадии теоретического осмысления, но в практическом терминоведении методолого-теоретические положения российских лингвистов используются недостаточно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для номинации понятий «специальная лексика» и «термин» в китайской лингвистике чаще всего употребляются лексемы 专业词汇 и 术语, более адекватные сущности изучаемых явлений. Осуществляющееся в настоящее время распространение российских терминоведческих работ в китайской лингвистике значимо для развития китайского терминоведения, особенно в аспекте разграничения понятий 专业词汇 / профессиональная лексика и 术语 / термин в целях повышения его системности и аргументированности методологического обоснования изучения специальной / терминологической лексики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977.
2. Шарафутдинова Н. С. О составе специальной лексики // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2001. №1 (13). С. 72–76.
3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ОНИКС 21 век: Мир и образование, 2003.
4. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
5. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.
6. Татаринев В. А. Теория терминоведения: в 3 т. М.: Московский лицей, 1996. Т. 1. Теория термина: История и современное состояние.
7. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969.
8. Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 163–198.
9. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991.
10. Гринева-Гриневич С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008.
11. 杜艳楠, 王丽瑾, 王立志. 专业词汇移用探微[J]. 科技信息. 2010(33): 34–35. = Ду Яньнань, Ван Лицзинь, Ван Сяньчжи. Заимствование специальной лексики // Научно-техническая информация. 2010. Вып. (33). С. 34–35.
12. 李丹. 从专业词汇的使用看专业语言的规范化[J]. 汉字文化. 2020(20): 11–12. = Ли Дань. Стандартизация специального языка на основе употребления специальной лексики // Китайская иероглифическая культура. 2020. Вып. (20). С. 11–12.
13. 叶其松. 术语、专业词汇与词典[J]. 辞书研究. 2010(02): 124–130 = Е Цисун. Термин, специальная лексика и словарь // Лексикография. 2010. Вып. (02). С. 124–130.

14. 冯志伟. 现代术语学引论[M]. 北京:商务印书馆. 2011 = Фэн Чживэй. Введение современного терминоведения. Пекинское коммерческое издательство, 2011.
15. 郑述谱. 俄罗斯当代术语学[M]. 北京:商务印书馆. 2005 = Чжэн Шупу. Современное российское терминоведение. Пекинское коммерческое издательство, 2005.

REFERENCES

1. Danilenko, V. P. (1977). Russkaya terminologiya: Opyt lingvisticheskogo opisaniya = Russian terminology: The experience of linguistic description. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Sharafutdinova, N. S. (2001). O sostave special'noj leksiki = About the composition of special vocabulary. Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University, 1(13), 72–76. (In Russ.)
3. Rozental, D. E., Telenkova, M. A. (2003). Spravochnik po russkomu yazyku. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Russian language handbook. Dictionary of linguistic terms. Moscow: ONIKS 21 vek: Mir i Obrazovaniye. (In Russ.)
4. Lejchik, V. M. (2009). Terminovedenie: Predmet, metody, struktura = Terminology Science: subject, methods, structure. 4th ed. Moscow: LIBROKOM. (In Russ.)
5. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasilyeva, N. V. (2012). Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii = General terminology: Voprosy teorii. 6th ed. LIBROKOM. (In Russ.)
6. Tatarinov, V. A. (1996). Teoriya terminovedeniya = Theory of terminology (vol. 1. Teoriya termina: Istoriya i sovremennoe sostoyanie): in 3 vols. Moscow: Moskovskii litsey. (In Russ.)
7. Akhmanova, O. S. (1969). Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya. (In Russ.)
8. Reformatskiy, A. A. (1986). Mysli o terminologii = Thoughts about terminology. In Sovremennyye problemy russkoy terminologii (pp. 163–198). Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Komarova, Z. I. (1991). Semanticheskaya struktura special'nogo slova i ee leksikograficheskoe opisanie = Semantic structure of a special word and its lexicographic description. Sverdlovsk: Ural University Press. (In Russ.)
10. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). Terminovedenie = The science of terminology. Moscow: Academia.
11. 杜艳楠, 王丽瑾, 王显志. 专业词汇移用探微[J]. 科技信息. 2010(33): 34–35. = Du Yannan, Wang Lijin, Wang Xianzhi (2012). Trans-usage of Specific Terms. Science & Technology Information, (33), 34–35.
12. 李丹. 从专业词汇的使用看专业语言的规范化[J]. 汉字文化. 2020(20): 11–12. = Li Dan (2020). Standardisation of professional language from the use of professional vocabulary. Chinese ideographic culture, 20, 11–12.
13. 叶其松. 术语、专业词汇与词典[J]. 辞书研究. 2010(02): 124–130. = Ye Qisong (2010). Term, specific vocabulary and dictionary. Lexicography, 02, 124–130.
14. 冯志伟. 现代术语学引论[M]. 北京:商务印书馆. 2011. = Feng Zhiwei (2011). An Introduction to Modern Terminology. Beijing: The Commercial Press.
15. 郑述谱. 俄罗斯当代术语学[M]. 北京:商务印书馆. 2005. = Zheng Shupu. (2005). Contemporary Russian Terminology. Beijing: The Commercial Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ван Лу

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Wang Lu

Postgraduate Student, Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Именные формы глагола как активатор видовой отнесенности в нидерландском языке

Т. Н. Дренясова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
nedcent@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ функционирования и особой роли именных форм глагола в нидерландском языке. К их числу относятся причастия настоящего и прошедшего времени как преморфологические и морфологические опосредованные формы выражения длительности и совершенности / завершенности глагольного действия. Проводится сопоставление означенных форм глагола в нидерландском языке и в близкородственных ему языках – немецком и английском. Рассматривается грамматическая вариативность при выражении длительности глагольного действия как характерная черта грамматического строя нидерландского языка.

Ключевые слова: нидерландский язык, категория вида, именные формы глагола, причастие, перфективность, длительность, функционально-семантическое поле, грамматическое варьирование, инвариант, вариант

Для цитирования: Дренясова Т. Н. Именные формы глагола как активатор видовой отнесенности в нидерландском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып. 3 (884). С. 115–122.

Original article

Non-Finite Verbal Forms as an Activator of the Aspectual Reference in the Dutch Language

Tatiana N. Drenyasova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
nedcent@yandex.ru

Abstract. The article analyzes non-finite verbal forms functioning – present and past participle as premorphological and morphological intermediary expression forms of specific duration and perfection / completeness of verbal action values in the Dutch compared to closely allied languages – German and English. The grammatical variability in the expression of the verbal action duration is considered as a characteristic feature in the Dutch grammatical structure.

Keywords: Dutch, category of aspect, non-finite verbal forms, participle, perfection, duration, functional semantic field, grammatical variability, Invariant / variant

For citation: Drenyasova, T. N. (2024). Non-finite verbal forms as an activator of the aspectual reference in the Dutch language. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 115–122.

ВВЕДЕНИЕ

Проблематика грамматических форм глагола в германских языках является важным предметом исследований отечественных и зарубежных лингвистов. В частности, в качестве одного из ключевых аспектов грамматики глагола ведущие лингвисты, такие как В. Н. Ярцева, А. И. Смирницкий, Л. С. Бархударов, О. И. Москальская, М. М. Гухман, рассматривают функционирование, структурно-семантические особенности и статус именных (неличных) форм глагола.

Одним из структурных свойств именных глагольных форм в германских языках является их роль в выражении категориальных значений. Означенные глагольные формы могут также способствовать выражению грамматических категорий, формально не существующих в некоторых германских языках, в том числе в нидерландском, например категория вида глагола. **Целью** настоящего исследования является выявление особенностей функционирования именных форм глагола в нидерландском языке с привлечением для сопоставления нефинитных форм глагола близкородственных языков – немецкого и английского. При этом учитывается, что с развитием теоретических разработок в области функциональной лингвистики происходит изменение взглядов на сходства и различия грамматических систем.

В нидерландском языке именные формы глагола – инфинитив, причастие настоящего времени (причастие 1) и причастие прошедшего времени (причастие 2) – являются неотъемлемой частью видо-временной системы нидерландского глагола. Они активно участвуют в формировании аналитических категориальных форм времени, залога и наклонения. Если инфинитиву в результате частотности его употребления уделяется достаточно внимания, то причастия 1 и 2 в нидерландском языке гораздо реже исследуются лингвистами.

В работе проводится анализ особой роли причастий настоящего и прошедшего времени в глагольной системе, которые опосредствованно участвуют в выражении грамматической категории вида глагола, формально отсутствующей в нидерландском языке. При этом причастие 2 как компонент видо-временной аналитической формы опосредствованно на морфологическом уровне выражает глагольный вид – совершенство действия через время, а причастие 1 в сочетании с глаголом *zijn* (*быть*) представляет собой на преморфологическом уровне грамматический центр функционально-семантического поля аспектуальности. Оно становится выразителем видового значения длительности глагольного действия. При этом

поле видовой отнесенности в нидерландском языке рассматривается с точки зрения грамматической вариативности, которая, как отмечает в своих работах С. А. Миронов, является отражением языковой вариативности, характерной для нидерландского языка. Вариативность как свойство системы языка, в том числе на уровне грамматики, отмечается во многих исследованиях как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Однако проблема грамматической вариативности применительно к нидерландской грамматике изучена еще недостаточно.

Рассматриваются также особенности фактора грамматической семантики на примере системы выражения видовых значений в нидерландском языке в сопоставлении с близкородственными языками – немецким и английским, между которыми нидерландский занимает промежуточное положение [Van Haeringen, 1956]. Анализ существующих в указанных языках неличных форм выявляет не только общий характер глагольных систем, но и обнаруживает специфику их развития.

АКТИВАЦИЯ ВИДОВЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА

Категория вида – одна из наиболее сложных и противоречивых категорий глагола, имеющая определенное значение и формально-морфологические показатели. Формально категория вида не представлена в германских языках, так как не имеет непосредственного грамматического выражения и находит другие способы опосредствованного выражения на морфологическом и преморфологическом уровне.

Трудности исследования данной категории в германских языках, в том числе в нидерландском, заключаются в том, что само понятие характера протекания действия как обобщенное грамматическое значение категории вида в процессе развития языка распадается на несколько оттенков данного значения. Формально несуществующая категория вида реализуется как способ выражения повторяемости, длительности, многократности, мгновенности или результативности, совершенности / завершенности или предельности процесса, обозначаемого глаголом. Наибольшую частотность демонстрируют значения совершенности / завершенности и длительности глагольного действия, которые получили морфологическую форму выражения в виде причастий настоящего и прошедшего времени. Данные формы уже внутри категории вида представляют собой противопоставление двух видовых значений, получивших в германских языках различное и часто специфическое развитие.

При выражении видового значения совершенности / завершенности действия германские

языки используют формы перфекта с различным соотношением видовых и временных признаков. Тогда как при выражении видового значения длительности действия используются множественные глагольные конструкции с различной степенью грамматизации, что и становится проявлением грамматической вариативности, которая является характерной чертой нидерландского языка.

В рамках развития грамматических форм глагола представляет интерес именно морфологический способ передачи видовых значений в германских языках на фоне большого количества сочетаний с различной степенью грамматизации, образование которых отражает общую тенденцию к аналитизму в системе германского глагола.

ПРИЧАСТИЕ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ: ВИД ЧЕРЕЗ ВРЕМЯ

Генетически у нидерландского, немецкого и английского языков имелись общегерманские модели именных глагольных форм – причастий настоящего времени (причастие 1) и причастий прошедшего времени (причастие 2), получивших в ходе развития языков свои специфические черты как в плане формы, так и в отношении грамматического значения и употребления:

- модель причастия 1: основа глагола + суффикс – *end(e)*, которая имела значение совершающегося / длительного действия;
- модель причастия 2: префикс *ge-* + основа глагола + суффикс *t/d/en* (в зависимости от принадлежности глагола к морфологическому классу глаголов), которая обозначала совершенное / завершённое действие.

Форма причастия прошедшего времени (причастие 2) – наиболее часто является объектом исследования, так как представляет собой семантически значимый компонент системы перфектных форм глагола, окончательное формирование которой в указанных германских языках завершается в основном к концу средневекового периода (XIII–XVI вв.) [Миронов, 1986].

Использование формы причастия прошедшего времени, имеющей видовое значение совершенности/завершённости действия, для образования аналитических форм времени представляется логичным в свете теории «сопряженности» грамматических категорий [Ярцева, 1963]. На базе одних грамматических форм могут развиваться другие. Вид и время глагола в германских языках, в том числе и в нидерландском, среди морфологических категорий глагола наиболее тесно связаны между собой. По существующей гипотезе генетически аналитические формы глагола, а именно,

перфект и однотипные формы, возникли как невременные и оформлялись как определенный вид глагольного действия [Смирницкая, Гухман, Ермолаева, 1977]. В результате дальнейшего процесса темпорализации аналитических форм перфекта и их вхождения в парадигматические ряды видо-временных форм, аналитические формы глагола включаются в морфологию. При этом категория вида в этой связке является подчиненной категорией. Она уточняет характер протекания действия в пределах категории времени, а категория времени становится ведущей, так как формы вида не могут существовать в отрыве от временных форм.

В историческом плане система категории времени, которая была представлена в древних германских языках первичными формами презенса и претерита, в результате процесса распространения аналитических форм подвергается значительным изменениям.

В нидерландском языке аналитические формы перфектного типа развивались на базе свободных бивербальных сочетаний с видовым значением. Они состояли из глаголов *hebben u zijn*, к которым прибавлялось причастие прошедшего времени смыслового глагола. Он имел видовое значение совершенности / завершённости действия. Это значение распространялось на всё бивербальное сочетание [Миронов, 2001; Миронов, Зеленецкий, Парамонова, 2000]. По предположению нидерландских лингвистов, в частности Вейнена [Weijnen, 1971], сначала видовое и временное значение в таких сочетаниях выражались раздельно. Со временем аналитические временные формы глагола завоевывают все большую территорию употребления, не теряя при этом значения перфективности, что сказывалось и на выборе вспомогательных глаголов *hebben* и *zijn*. С расширением спектра временных значений в системе глагола и с развитием процесса темпорализации, в который были вовлечены бивербальные видовые словосочетания с перфективным значением, стало изменяться соотношение имеющихся синтетических и вновь возникающих аналитических глагольных форм. Происходил сложный процесс перераспределения и конкретизации временных значений, особенно при обозначении прошедшего времени в системе глагола и становления категории времени, а в последующие периоды и формирования категории временной отнесенности (таксис). При этом перфектные формы сохраняли свое перфективное значение наряду с развивающимся у всей конструкции временным значением предшествования. Маркером перфективности, несмотря на тенденцию к темпорализации, в большинстве случаев на протяжении периодов становления данной аналитической формы оставался перфективный

префикс *-g(h)e*, который по аналогии стал использоваться в качестве маркера перфективности и у предельных (перфективных) глаголов – *comen, vinden, brenghen*. Таким образом, видовое значение перфективности в ходе развития языка приобретает устойчивость, выражая одновременно значение абсолютного времени и временной отнесенности [Дренясова, 1993].

Как неоднократно подчеркивалось исследователями, видовое значение перфективности перфектных форм глагола нашло свое отражение в традиционной грамматической терминологии нидерландского языка, согласно которой временные формы с причастием прошедшего времени обозначаются как *voltooid* (перфективные / совершенные) и противопоставляются другим (простым и описательным) как *onvoltooid* (имперфектным).

Сохранение причастием прошедшего времени значения перфективности и, следовательно, выражение этого видового значения наряду с временным лингвистически значимо. Оно мотивирует также сохранение в нидерландском языке вспомогательных глаголов *hebben* и *zijn*. Эти глаголы по-прежнему употребительны, несмотря на тенденцию к унификации вспомогательного глагола перфектных форм. Такая унификация произошла, например, в английском или африкаанс, где в перфектных формах используется лишь один вспомогательный глагол *hebben*. Использование двух вспомогательных глаголов *hebben* и *zijn* в перфектных формах в нидерландском и близкородственном немецком языке подтверждает факт возникновения грамматических форм перфекта из конструкций с видовым значением [Ярцева, 1963; Voous, 1957]. Приведенные лингвистические факты свидетельствуют в пользу гипотезы о сохранении видового значения перфектных конструкций с вспомогательным глаголом *zijn*. Видовое значение конструкции обусловлено значением глагола в форме причастия прошедшего времени.

Таким образом, причастие прошедшего времени в качестве постоянного семантического и грамматического компонента вошло в аналитическую форму перфекта. И вся конструкция как морфологическая форма вошла в видо-временную систему нидерландского языка, сохраняя образовательную модель причастия прошедшего времени с префиксом *ge-*. По аналогии префикс *ge-* охватывает в нидерландском языке, даже такие виды глаголов, как глаголы с суффиксом *-eer-*, например: *feliciteren, dicteren*. Между тем в немецком означенная закономерность отсутствует, что свидетельствует о специфике нидерландского на фоне близкородственных языков.

При общей генетически обусловленной тенденции к возникновению и развитию форм

перфекта из видовых конструкций в германских языках, дальнейшая эволюция форм перфекта как видо-временных форм происходит в соответствии с закономерностями развития каждого из родственных языков. В результате эволюционного развития нидерландский, немецкий и английский в настоящее время представляют собой похожие, но неодинаковые по степени темпорализации языки. Соответственно, различаются степени опосредствованного выражения грамматического значения глагольного вида, ареалы функционирования форм перфекта, которые в этих языках рассматриваются грамматистами как видо-временные формы или совершенное время. В немецком языке видовое значение форм перфекта сохраняется как синтагматический оттенок значения перфекта, оживающий в определенных контекстах [Москальская, 1971; Павлов, 1984], т. е. префикс *ge-* у причастия прошедшего времени как маркер совершенности действия постепенно утрачивает / нивелирует свое видовое значение. В английском языке видовой категориальный признак перфекта трансформировался в категориальный признак временной отнесенности, который может рассматриваться как особый вид [Смирницкий, 1959], что является доказательством контекстуальной зависимости видовой составляющей форм перфекта. Кроме того, формы перфекта в английском языке претерпели и формальные изменения, утратив в процессе развития маркер перфективности – префикс *ge-*, что повлияло на перераспределение функций категориальных признаков и на уменьшение видовой зависимости формы перфекта.

ПРИЧАСТИЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ: ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

Если причастие прошедшего времени в германских языках нашло свое место в видо-временной системе, выражая на морфологическом уровне опосредствованно в той или иной степени видовое значение перфективности – совершенности / завершенности действия, то причастие настоящего времени, выражая видовое значение длительности действия, получило другое развитие. Во всех трех сравниваемых родственных языках лингвисты прослеживают более или менее параллельное развитие устойчивых сочетаний глагола «быть» с причастием настоящего времени, выражающих видовое значение длительности действия. Однако в результате становления видо-временных / временных систем нидерландского, немецкого и английского языков проявилось расхождение в значимости сочетания глагола «быть» с причастием настоящего времени. В нидерландском языке

видовые сочетания *zijn* «быть» + причастие настоящего времени, например: *zijn+doende, gaande, hangende* относятся к устойчивым грамматизованным словосочетаниям с дуративным значением, выражая значение длительности действия на стадии преморфологизации [Миронов, Зеленецкий, Парамонова, 2000], что не характерно для немецкого языка, где эти формы вышли из употребления [Москальская, 1969]. При этом в английском языке, наоборот, форма причастия настоящего времени, изменив окончание с *-ende* на *-ing*, превратилась в систему форм, выражающих длительное время (Continuous) [Смирницкий, 1959].

Видовые сочетания *zijn* + причастие настоящего времени: *zijn + hangende, liggende, lijdende* (например: *Die sake is hangende; was horende; so ick na haar was gaande*) – были известны в нидерландском со средних веков. При этом маркером длительности действия в данных сочетаниях выступало именно причастие настоящего времени. В современном нидерландском языке данное сочетание используется как в художественной прозе, так и в публицистике, правда, с некоторыми ограничениями (они касаются семантики глаголов и сферы их стилистического использования). «Универсальная грамматика нидерландского языка» относит сочетания причастия настоящего времени, например, *doende, gaande, hangende* и *stervende* с глаголом *zijn*, к устойчивым словосочетаниям с дуративным и иногда инкоативным значением, например:

Vader was druk doende.
Het onderzoek is nog gaande.
Toen ze aankwamen, bleek/was de patiënt al stervende.
Deze zaak is nog hangende; de beslissing wordt binnenkort genomen.

При этом авторы отмечают, что данные сочетания чаще всего употребляются в письменном языке или считаются архаичными [Geerts et al., 1984].

Вместе с тем в СМИ и в художественной литературе Нидерландов довольно часто встречаются сочетания глагола *zijn* с причастием настоящего времени, образованным и от других глаголов, что подтверждает жизнеспособность данной конструкции:

De Britten waren al zoekende voordat Elizabeth II overleed. (NRC)
Het is tekenend voor de gespannen sfeer waarin de onderhandelingen, een jaar na de vorige top in Glasgow, verder gaan (NRC).
De prijzen op energie zijn opstijgende (NOS).
De vrouw zag hij niet, maar er was wel iets gaande (Herman Koch *Het Koninklijk Huis*).

Грамматическое значение длительности действия, которое выражается сочетанием глагола *zijn* + причастие настоящего времени, поддерживается функционированием данного сочетания в системе других грамматизованных и полуграматизованных сочетаний со значением длительности, что отражает одну из характерных особенностей нидерландского языка – его вариативность. В данном случае языковая вариативность как фундаментальное свойство языка и способ функционирования его единиц проявляется на грамматическом уровне. При этом под грамматическим варьированием, как правило, понимается наличие в языке различных способов выражения грамматической семантики или категориального значения как на морфологическом, так и на синтаксическом уровне. Непременной основой вариативности является некоторый инвариант, сохраняющий тождество самому себе в серии видоизменений объекта, т. е. который обладает «общим содержанием, объединяющим разные интерпретации соответствующей единицы или соответствующего значения, проявляющиеся в разных языковых или ситуативных контекстах» [Перцов, 2001, с. 12].

В нидерландском языке в микрополе аспектуальности, выражающей длительность действия, таким инвариантом выступает сочетание «*zijn* + причастие 1». Оно находится на преморфологическом уровне и представляет собой, очевидно, предоснову видовой аналитической формы длительности действия. Рассматриваемое сочетание выражает грамматическое значение длительности действия, а многочисленные глагольные конструкции со значением дуративности / длительности и с разной степенью грамматизации будут представлять собой варианты, то есть конкретную модификацию данного грамматического значения. Каждый вариант при тождественности основного грамматического значения и при формальных различиях выполняет в языке одну и ту же функцию. Следовательно, сочетание «*zijn* + причастие 1» можно отнести к определению инварианта.

В русле функциональной грамматики глагольные конструкции со значением длительности действия традиционно рассматриваются в нидерландском языке как функционально-семантическое микрополе дуративности / длительности действия [Рубцова, Михайлова, 2019]. В основе анализа лежит степень грамматизации и употребительность каждой глагольной конструкции, по мере уменьшения которой глагольные конструкции удаляются от центра микрополя на периферию. При этом сочетания «*zijn* + причастие 1» и сочетания «*zijn* + инфинитив» из-за невысокой употребительности оказываются почти на периферии микрополя.

Представляется, что исходя из принципа грамматического варьирования и лежащей в его основе оппозиции инвариант-вариант видового значения длительности действия, описание микрополя дуративности / длительности в современном нидерландском языке можно уточнить, поставив в центр микрополя как инвариант сочетание «*zijn* + причастие 1». Данное сочетание выражает сущность категориального видового значения длительности действия, хотя и на преморфологическом уровне и с некоторыми ограничениями в плане употребительности. Очевидно, что исходя из степени грамматизации, ближе всего к центру микрополя как инварианту грамматического видового значения длительности действия выступает в качестве варианта сочетание «*zijn* + инфинитив». Это словосочетание прошло сложный и неоднозначный путь развития и, по одной из версий, возникло еще в средненидерландский период из сочетания «*zijn* + причастие настоящего времени» путем замены причастия на инфинитив [Sassen, 1978]. При этом, как в примере *Hij is vissen* < *Hij is gaan vissen*, в семантику данного сочетания включается дополнительная сема движения / удаления от говорящего и общее значение данного сочетания определяется как «уйти, для того чтобы заняться какой-либо деятельностью». Следует отметить, что сочетание «*zijn* + инфинитив» наиболее употребительно в разговорной речи. Далее от центра к периферии следуют конструкции с большой степенью грамматизации – «позиционный глагол + *te* + инфинитив» и «*aan* + *het* + инфинитив», ближе к периферии находится конструкция *bezig zijn iets te doen / met iets*, а на периферию микрополя попадают сочетания с низкой степенью грамматизации, например, «*blijven* + инфинитив».

Такой подход к построению видового микрополя длительности действия, основанный на грамматической семантике, представляется достаточно обоснованным, поскольку в нем четко обозначен центр микрополя, в котором сосредоточено грамматическое значение длительности, а далее от центра к периферии в зависимости от степени грамматизации и особенностей значения располагаются другие глагольные конструкции. Несмотря на некоторую ограниченность употребления, сочетание «*zijn* + причастие 1» сохраняет устойчивость благодаря своему эксплицитному видовому значению. Это значение сохраняется и в пределах системы временных форм, оставаясь на уровне преморфологического характера. Таким образом,

видовая оппозиция совершенность действия – длительность действия, выраженная двумя видами именных форм глагола – причастием прошедшего времени «*ge* + основа + *t/en*» и причастием настоящего времени «основа + *end(e)*» дает основание для рассмотрения временной системы нидерландского языка именно как видо-временной системы глагола.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного анализа показывают, что функционирование двух центров опосредствованного выражения видовых значений совершенности / завершенности действия, с одной стороны, и длительности действия – с другой поддерживают сохранение видового значения в системе временных форм современного нидерландского языка. При этом активную роль в выражении видовой отнесенности глагольных сочетаний играют именные формы глагола – причастия настоящего и прошедшего времени. При сопоставлении развития аналогичных форм в близкородственных языках – немецком и английском – обнаруживается, что благодаря специфике своего развития данные языки в разной степени активируют опосредствованное выражение категории глагольного вида: от нейтрального выражения данной категории, которая имеет место в немецком языке, до образования новой категории длительности действия, как в английском. Нидерландский язык, занимая промежуточное положение между немецким и английским, выражает на морфологическом уровне видовое значение совершенности / завершенности действия через категорию времени, где маркером глагольного вида является причастие прошедшего времени. С другой стороны, нидерландский язык не теряет из употребления маркер длительного вида – причастие настоящего времени, которое в сочетании с глаголом *zijn* выражает длительность действия на преморфологическом уровне, и может рассматриваться как грамматический центр функционально-семантического поля видовой отнесенности. Таким образом, оба видовых значения – совершенность действия и длительность действия, имея опосредствованную морфологическую и преморфологическую формы выражения, поддерживают поле видовой отнесенности в нидерландском языке и не позволяют категории временной отнесенности полностью достичь границ своего развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Haeringen C. B. van. *Nederlands tussen Duits en Engels*. Den Haag, 1956.
2. Миронов С. А. История нидерландского литературного языка (IX–XVI вв.). М.: Наука, 1986.

3. Ярцева В. Н. Об аналитических формах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов: сборник научных статей / под ред. В. М. Жирмунского. 1963. С. 52–60.
4. Смирницкая О. А., Гухман М. М., Ермолаева Е. С. Историко-типологическая морфология германских языков: Категория глагола. М.: Наука, 1977.
5. Миронов С. А. Нидерландский (голландский) язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментарием. 2-е изд. Калуга: Эйдос, 2001.
6. Миронов С. А., Зеленецкий А. Л., Парамонова Н. Г. Историческая грамматика нидерландского языка: в 2 кн. М.: Эдиториал УРСС, 2000. Кн. 1. Фонология, морфология. С. 242–246.
7. Weijnen A. Schets van de geschiedenis van de Nederlandse syntaxis. Assen, 1971.
8. Дренясова Т. Н. Развитие видо-временных отношений в системе перфекта нидерландского глагола: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1993.
9. Vooy C. G. N. de, Nederlandse Spraakkunst. Groningen, 1957. P. 137–139.
10. Moskalskaja O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartsprache. М.: Verlag «Hochschule», 1971.
11. Павлов В. М. Темпоральные и аспектуальные признаки в семантике «временных форм» немецкого глагола и некоторые вопросы теории грамматического значения // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 42–70.
12. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.
13. Москальская О. И. История немецкого языка (на немецком языке). Л.: Просвещение, 1969.
14. Geerts G. et al. Algemene Nederlandse Spraakkunst. Nederland: Wolters Noordhoff bv Groningen, 1984.
15. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.
16. Рубцова С. Ю., Михайлова И. М. Глагольные конструкции со значением дуративности в современном нидерландском языке // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 60. С. 82–94.
17. Sassen A. Hij is vissen / wezen vissen // Taalkundig bulletin van het Nederlands Instituut der Rijksuniversiteit Groningen, 1978.

REFERENCES

1. Haeringen, C. B. van. (1956). Nederlands tussen Duits en Engels.
2. Mironov, S. A. (1986). Istorija niderlandskogo literaturnogo yazyka (IX–XVI vv.) = The History of the Dutch Literary Language (9th – 16th centuries). Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Yartseva, V. N. (1963). About analytical forms of the word. Morfologicheskaya struktura slova v yazykakh razlichnykh tipov (pp. 52–60): The digest of scientific articles, ed. by V. M. Zhirmunsky. (In Russ.)
4. Smirnitckaya, O. A., Gukhman, M. M., Ermolaeva, E. S. (1977). Istoriko-tipologicheskaya morfologiya germanskikh yazykov: Kategoriya glagola = Historical and typological morphology of the Germanic languages: Verb category. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Mironov, S. A. (2001). Niderlandskii (gollandskii) yazyk. Grammaticheskii ocherk, Literaturnye teksty s kommentariem = The Dutch language. Grammatical essay, literary texts with commentary. 2nd ed. Kaluga: Eidos. (In Russ.)
6. Mironov, S. A., Zelenetskiy, A. L., Paramonova, N. G. (2000). Istoricheskayagrammatika niderlandskogo yazyka = Historical Grammar of the Dutch language (Book 1. Phonology Morphology, pp. 155–255): in 2 books. Moscow: Editorial. (In Russ.)
7. Weijnen, A. (1971). Schets van de geschiedenis van de Nederlandse syntaxis. Assen.
8. Drenysova, T. N. (1993). Razvitie vido-vremennykh otnoshenii v sisteme Perfekta niderlandskogo glagola = The evolution of the aspectual end temporal relations in the system of the perfective forms of the Dutch verb: abstract of Senior Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
9. Vooy, C. G. N. de (1957). Nederlandse Spraakkunst. Groningen, 137–139.
10. Moskalskaja, O. I. (1971). Grammatik der deutschen Gegenwartsprache. Moskau: Verlag «Hochschule», 113. (In Russ.)
11. Pavlov, V. M. (1984). Temporal'nye i aspektual'nye priznaki v semantike «vremennykh form» nemetskogo glagola i nekotorye voprosy teorii grammaticheskogo znacheniya. Teoriya grammaticheskogo znacheniya i aspektologicheskije issledovaniya. Theory of grammatical meaning and spectological research. Leningrad: Nauka, 42–70. (In Russ.)
12. Smirnitckij, A. I. (1959). Morfologiya angliiskogo yazyka = Morphology of the English language. Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In Russ.)

13. Moskal'skaya, O. I. (1969). Istoriya nemetskogo yazyka (na nemetskom yazyke) = History of the German language. Leningrad: Prosveshchenie. (In Russ.)
14. Geerts, G. et al. (1984). Algemene Nederlandse Spraakkunst. Nederland: Wolters Noordhoff bv Groningen, 810.
15. Pertsov, N. I. (2001). Invarianty v russkom slovoizmenenii = Invariants in Russian word-inflection. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 12. (In Russ.)
16. Rubtsova, S. Yu., Mikhailova, I. M. (2019). Durative Verbal Constructions in Modern Dutch. Tomsk State University Journal of Philology, 60, 82–94. (In Russ.)
17. Sassen, A. (1978). Hij is vissen / wezen vissen. Taalkundig bulletin van het Nederlands Instituut der Rijksuniversiteit Groningen, 39. (In NLD.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дренясова Татьяна Николаевна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

INFORMACION ABOUT THE AUTHOR

Drenyasova Tatiana Nikolajevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of Scandinavian, Dutch and Finnish Languages

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	23.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	29.01.2024	
	17.02.2024	

Юмор как традиция: современные тенденции развития британского ономастикона

Е. Ф. Косиченко

*Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
KosichenkoYF@mpei.ru*

Аннотация. В статье изучается текущее состояние британского ономастикона в части курьезных личных имен, фамилий и их сочетаний с целью выявления лингвистических и экстралингвистических причин, обуславливающих способность имени наполняться значением и создавать юмористический эффект. Исследование проведено на материале публикуемых в Сети данных об актуальных ономастических тенденциях с применением методов этимологического и лингвостилистического анализа, а также анализа активности подписчиков и гостей сайтов.

Ключевые слова: британский ономастикон, английский юмор, ономастические традиции, этимология имени собственного, омоним, модные имена

Для цитирования: Косиченко Е. Ф. Юмор как традиция: современные тенденции развития британского ономастикона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 123–129.

Original article

Humour as a Tradition: Current Trends in the British Onomasticon

Elena F. Kosichenko

*National Research University «Moscow Power Engineering Institute» (MPEI), Moscow, Russia
KosichenkoYF@mpei.ru*

Abstract. The paper sets out to analyze the part of contemporary British onomasticon which includes curious personal names, surnames and their combinations to reveal linguistic and extralinguistic reasons that prompt onyms to acquire meanings and create humorous effect. The undertaken research is based on data about most recent naming trends extracted from British websites, and uses the methods of etymological and linguo-stylistic analysis, as well as a survey of subscribers' activity.

Keywords: British onomasticon, English humour, onomastic traditions, etymology of proper names, homonymy, trendy names

For citation: Kosichenko, E. F. (2024). Humour as a tradition: current trends in the British onomasticon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 123–129.

ВВЕДЕНИЕ

Признавая, что английский юмор может показаться иностранцам несмешным и даже обидным, британцы, тем не менее, считают себя непревзойденными юмористами. Излюбленными шутками англичан являются каламбуры, иронические и саркастические комментарии, которые рассматриваются ими как проявление тонкого ума и свидетельство симпатии в адрес объекта насмешек. Полагая, что ключом к пониманию английского юмора является отказ от серьезного восприятия, прежде всего, самого себя, британцы особенно высоко ценят самоиронию и часто смеются над своими недостатками, оплошностями и над неловкими ситуациями, в которых оказываются [Fox, 2005].

Британский юмор в разнообразных формах его проявления (дружелюбные шутки, иронические и саркастические остроты, каламбуры) всегда привлекал внимание также российских исследователей. К наиболее актуальным вопросам, решаемым отечественными лингвистами в области британского юмора, можно отнести исследование его лингвокультурных характеристик, изучение и описание средств и способов создания комического эффекта, выявление роли юмора в различных типах дискурса (Е. С. Абаева, А. А. Габриелян, А. А. Горностаева, И. Г. Жирова, В. И. Карасик, др.).

Предметом для шуток британцы считают также личные имена и фамилии, доказательством чему служит большое число сайтов, блогов и форумов, на которых размещается информация о смешных именах, истории людей, вынужденных по причине оплошности или эксцентричности своих родителей носить такие имена, а также содержатся рекомендации по именованию новорожденных. Несмотря на то, что в отечественной ономастике вопросы, касающиеся происхождения и функционирования английских личных имен и фамилий хорошо изучены, нам не удалось обнаружить работ, где объектом изучения являются английские курьезные имена. В этой связи в настоящей статье проводится обзор британских сайтов, на которых публикуются данные о современных тенденциях в области именования и приводятся комментарии подписчиков с целью:

- 1) описать ту часть современного британского ономастикона, которая включает наиболее курьезные имена и ономастические тенденции;
- 2) выявить причины возникновения комических имен и установить особенности их функционирования.

СМЕХ И ЮМОР КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИНТЕРЕСА ВЕЛИКИХ БРИТАНЦЕВ

Исторически, именно британские философы и ученые сыграли решающую роль в изучении природы смеха и смешного. Основателем наиболее известной и авторитетной теории юмора, получившей впоследствии название теории превосходства (*superiority theory*), стал английский философ эпохи Возрождения Томас Гоббс. Отмечая любовь человека ко всему, что вызывает у него специфические реакции (изменение выражения лица, производство определенных телодвижений и звуков и др.), которые при этом сопровождаются чувством радости и некоторого торжества, Т. Гоббс подчеркивал, что именно чувство юмора отличает человека от других живых существ [Hobbes, 1650]. Двести лет спустя вопрос о физиологии смеха привлек внимание основоположника теории эволюции Ч. Дарвина, определившего смех как выражение счастья, проявленного в бесцельных и бессмысленных движениях, которые характерны также для людей, не имеющих возможности по причине слепоты или глухоты развить навыки выражения радости посредством подражания [Darwin, 1899].

Выказывая относительное единодушие по поводу пользы смеха как физиологического процесса, английские ученые обнаруживали некоторые расхождения во взглядах на причины, по которым люди смеются. Так, Т. Гоббс считал, что основной причиной смеха является возможность осознать свое превосходство над другими, свидетельством чему служит тот факт, что людей веселят не только удачные шутки и остроты, но также нелепости и непристойности, промахи, недостатки и абсурдное поведение других людей, в том числе разнообразные ситуации унижения. Желание смеяться над собой Т. Гоббс также объяснял чувством превосходства, которое человек испытывает по отношению к себе самому в некоторых прошлых ситуациях. Условиями удачной шутки Т. Гоббс называл ее новизну и неожиданность [Hobbes, 1650].

Английский философ и социолог Г. Спенсер создал целостную теорию комического, согласно которой источниками смеха выступают, во-первых, несообразность (*incongruity*) некоторой ситуации, во-вторых, чувство удовольствия, переживаемое человеком, способным распознать ее абсурдность. Отчасти разделяя взгляды Т. Гоббса, Г. Спенсер ставил под сомнение утверждение своего предшественника о том, что смех может быть вызван чувством удовольствия, возникающего при виде унижений других людей, и замечал, что существуют формы унижения, не способные вызвать смех. Создавая свою теорию комического, Г. Спенсер

учитывал не только физиологию смешного, его социальную и психологическую значимость, но также подробно рассматривал особый тип юмора, основанный на языковой игре, полагая, что хороший каламбур вызывает смех в результате умственной способности человека сопоставлять языковые значения [Spencer, 1859].

Заметный вклад в изучение смешного внес Ч. Дарвин, уделивший внимание как физиологии смеха, так и его социальным, психологическим и геокультурным аспектам. В частности, Ч. Дарвин отмечал, что причины для смеха варьируются в зависимости от конкретных условий, например, от возраста, поэтому смех взрослых людей в большинстве случаев отличается от смеха детей или людей с особенностями развития. Интересно наблюдение Ч. Дарвина о том, что смех не может быть вызван крайне радостным судьбоносным событием (например, неожиданно свалившимся на бедняка по завещанию большим состоянием), а только не слишком значительным происшествием. В геокультурном отношении обращают на себя внимание замечания Ч. Дарвина об универсальных и культурных проявлениях юмора. С одной стороны, независимо от культуры люди умеют улыбаться, смеяться, хохотать до слез и т. д.; во всех культурах смех часто используется, чтобы скрыть чувства гнева, стыда или застенчивости. С другой стороны, культура накладывает заметные ограничения на интенсивность смеха и определяет характер сопутствующих телодвижений, поэтому в Австралии люди могут радостно хохотать, прыгать, хлопать в ладоши и причмокивать, жители верховья Нила часто от удовольствия потирают животы, гренландцы втягивают воздух с определенным звуком [Darwin, 1899].

Особое место в исследованиях юмора, проводимых британцами, принадлежит английским драматургам эпохи королевы Елизаветы I Бену Джонсону, который считается создателем жанра бытовой комедии и первым теоретиком юмора в области драматургии, и Уильяму Шекспиру, использовавшему разработанное Б. Джонсоном понятие «юмор» (humour) для обозначения различных темпераментов. Теория юмора Б. Джонсона строится, в том числе на его знаниях о привычках англичан, получающих удовольствие от всего неординарного, причудливого или экстравагантного. Шекспировский юмор – это результат, прежде всего, игры ума, интеллектуальной способности человека порождать искрометные шутки, остроты и каламбуры.

Тот факт, что именно британскими философиями, учеными и драматургами был сделан решающий вклад в разработку единой теории юмора, свидетельствует, на наш взгляд, о характере британцев как нации чудаков и юмористов.

РАЗВИТИЕ БРИТАНСКОГО ОНОМАСТИКОНА. ЭТИМОЛОГИЯ vs ОМОНИМИЯ

Возникновение личных имен было обусловлено необходимостью не только индивидуализировать именуемый объект, но также приписать ему некоторые желательные характеристики или отразить его сущностные свойства. И, хотя происхождение некоторых личных имен невозможно проследить, исторически все они являются отапетлятивными единицами языка. До середины XI века на Британских островах употреблялись преимущественно староанглийские имена, общее число которых было большим. Как и другие германские племена, англосаксы, как правило, имели по одному имени, которое могло состоять из одного, двух или даже трех компонентов. Второй компонент сложных имен являлся показателем рода и в мужских именовании был представлен существительными мужского рода (*hafoc* – ‘ястреб’; *helm* – ‘защита’, ‘покрытие’; ‘шлем’, ‘защитник’, ‘покровитель’; *man* – ‘человек’, ‘муж’, ‘герой’), в женских – существительными женского рода (*guth* – ‘бой’, ‘битва’, ‘война’; *henn* – ‘курица’) [Britannica, 1994, с. 736]. Примерами дошедших до нашего времени англосаксонских личных имен являются имена *Alfred, Edgar, Edmund, Ethelbert, Hilda*, а также образованные от личных имен фамилии *Go(o)dwin, Irwin, Baldwin Oswald, Osmond, Osgood, Bobb, Dodd, Hudd*.

В результате Нормандского завоевания и христианизации практически все англосаксонские имена вышли из употребления, уступив место нормандским (*Hugo, Ralf, William*) и библейским (*Adam, Eve, Ruth*) именам. В новой истории источником английских личных имен стали литература, кино и попкультура. Так, имена *Rosalind, Olivia, Portia, Juliet, Cordelia* вошли в употребление, благодаря произведениям У. Шекспира, имена *Pamela, Clarissa* пришли из произведений С. Ричардсона, имя *Amelia* приобрело известность благодаря Г. Филдингу, а имя *Leila* – Байрону. Популярными в тот или иной исторический период были имена, образованные от иностранных фамилий (*Clifford, Dudley*), от названий драгоценных камней (*Beryl, Ruby*), положительно окрашенных слов (*Happy, Joy*), названий цветов и растений (*Daisy, Flora*). Как и в других христианских культурах, в английской традиции многие женские имена происходят от мужских (*Joan, Jane*) [Гарагуля, 2002; Успенский, 1994; Hanks, 1990; Wilson, 1998].

В XI веке во многих европейских странах сложилась традиция давать индивиду помимо личного имени также фамилию, что было связано с необходимостью письменной регистрации

населения. Большинство английских фамилий образовывались от названия локаций, профессий, личных имен и прозвищ или были заимствованы из других языков (Е. О. Леонович, Л. М. Щетинин, J. Gardner, S. Wilson). Так, английскими фамилиями, образованными от географических названий, являются фамилии *Norton, Kirby*; от особенностей ландшафта произошли фамилии *Felder, Bridger*; от личных имен образовались фамилии *Goodwin, Peters, Wilkins*; названия профессий дали жизнь фамилиям *Cooper, Tailor, Smith*; отпрозвищными фамилиями являются *Bull, Fox*; фамилии *Freeman, Squire* отражали положение человека в обществе.

По мере распространения и закрепления родовых именованных в английском языке складывались модели, в соответствии с которыми осуществлялось образование значительной части британских фамилий. Продуктивной оказалась модель, вторым компонентом которой выступают обобщенные названия локаций, как, например, *-ton (town)* или *-ham (home)* – *Hilton, Cunningham*. Британский ономастикон обширно представлен фамилиями шотландского, ирландского и нормандского происхождения, образованными от мужских имен при помощи аффиксов: постфикса *-son / -on* в фамилиях *Richardson, Johnson*; префиксов *Mac-* (*гаэл. mac* – сын), *-O* (*гаэл. потомок*), *Fitz-* (*норманд. fils* – сын) в фамилиях *MacDonald, O'Henry, Fitzherbert* и др. (Е. О. Леонович, Т. А. Комарова, С. И. Гарагуля, R. McKinley).

Таким образом, с точки зрения истории все имена собственные являются отапеллятивными единицами языка, этимологию которых в большинстве случаев можно проследить по справочникам, словарям, юридическим документам. По причине частого использования в повседневной жизни имена воспринимаются как семантически пустые знаки, выполняющие преимущественно реферативную функцию, однако при определенных условиях (в период исторических перемен, в произведениях художественной литературы, в ироническом контексте) вновь наполняются содержанием и рассматриваются как характеристики своих носителей [Щетинин, 1996; Fowler, 2012].

Подчеркнем, что далеко не всегда имена собственные этимологически соотносятся с теми апелляциями, связь с которыми кажется очевидной современным носителям языка. Дело в том, что с течением времени имя собственное и давшее ему жизнь имя нарицательное могут претерпеть фонетические и морфологические изменения и более не напоминать друг друга своим звучанием, при этом в своем современном состоянии имя собственное может быть омонимичным слову, к которому оно не привязано исторически. Безусловно, данное различие, важное для лингвиста,

нерелевантно для носителей культуры, которые с удовольствием сочиняют ономастические загадки и каламбуры, приписывая им значения, которые в действительности с ними не связаны. Приведем примеры нескольких таких загадок-каламбуров, взятых нами с сайта «129 самых смешных имен для новорожденных девочек и мальчиков» (*Top 129 Funny Baby Names for Girls & Boys*)¹.

I used to date a girl named Ruth but she broke up with me and now I am Ruthless. – *Букв.:* Раньше я встречался с девушкой по имени Рут, но мы расстались и теперь я безжалостен.

Имя *Ruth* имеет библейское происхождение, образовано от древнееврейского *подруга* и созвучно слову *ruthless (безжалостный)*².

What do you call a guy who loves exercising? – Jim. – *Букв.:* Как зовут человека, который любит заниматься физкультурой? – Джим.

Имя *Jim* происходит от древнееврейского *James / Jacob* в значении «тот, кто идет по пятам» и созвучно слову *gym (спортзал)*.

Таким образом, в английском языке имена часто становятся основой шуток, загадок, каламбуров, др. Далее мы обратимся к нескольким англоязычным сайтам с целью установить, какие именно имена собственные и ономастические тенденции кажутся смешными современным британцам.

НАД ЧЕМ СМЕЮТСЯ СОВРЕМЕННЫЕ БРИТАНЦЫ

Поисковый запрос по исследуемой тематике дал достаточно много результатов, что свидетельствует о высоком интересе со стороны носителей английского языка к проблеме выбора имен. Некоторые из просмотренных нами сайтов содержат аналитику, касающуюся иностранных имен, звучание которых становится предметом насмешек и иронических комментариев со стороны носителей английского языка, однако случаи такого рода не исследуются нами. Далее мы сосредоточимся на смешных именах и тенденциях британского ономастикона, рассмотрим наиболее нелепые, по оценкам самих британцев, английские имена, фамилии и их сочетания, проанализируем реакции подписчиков на шутки ведущего одной британской программы, где обсуждаются комичные именованные людей.

¹URL: <https://www.boredpanda.com/name-jokes/>

²Этимологические значения приводятся по: [Рыбакин, 2000].

В статье *7 Funniest Surnames in the UK that Actually Exist*¹, опубликованной в британском сетевом журнале для иностранных студентов *Great British Mag*, названы семь наиболее комичных фамилий. В статье справедливо отмечается, что, как и личные имена, фамилии могут входить в употребление и выходить из него, и, если в прошлом можно было встретить британцев с забавными фамилиями *Bread* (Хлеб), *Hatman* (Шляпник), *Chips* (Картофель), то со временем эти фамилии стали большой редкостью. К наиболее смешным и часто встречающимся сегодня фамилиям авторы относят, например, фамилию *Gotobed* (от *англ.* go to bed – лечь спать). Первое упоминание данной фамилии обнаружено в записях, датированных 1269 годом, ее возникновение объясняется желанием людей, имевших в собственности такую редкую вещь, как кровать, похвастаться. Далее следует фамилия *Onions* (от *англ.* onion – лук), вошедшая в британский ономастикон в 1279 году и изначально принадлежавшая производителям лука. Кроме того, приводятся примеры фамилий, утративших по причине фонетических изменений связь с апеллятивом и увязываемых современными носителями английского языка с другими, неродственными, словами. Так, фамилия *Nutter* (созвучно *англ.* nutter – глупец, сумасшедший) изначально имела форму *Notere* и *Nothard* и, возникнув в Йоркшире и Ланкашире, принадлежала местным клерками и скотоводами, соответственно. Шотландская фамилия *Smellie* (созвучно *англ.* smelly – вонючий), в действительности происходит от шотландского слова со значением «улыбка», и на сегодняшний день эту фамилию носят около 400 жителей Великобритании. Многие британские фамилии содержат компонент *bottom* (*низ, дно, зад*), исторически указывающий на факт проживания своих первых носителей в низинах, и могут казаться смешными в определенных сочетаниях (*Shufflebottom*, *Winterbottom*). Фамилия *Hardmeat* (омонимичная словосочетанию *hard meat* – жесткое мясо) этимологически не связана с профессией мясника, поскольку происходит от местечка *Hardmead* в Англии. Закрывает список самых смешных, с точки зрения авторов статьи, английских родовых именований фамилия *Greedy* (омонимично *англ.* greedy – жадный), зародившаяся в Ирландии и имевшая несколько вариантов написания, например, *O'Grady*, *Gready*, *Graydie* и др.

Достаточно часто информацию о смешных именах и нелепых тенденциях именования публикует британская ежедневная газета *Mail*. Так, в статье 2006 года *Smellies and Bottoms named in*

¹URL: <https://greatbritishmag.co.uk/uk-culture/seven-funniest-surnames-uk-that-exist/>

*surname list of shame*² представлен целый список фамильных онимов, которые веселят британцев. Открывает данный список фамилия *Cock*, омонимичная, несмотря на иную этимологию³, английскому слову *cock*, одним из значений которого является вульгарное название мужского полового органа.

Не менее популярна среди британцев тема смешных личных имен. На сайте *121 Hysterically Funny Boy names for Your Baby*⁴ содержатся некоторые советы о том, как следовало называть новорожденных мальчиков в 2022 году. Чтобы не навредить детям неприятности, родителям было рекомендовано избегать имени *Glen* (созвучно *англ.* glen – долина), не называть их именами диктаторов и не давать им птичьих имен. Поскольку модными в 2022 году были клоунские имена (*Clown names*), в статье приведен список из 17 онимов, среди которых, в частности, *Buffo* (*Буйвол*), *Chuckles* (*Хухикалка*), *Doodles* (*Болван*), *Pancake* (*Блин*) и др. Еще одним трендом 2022 года стало наречение мальчиков популярными женскими именами 1950-х годов, среди которых *Bonnie*, *Joyce*, *Linda*, *Martha*, *Nancy*, *Peggy*, др.

В статье 2023 г. *198 Worst Names Ever That'll Make You Wonder What Their Parents Were Thinking*⁵ (1.8 млн. просмотров) приводятся такие средства именования, как *Sam Sung* (301), *Mr Perv* (248), *Saad Maan* (247), *P. Ennis* (230), *Chris P. Bacon* (225), *Hitler Mussolini* (210), *Donald Duck* (90)⁶ – всего 197 имен, среди которых встречаются также нецензурные словосочетания⁷.

Тема комичных имен собственных не исчерпывается приведенным в данной статье материалом, и, возможно, в ближайшем будущем британцы будут смеяться над именами, которые сегодня являются модными. В частности, в статье *Baby Names Trends: The Top Boy Names of 2023*⁸ даются рекомендации относительно того, какие имена подойдут детям рожденным в 2023 году. Не пы-

²URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-402920/Smellies-Bottoms-named-surname-list-shame.html>

³По разным данным фамилия *Cock* могла прийти из датского и исторически принадлежать людям, занимавшимся приготовлением еды, или быть связанной с валлийским *coch* – красный.

⁴URL: *121 Hysterically Funny Boy Names for Your Baby* – Dingle Dangle Baby Gift Set

⁵URL: https://www.boredpanda.com/funny-unfortunate-names/?utm_source=google&utm_medium=organic&utm_campaign=organic

⁶В скобках приводится число реакций подписчиков, посчитавших имя смешным.

⁷*Sam Sung* (название корейского производителя техники), *Mr Perv* (извращенец), *Saad Maan* (садист), *P. Ennis* (слитно: пенис), *Chris P. Bacon* (слитно: хрустящий бекон), *Hitler Mussolini* (имена двух тиранов), *Donald Duck* (имя персонажа мультсериала).

⁸URL: <https://nameberry.com/blog/baby-name-trends-the-hottest-name-trends-of-2023>

таясь оценить новые тренды и отдельные имена с точки зрения их потенциального эмоционально-го воздействия на носителей английского языка, назовем те из них, которые представляются нам наиболее любопытными. Главной тенденции 2023 года авторы называют стремление современных родителей наделить своих детей именами, ассоциируемыми с понятиями «имидж», «идентичность», «ценности», в связи с чем в моде уникальные (maximalist) имена (*Amadeus, Astrophel, Cassiopeia, Cleopatra, Draco, Venus, Wolfgang*), имена, популярные в XX веке (*Billie, Eddie, Julie, Robin, Suzy*), «позолоченные» (gilded) имена (*Apollo, Aura, Glow, Sterling, Sovereign, Sunshine*), новые ковбойские (neo-cowboy) имена (*Brando, Wilder, Walker*), адекватные имена (*Brave, Devine, Glorious, Lucky, Lovely*), имена для девочек, которые носили их бабушки (*Andie, Frankie, Bobbie*) и т. д.

Обобщая изложенное, отметим, что, несмотря на свою выраженную эксцентричность, современные имена и ономастические тенденции следуют исторически сложившейся практике наречения с целью приписать объекту именования некоторые характеристики, и если на данном историческом этапе имя звучит как модное и возвышенно, то по прошествии времени может восприниматься как нелепое.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как и ономастиконы других культур, британский ономастикон неоднороден и представлен

разнообразными средствами именования людей, которые могут быть систематизированы на основании большого числа признаков. При том, что имена отличаются по способу и цели именования, по этимологии и источнику происхождения, по времени образования, выполняемым функциям и т. д., можно выделить признак «характер воздействия», позволяющий говорить об именах относительно нейтральных, с одной стороны, и аффективных – с другой. Нейтральными или аффективными (например, смешными или устрашающими) в определенный исторический период могут быть как личные имена, так и фамилии. Комичные имена собственные, т. е. имена, воспринимаемые носителями языка как таковые, составляют заметную часть британского ономастикона. Причины возникновения таких имен могут быть лингвистическими, когда в результате дивергентных процессов в языке имя собственное отделяется от апеллатива, с которым оно связано этимологически, и сближается по своему звучанию с другим словом, и / или экстралингвистическими, когда, следуя моде, родители нарекают детей необычными именами. Обращение к сайтам, размещающим статистику по забавным именам и реакции подписчиков, позволяет говорить, во-первых, о том, что британцы с удовольствием смеются над абсурдными именами, во-вторых, о том, что данная часть британского ономастикона является интересной для дальнейших исследований как с позиций ономастики, так и в рамках англоязычного юмористического дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fox K. *Watching the English. The hidden rules of English behavior*. London: Hodder, 2005.
2. Hobbes T. *On Laughter, Wit and Power*. *On Human Nature*. 1650. URL: <https://cuny.manifoldapp.org/read/untitled-71c25fb1-d3a9-4b0f-bcfb-a7041d5aad1/section/052b69cf-cf6f-4350-a328-ea40ac8b2608>
3. Darwin Ch. *The expression of emotions in man and animals*. New York: D. Appleton and Company, 1899. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1227/1227-h/1227-h.htm#link2HCH0008>
4. Spencer H. *On the physiology of laughter*. 1859. URL: <https://www.everywritersresource.com/on-the-physiology-of-laughter-by-herbert-spencer/>
5. *The New Encyclopedia Britannica*. In 32 vols. Vol. 24. Encyclopaedia Britannica, 1994.
6. Гарагуля С. И. *Английское личное имя как объект изучения языка, истории и культуры*. Белгород: изд-во Белгородской государственной технологической академии строительных материалов, 2002.
7. Успенский Л. В. *Ты и твое имя*. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1994.
8. Hanks P., Hodges F. *A Dictionary of first Names*. Oxford – N.Y: Oxford University Press, 1990.
9. Wilson S. *The Means of Naming: A Social and Cultural History of personal Naming in Western Europe*. London: UCL Press, 1998.
10. Щетинин Л. М. *История и имена*. Ростов-на-Дону: Министерство внутренних дел РФ, 1996.
11. Fowler A. *Literary Names: Personal Names in English Literature*. Oxford: Oxford University Press, 2012.
12. Рыбакин А. И. *Словарь личных имен: 4000 имен*. М.: Русский язык, 2000.

REFERENCES

1. Fox, K. (2005). *Watching the English. The hidden rules of English behavior*. London: Hodder.
2. Hobbes, T. (1650). *On Laughter, Wit and Power. On Human Nature*. <https://cuny.manifoldapp.org/read/untitled-71c25fb1-d3a9-4b0f-bcfb-a7041d5aadb1/section/052b69cf-cf6f-4350-a328-ea40ac8b2608>
3. Darwin, Ch. (1899). *The expression of emotions in man and animals*. New York: D. Appleton and Company. <https://www.gutenberg.org/files/1227/1227-h/1227-h.htm#link2HCH0008>
4. Spencer, H. (1859). *On the physiology of laughter*. <https://www.everywritersresource.com/on-the-physiology-of-laughter-by-herbert-spencer/>
5. *The New Encyclopedia Britannica* (1994). In 32 vol. Vol. 24. Encyclopaedia Britannica.
6. Garagulya, S. I. (2002). *Anglijskoe lichnoe imya kak ob'ekt izucheniya yazyka, istorii i kul'tury = English given names in context of language history and culture*. Belgorod: izd-vo Belgorodskoj gosudarstvennoj tekhnologicheskoy akademii stroitel'nykh materialov. (In Russ.)
7. Uspenskij, L. V. (1994). *Ty i tvoe imya = You and your name*. Volgograd: Nizhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)
8. Hanks P., Hodges F. (1990). *A Dictionary of first Names*. Oxford – N.Y: Oxford Univ. Press.
9. Wilson, S. (1998). *The Means of Naming: A Social and Cultural History of personal Naming in Western Europe*. London: UCL Press.
10. Shchetinin, L. M. (1996). *Istoriya i imena = History and names*. Rostov-na-Donu: Ministerstvo vnutrennikh del RF. (In Russ.)
11. Fowler, A. (2012). *Literary Names: Personal Names in English Literature*. Oxford: Oxford University Press.
12. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar' lichnyh imen: 4000 imen = Dictionary of English personal names: 4000 entries*. Moscow: Russky yazyk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики
Национального исследовательского университета «МЭИ»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosichenko Elena Fedorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate professor
Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics
National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Статья поступила в редакцию	22.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	28.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	15.02.2024	accepted for publication

Мотивация и проблема выбора во вторичной номинации

Ю. И. Петракова

*Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь
juliapetrakova0887@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности выбора мотивировочных признаков единиц, участвующих во вторичной номинации. Материалом исследования выступают лексические единицы немецкого языка – наименования орудий труда, а также их словообразовательные и семантические дериваты. С помощью методов компонентного и трансформационного анализа определяются признаки производящих баз, профилируемые в словообразовании и семантической деривации. Устанавливается принципиальное сходство данных способов вторичной номинации при выборе семантических признаков.

Ключевые слова: вторичная номинация, словообразование, семантическая деривация, мотивация, семантический признак

Для цитирования: Петракова Ю. И. Мотивация и проблема выбора во вторичной номинации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 130–136.

Original article

Motivation and Problem of Choice in Secondary Naming

Julia I. Petrakova

*Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus
juliapetrakova0887@gmail.com*

Abstract. The article highlights the patterns of choice of the motivating features of the items involved in the secondary naming. The research data are lexical units of German – names of tools, as well as their word formation and semantic derivatives. Using the methods of component and transformation analysis, the characteristics of underlying bases are determined, profiled in word formation and semantic derivation. The basic similarity of these ways of secondary naming in the choice of semantic features is revealed.

Keywords: secondary naming, word formation, semantic derivation, motivation, semantic feature

For citation: Petrakova, J. I. (2024). Motivation and problem of choice in secondary naming. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 130–136.

ВВЕДЕНИЕ

Природа связи имени и именуемой сущности является одним из древнейших вопросов философии и языкознания (достаточно упомянуть, например, теории фюсей и тесей, диалог Платона «Кратил», представления о связи имени и вещи в конфуцианстве и даосизме и т.д.). Аристотель отмечает, что между именем и вещью есть промежуточное звено – так называемые «движения души», или некоторые представления об именуемом объекте [прив. по: Johansen, 2012]. Те мыслительные процедуры, которые сопровождают создание имени, получили подробное описание в современных ономастических исследованиях Б. А. Серебренникова, И. С. Торопцева, Ю. А. Адливанкина, Е. С. Кубряковой, П. Штекауэра, А. Оныско, Р. Бенчес и др.

НОМИНАЦИЯ И ВЫБОР

Глубокий анализ номинативного процесса позволил установить, что порождению нового наименования предшествует описание идеального содержания – тех логических предикатов (ноэм), а также чувственных представлений и состояний, которые носитель языка связывает с пока не названным объектом познания [Торопцев, 1984; Štekauer, 2005]. Далее из имеющегося семантического материала вычленяется один или несколько признаков, важных для именуемого субъекта непосредственно в момент номинации, – тем самым создается семантическая основа наименования [Адливанкин, 1986].

Следующий этап номинации уже можно назвать формальным, поскольку пользователь языка переходит к поиску языковых форм, пригодных для обозначения создаваемого сигнификата. Данную процедуру П. Штекауэр образно назвал «сканированием» ментального лексикона [Štekauer, 2005, с. 216]: именующий субъект обращается к существующим языковым единицам как источнику создания новых наименований. В результате такого «сканирования» осуществляется и выбор конкретного способа номинации – словообразования или семантической деривации. Различия данных номинативных процедур определяются их маркированным или немаркированным характером: если словообразование предполагает создание формально нового слова при помощи имеющихся языковых элементов, то семантическая деривация ведет к трансформации содержательной стороны исходного языкового знака без изменения его формы. Таким образом, номинативную потребность от собственно нового имени отделяют ряд когнитивных операций, и можно согласиться

с Т. А. Шикановой в том, что создаваемое наименование представляет собой продукт множества актов глубинной предикации, которые, в свою очередь, определяют и выбор звуковой оболочки для именуемого объекта [Шиканова, 1994].

При поиске адекватной языковой формы для нового наименования именующий субъект, как правило, стремится к опоре на связь между уже поименованными сущностями и тем знанием, которое пока не названо [Серебренников, 1970]. Найденная связь получает отражение в мотивированности порождаемого наименования и имеет ряд когнитивных преимуществ для пользователя языка. Они связаны с запоминанием, хранением и интерпретацией лексических единиц. Вместе с тем мотивированность производного слова указывает и на то, каким образом исходное значение производящей базы может быть «повернуто» в том или ином акте номинации [Кубрякова, 2012, с. 26], поскольку при порождении нового наименования говорящий фокусируется на определенных «активных зонах», или областях, исходного концепта [Onysko, 2010, с. 247], см. также [Fauconnier, 1994; Fauconnier, Turner, 2002]. Так, в немецком композите *die Schießbude* ‘тир’, *досл.* ‘палатка для стрельбы’ активируется локативный компонент значения производящей единицы *die Bude* (*палатка*), т. е. производная единица обозначает место, *где* стреляют. В композите *die Schießwaffe* ‘стрелковое, огнестрельное оружие’ на первый план выходит инструментальная характеристика объекта *die Waffe* ‘оружие’: оружие *для* стрельбы¹ [Eichinger, 2000]. Важно подчеркнуть, что мотивировочные признаки могут занимать различное место в структуре лексического значения производящей единицы и входить в ее интенционал, импликационал и даже неимпликационал (подробнее о семантической типологии мотивировочных признаков см. [Kharitonchik, 1998]).

Таким образом, когнитивная значимость мотивированности состоит в возможности «проследить, что наследуется производным словом из лексических значений его производящей базы» и тем самым установить, к каким элементам знания об окружающем мире обращается человек при создании имен [Харитончик, 2015, с. 188]. Избирательная активация тех или иных свойств исходного референта, также обозначаемая как профилирование, отражается в деривационной выделенности одних семантических признаков и невостребованности других компонентов значения производящей базы [Ирисханова, 2007; Будникова, 2016].

¹ О влиянии семантики определяемого на выбор определителя в сложных словах см., например: [Onysko, 2010].

Существование двух способов вторичной номинации определяет следующий этап анализа механизма селекции, действующего в номинативном процессе, и обуславливает вопрос о том, каким образом распределяются профилируемые семантические признаки одних и тех же производящих баз, участвующих и в словообразовании, и в семантической деривации.

ПРОФИЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

На материале наименований орудий труда немецкого языка было установлено, что из 72 единиц, составляющих, по данным словаря Ф. Дорнзайфа [Dornseiff, 2004], указанный лексический класс, 26 наименований выступают в роли источников номинации для словообразования и семантической деривации. Общее количество производных единиц составило 975 наименований (914 словообразовательных производных и 61 вторичное значение). С помощью компонентного анализа в его дефиниционной версии, а также трансформационного анализа были выделены основания семантических связей между производящими и производными единицами, что позволило определить профилируемые компоненты лексического значения исходных наименований. Так, при порождении вторичного значения *die Schippe* 2. 'длинный ноготь' < 1. 'лопата' именуемый субъект фокусируется на внешнем виде исходного объекта: форма ногтя действительно отчасти напоминает форму совка лопаты. В композите *das Brotmesser* 'хлебный нож, нож для хлеба' (< *das Messer* 'нож') происходит профилирование семантического компонента 'функция, предназначение'.

В результате сопоставления профилируемых компонентов было установлено их неравномерное распределение в словообразовании и семантической деривации. Прежде всего, необходимо отметить, что при порождении единиц посредством словообразования пользователь языка обращается к большему количеству семантических компонентов исходного наименования, нежели при образовании вторичных значений в семантической деривации. Данная закономерность прослеживается как на уровне отдельных лексических единиц, так и в границах всего лексического класса «Наименования орудий труда»: при образовании словообразовательных дериватов значимыми являются 10 семантических компонентов, в то время как семантическая деривация на базе исследуемых единиц осуществляется с опорой на 7 семантических компонентов (в таблице 1 выделены цветом те признаки, которые реализуются лишь в одном номинативном процессе).

Выбор ассоциативных оснований в словообразовании и семантической деривации в большинстве случаев совпадает: 7 из 10 профилируемых признаков являются общими для обоих способов номинации. При порождении словообразовательных и семантических дериватов от одних и тех же производящих баз пользователь обращается к таким компонентам лексического значения, как 'внешний вид' (*der Keil* 'клин' > *der Keilriemen* 'клиновидный ремень', 2. 'приспособление для фиксации колес в форме клина'), 'функция, предназначение' (*der Hobel* 'рубанок' > *der Schlichthobel* 'шлифтик (рубанок для чистового строгания)', 2. 'грейдер, струг'), 'способ перемещения' (*die Schere* 'ножницы' > *die Scherentreppe* 'складная лестница', 5. '(спорт.) в борьбе: захват соперника скрещенными ногами') и др.

Таблица 1

ПРОФИЛИРОВАНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ НАИМЕНОВАНИЙ ОРУДИЙ ТРУДА В СЛОВООБРАЗОВАНИИ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

№ п/п	Семантический компонент	Словообразовательные производные	Семантические дериваты
1	Функция, предназначение	+	+
2	Внешний вид	+	+
3	Звук	+	+
4	Материал	+	-
5	Конструктивные особенности (соотношение частей и целого)	+	+
6	Локативный признак	+	+
7	Объект воздействия	+	-
8	Способ перемещения	+	+
9	Социальный признак (оценка)	+	+
10	Темпоральный признак	+	-

Тот факт, что пользователь языка обращается к одним и тем же областям исходного концепта, независимо от деривационного механизма, свидетельствует о яркости и типичности определенных характеристик референта, а также их высокой значимости в практической деятельности человека.

Однако наряду с общими семантическими компонентами в словообразовании «подсвечиваются» такие свойства исходного референта, которые не могут выступать как основания связи в семантической деривации:

- **материал** (*der Nagel* 'гвоздь' > *der Eisennagel* 'железный гвоздь', *der Trog* 'корыто, бак' > *der Holztrog* 'деревянное корыто');
- **объект воздействия** – при профилировании данного компонента исходный концепт осмысливается не как инструмент, а как объект, на который направлено действие (*das Messer* 'нож' > *der Messerwerfer* 'метатель ножей', *der Nagel* 'гвоздь' > *der Nagelschmied* 'гвоздильщик (тот, кто изготавливает и обрабатывает гвозди)');
- **темпоральный признак** (*die Maschine* 'двигатель' > *die Maschinenstunde* 'машино-час (единица рабочего времени оборудования)', *das Maschinenzeitalter* 'век машин, век двигателей').

Неодинаковая востребованность семантических компонентов во вторичной номинации наблюдается и на уровне отдельного слова. Например, наименование *die Nadel* 'игла' выступает в качестве производящей базы для 35 наименований. Анализ результатов словообразования указывает, по меньшей мере, на пять активных зон исходного концепта.

1. Функция, или предназначение: *die Häkelnadel* 'вязальный крючок', *досл.* 'игла для вязания', *die Nähnaedel* 'швейная игла', *die Nadelarbeit* 'швейное рукоделие', *die Punktionsnaedel* 'мед. игла для пункции', *die Radiernaedel* 'игла для гравировки' – эти и подобные словообразовательные производные представляют иглу как инструмент для выполнения определенного действия.

2. Внешний вид. В производных наименованиях возможно двоякое профилирование данного семантического компонента. При установлении отношений сходства между именуемым и поименованным объектами форма и / или размер иглы используются как основание для сравнения: *die Eisnaedel* 'ледяной кристалл в форме иглы', *die Nadelchrift* 'мелкий, бисерный почерк', *die Seenadel* 'зоол. морская игла (*рыба, напоминающая по форме иглу*)'. При порождении гиперо-гипонимических рядов первый компонент композита уточняет

внешние характеристики иглы: *die Hohlnaedel* '(мед.) полая игла, канюля', *die Rundnaedel* 'закругленная игла'.

3. Конструктивные особенности: объект, обозначаемый исходной единицей, осмысливается с точки зрения его конститутивных частей (*das Nadelöhr* 'игольное ушко', *die Nadelspitze* 'острие иглы').

4. Локативный компонент. В словообразовательных производных, профилирующих данный семантический признак, *игла* предстает как объект, находящийся в отношении пространственной смежности с другими объектами: *der Nadelbehälter* 'контейнер для игл', *der Nadelbrief* 'бумажный конверт для игл', *das Nadelkissen* 'подушечка для игл'.

5. Объект воздействия: *die Nadelfeile* 'надфиль, досл. 'напильник для иглы', *der Nadler* 'игольщик'.

При порождении наименований с помощью семантической деривации осуществляется активация только такого семантического компонента, как **внешний вид** иглы: *die Nadel* 1. 'игла' > 2. 'язычок измерительных приборов'; 3. 'заостренная часть чего-л. (*спица, шпилька и т. д.*)'; 4. 'хвоя'.

Для большинства наименований орудий труда, участвующих в словообразовании и семантической деривации, характерно аналогичное распределение профилируемых семантических компонентов, при котором функциональная нагрузка способов номинации частично совпадает. Однако около 20 % исследуемых единиц демонстрирует реализацию совершенно разных компонентов. Так, наименование *die Schaufel* 'лопата' служит базой для 16 словообразовательных и пяти семантических дериватов. При этом в словообразовании основаниями связи являются такие компоненты значения, как:

- **конструктивные особенности** (*das Schaufelblatt* 'совок лопаты', *der Schaufelstiel* 'черенок лопаты');
- **функция, предназначение** (*die Kohlschaufel* 'лопата для угля', *die Tortenschaufel* 'лопатка для торта');
- **локативность** (*der Schaufelbagger* 'экскаватор, оборудованный ковшом', *der Schaufel-lader* 'погрузчик, оборудованный ковшом').

При порождении вторичных значений фокус внимания говорящего перемещается на форму, т. е. **внешний вид**, лопаты: *die Schaufel* 2. 'передняя, загнутая вверх часть лыжи', 3. 'охот. распушенные перья на хвосте глухаря', 4. 'расширяющаяся часть рогов диких животных', 5. 'полотно весла', 6. 'лопасть винта'.

Таким образом, выбор оснований связи двумя ведущими деривационными механизмами может носить характер полной или частичной взаимодополнительности.

ЧАСТОТНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ
В ПРОЦЕССАХ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ (В %)

№ п/п	Семантический компонент	Словообразовательные производные	Семантические дериваты
1	Функция, предназначение	77,9	24,6
2	Внешний вид	4,2	31,1
3	Звук	0,1	1,6
4	Материал	4,4	-
5	Конструктивные особенности (соотношение частей и целого)	7,2	6,6
6	Локативный признак	2,3	4,9
7	Объект воздействия	0,8	-
8	Способ перемещения	2,8	16,4
9	Социальный признак (оценка)	0,1	14,8
10	Темпоральный признак	0,2	-
Итого		100	100

ВОСТРЕБОВАННОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ПРОИЗВОДЯЩЕЙ ЕДИНИЦЫ ВО ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

Анализ частотности семантических компонентов, профилируемых в словообразовании и семантической деривации, демонстрирует несовпадение приоритетов данных номинативных процессов (см. табл. 2).

Согласно полученным данным, в словообразовании на базе наименований орудий труда наиболее часто профилируется признак 'функция, предназначение' и служит основанием связи при порождении 77,9 % словообразовательных производных. Функциональные характеристики орудий труда в семантической деривации также отличаются достаточно высокой значимостью (24,6 % вторичных значений). Востребованность данного семантического компонента в процессах вторичной номинации объясняется, по-видимому, спецификой референтов исходных наименований. Орудия труда создаются человеком с определенной целью, вследствие чего «признак функции артефакта и объективно, и субъективно оказывается наиболее значимым», что проявляется в том числе в деривационной выделенности данного признака [Резанова, 1991]. Несмотря на это, при порождении наименований с помощью семантической деривации пользователь языка чаще всего обращается к **внешнему виду** исходного объекта, обозначаемого производящей единицей (31,1 % вторичных значений). В словообразовании данный семантический компонент реже используется в качестве основания связи

(4,2 % наименований). Аналогичные расхождения наблюдаются при опоре на такие компоненты значения, как 'способ перемещения', 'социальный признак (оценка)': данные аспекты знания об исходном объекте имеют большую значимость в семантической деривации, нежели в словообразовании (ср. 16,4 % и 14,8 % наименований соответственно, представленных вторичными значениями, и 2,8 % и 0,1 % словообразовательных производных).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несовпадение приоритетов при выборе оснований связи, вероятно, связано с преобладанием композитов среди исследуемых результатов словообразования в немецком языке. Именно словосложение позволяет пользователю языка конкретизировать функцию орудия труда за счет привлечения других лексических единиц в качестве одного из компонентов сложного слова. Семантическая деривация, как внутрисловный, немаркированный способ номинации, используется именуемым субъектом в том случае, когда параметры исходного объекта не имеют такого широкого диапазона вариаций, как функция: движения щипцов, винта или лезвий ножниц примерно одинаковы, равно как и внешний вид молотка, клина или гвоздя предопределяется их функцией и потому принципиально не изменяется. Вместе с тем в границах одного и того же лексического класса словообразование и семантическая деривация демонстрируют преобладающую изофункциональность при актуализации в значениях

производных единиц одних и тех же семантических компонентов. На наш взгляд, это свидетельствует как о глубинном сходстве данных способов

вторичной номинации, так и о важной роли определенных типов знания, к которым обращается homo nominans – человек именующий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Johansen K. T. *The Powers of Aristotle's Soul*. L.: Oxford University Press, 2012.
2. Торопцев И. С. Ономаσιологический аспект деривации и проблема интеграции деривационных форм // *Деривация и полисемия: межвузовский сборник научных трудов* / под ред. В. Г. Руделева. Тамбовский государственный педагогический институт. Тамбов, 1984. С. 24–44.
3. Štekauer P. Onomasiological approach to word-formation // *Handbook of word-formation* / ed.: P. Štekauer, R. Lieber. Dordrecht, 2005. P. 207–232.
4. Адливанкин С. Ю. Модели словообразовательного процесса и способы словообразования // *Деривация и семантика: слово – предложение – текст: межвузовский сборник научных трудов* / редкол.: гл. ред. Л. Н. Мурзин [и др.]. Пермский государственный университет. Пермь, 1986. С. 6–13.
5. Шиканова Т. А. Антропоцентризм семантических противопоставлений и деривационный потенциал лексики // *Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование*. Томск: Издательство Томского университета, 1994. С. 192–200.
6. Серебренников Б. А. *Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка*. М.: Наука, 1970.
7. Кубрякова Е. С. *Теория номинации и словообразование*. М.: URSS: Либроком, 2012.
8. Onysko A. Casting the conceptual spotlight: Hybrid compounding in German as an example of head-frame internal specifier selection // *Cognitive Perspectives on Word Formation* / eds.: A. Onysko, S. Michel. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2010. P. 243–300.
9. Fauconnier G. *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
10. Fauconnier G., Turner M. *The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books, 2002.
11. Eichinger L. M. *Deutsche Wortbildung: eine Einführung*. Tübingen: G. Narr, 2000.
12. Kharitonchik Z. A. Idiomaticity of Derived Lexical Units // *Proceedings of the XVI International Congress of Linguists*. Ed. V. Caron. 20-25 July 1997. Oxford: Pergamon, 1998. Paper No.0303.
13. Харитончик З. А. Семантика и прагматика лексических единиц в зеркале деривационных процессов // *В поисках сущности имен. Избранное: сборник научных статей*. Минск: МГЛУ, 2015. С. 185–198.
14. Ирисханова О. К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // *Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сборник научных трудов; отв. ред. Е.С. Кубрякова / РАН, Институт языкознания, Мин-во образ. и науки РФ, ТГУ им. Г. Р. Державина. М., 2007. С. 69–80.*
15. Будникова Е. И. Значимость семантических компонентов в структуре лексического значения : (на материале имен существительных современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2016.
16. Dornseiff: *der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. Berlin: W. de Gruyter, 2004.
17. Резанова З. И. Словообразующие возможности имени существительного // *Семантические вопросы словообразования: производящее слово* / М. Н. Яценецкая [и др.]; под ред. М. Н. Яценецкой. Томск, 1991. С. 165–215.

REFERENCES

1. Johansen, K. T. (2012). *The Powers of Aristotle's Soul*. London: Oxford University Press.
2. Toroptsev, I. S. (1984). Onomasiologičeskij aspekt derivatsii i problema integratsii derivatsionnyh form = Onomasiological aspect of derivation and the problem of integration of derivational forms. In Rudeleva, V. G. (Ed.), *Derivatsija i polisemija* (pp. 24–44). Tambov: Tambov State Pedagogical Institute. (In Russ.)
3. Štekauer, P. (2005). Onomasiological approach to word-formation. In Štekauer, P., Lieber, R. (Eds.), *Handbook of word-formation* (pp. 207–232). Dordrecht.
4. Adlivankin, S. Ju. (1986). Modeli slovoobrazovatel'nogo protsessa i sposoby slovoobrazovanija = Models of the process of word formation and means of word formation. In Murzin, L. N. (Ed.), *Derivatsija i semantika: slovo – predlozhenije – tekst* (pp. 6–13). Perm: Perm State University. (In Russ.)

5. Shikanova, T. A. (1994). Antropotsentrism semanticheskikh protivopostavlenij i derivatsionnyj potentsial leksiki = Anthropocentrism of semantic oppositions and the derivational potential of lexicon. In *Voprosy slovo- i formoobrazovanija v indoevropskikh jazykah: Semantika i funkcionirovanije* (pp. 192–200). Tomsk: Tomsk State Publishing house. (In Russ.)
6. Serebrennikov, B. A. (1970). *Obshchee jazykoznanije: Formy sushchestvovanija, funktsii, istorija jazyka* = General linguistics: Forms of existence, functions, history of language. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Kubryakova, E. S. (2012). *Teorija nominatsii i slovoobrazovanije* = Theory of naming and word formation. Moscow: Librokom. (In Russ.)
8. Onysko, A. (2010). Casting the conceptual spotlight: Hybrid compounding in German as an example of head-frame internal specifier selection. In Onysko, A., Michel, S. *Cognitive Perspectives on Word Formation* (pp. 243–300). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
9. Fauconnier, G. (1994). *Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Fauconnier, G., Turner, M. (2002). *The way we think. Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. New York: Basic Books.
11. Eichinger, L. M. (2000). *Deutsche Wortbildung: eine Einführung*. Tübingen: G. Narr.
12. Kharitonchik, Z. A. (1998). Idiomaticity of Derived Lexical Units. In Caron, B. (Ed.), *Proceedings of the XVI International Congress of Linguists (Paper No.0303)*. 20–25 July 1997. Oxford: Pergamon.
13. Kharitonchik, Z. A. (2015). Semantika i pragmatika leksicheskikh jedinit v zerkale derivatsionnykh protsessov = Semantics and pragmatics of the lexical units in the mirror of the processes of derivation. In *V poiskah sushchnosti imen* (pp. 185–198). Minsk: Minsk State Linguistic Publishing house. (In Russ.)
14. Iriskhanova, O. K. Kontseptual'nyj analiz i protsessy defokusirovanija = Conceptual analysis and processes of defocusing. In Kubryakova, E. S. (Ed.), *Kontseptual'nyj analiz jazyka: sovremennyje napravlenija issledovanija* (pp. 69–80). Moscow: Tambov State Publishing house. (In Russ.)
15. Budnikova, E. I. (2016). *Znachimost' semanticheskikh komponentov v structure leksicheskogo znachenija* = The relevance of semantic features in the structure of lexical meaning: text: abstract of PhD in Philology. Minsk. (In Russ.)
16. Dornseiff, (2004). *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen*. Berlin: W. de Gruyter.
17. Rezanova, Z. I. (1991). Slovoobrazujushchie vozmozhnosti imeni sushchestvitel'nogo = The potential of word formation of nouns. In Jantsenetskaja, M. N. (Ed.), *Semanticheskije voprosy slovoobrazovanija: proizvodjashchee slovo* (pp. 165–215). Tomsk. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петракова Юлия Игоревна

кандидат филологических наук
доцент кафедры теории и практики немецкого языка
Минского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrakova Julia Igorevna

PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of Theory and Practice of the German Language
Minsk State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Фразеологизмы с компонентом *голова* в китайском и русском языках

Чэнь Сыфань

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
1476098038@qq.com

Аннотация. В статье проведен лингвокультурный анализ китайских и русских фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом *голова*. В ходе исследования выявлены универсальные и лингвоспецифические характеристики соматического компонента *голова*. Сходство значений ФЕ с компонентом *голова* в сопоставляемых лингвокультурах объясняется вхождением этого соматизма в лексическое ядро языков, что обеспечивает семантическую соотносимость ассоциаций и способов метафоризации. Вместе с тем очевидна национально-культурная специфика оснований и способов метафоризации соматических компонентов ФЕ.

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматические фразеологизмы, соматический компонент *голова*, семантика, национально-культурное содержание, картина мира

Для цитирования: Чэнь Сыфань. Фразеологизмы с компонентом *голова* в китайском и русском языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 137–144.

Original article

Phraseological Units with the Component *Head* in Chinese and Russian

Chen Sifan

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
1476098038@qq.com

Abstract. The article is devoted to linguocultural analysis of Chinese and Russian phraseological unit with the component 'head'. In the course of the study, common and linguo-specific characteristics of the somatic component 'head' were identified. The similarity of the meanings of the phraseological unit under consideration in the compared linguocultures is largely explained by the fact that this somatism belongs to the lexical core of the languages, which provides semantic correlability of associations and methods of metaphORIZATION. At the same time, the national and cultural specificity of the bases and methods of metaphORIZATION is obvious.

Keywords: phraseological unit, somatic phraseologisms, somatic component *head*, semantics, national-cultural content, worldview

For citation: Chen Sifan (2024). Phraseological units with the component *head* in Chinese and Russian. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 137–144.

ВВЕДЕНИЕ

Любой язык обладает арсеналом языковых единиц, которые фиксируют его национально-культурную специфику. Отмечая национально-культурные особенности фразеологических единиц (далее ФЕ) языков, В. Н. Телия писала: «Фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Вместе с тем очевидно, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов, 1987, с. 7]. Интерес со стороны исследователей к изучению фразеологизмов с соматическим компонентом (далее СФ) в последние годы обусловлен повышением частотности их употребления носителями языка как в устной, так и в письменной речи. Актуальность заявленной темы обусловлена также тем, что СФ служит экспрессивным средством представления личностного смысла и, следовательно, усиливает эффективность коммуникативного воздействия. Кроме того, СФ во всех языках вариативны, и это повышает как частотность их использования, так и способность представлять более детальные смыслы.

По мнению исследователей, СФ относятся к одному из древнейших пластов фразеологии и потому составляют наиболее систематизированную и употребляемую часть фразеологизмов (Ф. О. Вакк, Л. Б. Воробьева, Гао Хан, Го Синь-и, А. А. Сидорова, С. В. Филиппова, Чжэн Гуанцзе, Чжу Хаожань, Янь Чэньсун и др.). В настоящей статье рассматриваются китайские и русские ФЕ с соматическим компонентом *голова* с целью выявления специфики представления культурно значимых понятий в сравниваемых лингвокультурах. Материал исследования извлечен из различных китайских словарей фразеологизмов¹; научной русской литературы, посвященной исследованию ФЕ [Караулов, 1987; Телия, 1996; Гак, 1998]. Общий объем исследуемых в статье фразеологических единиц – 30. Поскольку одни и те же соматические компоненты могут входить в состав разных типов китайских ФЕ, материал по группам не распределяется; напротив, акцентируются общие их семантические характеристики.

¹ Современный словарь. Институт языков и лингвистики Академии наук Китая. 7-е издание. Пекин: Коммерс-пресс, 2016; 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019; Большой китайско-русский словарь по русской графической системе: в 4 т. М.: Наука / гл. ред. восточной литературы, 1983–1984. URL: <https://bkrs.info>; Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. 3-е изд. М.: Русский язык, 1985–1988. URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013.

Согласно авторитетному толковому словарю русского языка, прямое значение лексемы *голова* таково: «голова – верхняя часть тела человека или животного, состоящая из черепной коробки и лица»²; переносные значения слова *голова* многочисленны: умственные способности, разум, сознание и многие другие.

В китайском языке слову *голова* соответствуют два одноморфемных иероглифа ‘头 / *тоу* (разговорное, часто с просторечной окраской) и ‘首 / *шоу* (книжное), но в современном языке более частотно разговорное употребление лексемы. К тому же, иероглиф 首 / *шоу* – *голова* и иероглиф 手 / *шоу* – *рука* являются фонетическими омонимами, что позволяет взаимозаменять их в повседневном общении. Иероглиф 头 / *тоу* в китайской фразеологии в основном обозначает часть тела, которая может находиться в различных физических состояниях. А иероглиф 首 / *шоу* – *голова*, по сравнению со иероглифом 头 / *тоу* – *голова*, реже встречается в значении «верхняя часть тела человека» 首身分离³ / *букв.*: ‘голова и тело отделены’, что означает «нести потери»: 刳腹折颐, 首身分离 (刘向 «*Войны*») / *букв.*: ‘животы распороты (внутренности вывернуты), и голова отделена от тела’ (*Планы Сражающихся Царств*). Данная ФЕ обычно используется для указания на огромные потери в жестокое бою, но в современных текстах используется для экспрессивного обозначения больших потерь и неудач в разных областях жизнедеятельности общества.

Значение иероглифа 首 / *шоу* часто подвергается метафоризации. Так, слово *голова* может означать:

1) признак лидерства, первенства, например, ФЕ 独占鳌头⁴ / *букв.*: ‘завладеть головой гигантской черепахи’ означает «занимать первое место, быть первым». В этом случае метафоризация как способ создания новых значений осложняется национально-культурной спецификой: в системе государственных экзаменов кэцзюй⁵ человек, занявший первое место на экзамене на степень цзиньши⁶, на приеме у императора стоял на ступеньке, на которой была вырезана голова гигантской черепахи. Черепаха в

²URL: <https://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>

³郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

⁴郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

⁵Государственные экзамены в императорском Китае – неотъемлемая часть системы конфуцианского образования, обеспечивавшая соискателям доступ в государственный бюрократический аппарат и социальную карьеру. Система кэцзюй просуществовала (с некоторыми перерывами) 1300 лет: от создания в 605 году (династия Суй) и до 1905 года (закат династии Цин).

⁶Цзиньши – высшая ученая степень в системе государственных экзаменов кэцзюй.

Древнем Китае связана с рядом символических содержаний, но прежде всего с образом мироздания, долговечностью, таинственной связью с миром богов. Таким образом, лучший на экзамене рассматривался как опора государственной власти, подчеркивалась его мудрость и духовная связь с мирозданием.

Содержание анализируемого ФЕ отражено, например, в таком контексте:

实践证明, 凡在市场上“独占鳌头”的企业和经济较发达的地区, 无不是“抢位”的好手(北京语言大学语料库中心)。– Букв.: Практика показывает, что и предприятия, занимающие доминирующее положение на рынке, и экономически развитые области умеют завладеть головой гигантской черепахи (... = стать первыми; Корпусный Центр Пекинского университета языка и культуры; далее – КЦ).

Та же идея первенства, лидерства реализуется в следующей ФЕ: 领头羊¹ / Букв.: ‘баран, идущий в голове стада’ в значении ‘лидер’:

不难看出, 雅思俨然成为留学类语言考试中的“领头羊”(文汇报)。– Букв.: Как видите, среди международных систем тестирования иностранных языков IELTS уже занял первое место, как баран, идущий в голове стада (... = стал лидером в этой области; газета «Вэньхуэй бао». 16.11.2005).

Представленное значение характерно и для ряда русских ФЕ с соматизмом *голова*: *городской голова*, *казачий голова*, *глава администрации*, *глава семьи* и под (*глава* – старославянская форма слова *голова*, имеет особую стилистическую окраску, позволяющую употреблять слово в официально-деловом стиле). ФЕ *сам себе голова / хозяин / господин* имеет значение «абсолютно независимый, самостоятельный человек». К выделенной группе можно отнести и следующие ФЕ: 首富² / Букв.: ‘голова богатства’, означающее «самый богатый человек в регионе» и употребляющееся как «главарь, лидер (как правило, преступной группы)». Та же сема «лидерство» лежит в основе переноса значения соматизма в следующей ФЕ: 罪魁祸首³ / Букв.: ‘голова всех преступлений и голова всех злодеяний’ в значении «главный виновник, главная причина (бедствия)»: «*ожирение, курение – головы (= главные причины) ускоренного старения человека (КЦ)*».

¹ URL: <https://bkrs.info>

² 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. (第7版). 北京: 商务印书馆, 2016

³ 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

Голова как **(2) начало события или действия** представлена в ФЕ 首当其冲⁴ / Букв.: ‘голова страдает первой’, что означает «находиться под первым ударом, первому пострадать»:

清晨, 敌人发动了进攻, 我连首当其冲(北京语言大学语料库中心)。– Букв.: Рано утром противник атаковал, и наша рота стала головой отряда, которая пострадала первой (КЦ).

В таком значении в русском языке слово *голова* в составе ФЕ не обнаружена.

Голова может выступать **(3) антонимом слова конец**, который обозначается иероглифом 尾 / *вэй* – *хвост*:

写作文须讲究首尾相应(百度汉语)。– Букв.: При написании нам необходимо соблюдать связность от головы до хвоста (*Байду Ханьюй*), т. е. от начала до конца.

首尾相应⁵ / Букв.: ‘увязка головы и хвоста’, что означает «координация, слаженность, согласованность». Такое противопоставление отмечено и в русском языке: *нумерация вагонов начинается с головы / хвоста поезда*.

Вместе с тем в русской лингвокультуре значительно чаще противопоставляются *голова* и *нога* как верхняя и нижняя точка тела человека, выражая самые различные значения:

голова ногам злодей
голова у ног ума не просит
дурная голова ногам покою не дает
где голова, там и ноги будут
по голове / Сеньке и шапка, по ноге и сапог
перевернуть с ног на голову
с головы до пят и т. п.

Особенно отчетлива разница в представлениях разных народов в ФЕ со значением «от начала до конца, целиком»: в китайском языке это 从头到尾⁶ / Букв.: ‘с головы до хвоста’, в русской ФЕ – *с головы до ног*.

Как видим, ассоциируясь с верхом как главенством / началом, теми или иными интеллектуальными способностями человека, лексема *голова* в составе фразеологизмов во взаимодействии с другими компонентами образует различные переносные значения, реализующиеся в устойчивой форме ФЕ. Так, ФЕ, включающие в себя соматизм *голова*, используются при описании

⁴ 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

разных **(4) действий или психологических состояний человека**: 回头 / букв.: 'повернуть голову назад', чаще используемое в переносном значении «раскаяться, образумиться, исправиться», не отмеченном у ФЕ в русском языке. В этом случае выражение утрачивает семантику, связанную со значением физической деятельности [Го Синь-и, 2004]. На основе словосочетания 回头 / повернуть голову назад образованы и другие китайские ФЕ: 走回头路 / букв.: 'идти по той дороге, которую можно видеть, когда поворачиваем голову назад', что означает «идти по пути регресса, вернуться на старый путь», например:

这个问题不解决好, 改革开放不仅难有大的动作, 甚至有可能倒退走回头路» (北京语言大学语料库中心). – Если эта проблема не будет решена, то политика реформы и открытости не только окажется неэффективной, но даже может пойти вспять (Корпусный центр Пекинского университета языка и культуры; <http://bcc.blcu.edu.cn>).

浪子回头金不换 / букв.: 'когда распутный сын поворачивает голову назад, это даже на меру золота не променяют', в значении «возвращается на праведный путь».

Словосочетание 点头 / кивать головой описывает одну из невербальных форм выражения согласия или одобрения как в китайской, так и в русской лингвокультуре. На базе этого словосочетания возникает ФЕ 点头称是¹ / букв.: 'кивать головой и одобрительно поддакивать', синонимичное невербальному компоненту коммуникации, означающее «выражать согласие или одобрение»:

他们都听得津津有味, 点头称是 (邹韬奋 «经历·再被羁押»). – Все слушали с жадностью и кивали головами в знак согласия (Цзоу Таофэн. Пережитое. Повторное заключение под стражу).

В русском языке тоже существуют ФЕ, в основе которого лежит жест указания: кивать (головой) на кого-либо – 'указывать, что виноват кто-либо другой; перекладывать ответственность на другого'. Поэтому значение китайского и русского устойчивых выражений, связанных с практически одинаковым невербальным компонентом (кивнуть головой), может существенно отличаться по значению. Нет совпадения и в других ФЕ, имеющих исходное прямое значение соматического компонента. Так, 焦头烂额² / букв.: 'обожженная голова и разбитый лоб' означает «попасть в трудную ситуацию, быть чрезмерно загруженным»:

想当年考得我焦头烂额 (北京语言大学语料库中心). – Букв.: Когда-то, во время экзаменов, у меня были обожженная голова и разбитый лоб (= я был чрезвычайно загружен. КЦ).

В русском языке соматический компонент *голова* возможен в свободном сочетании *седая голова*, семантика которого в китайском языке идиоматична: 满头白发³ / букв.: 'вся голова седая' означает «человек старый, преклонных лет»:

想当年风度翩翩的少年, 如今却已是满头白发 (北京语言大学语料库中心). – Букв.: Когда-то он был изящным молодым человеком, но теперь у него вся голова седая (... = но теперь он старик. КЦ).

В китайской фразеологии *седая голова* связывается с долголетием и старостью: 白头偕老⁴ / букв.: 'в мире и согласии дожить до седых голов' означает «сохранить супружескую верность до глубокой старости»:

爱情若是连朝夕相处的安稳都不可保证, 你如何说与我白头偕老 (北京语言大学语料库中心). – Букв.: Если ты даже сейчас не можешь быть верным в любви, как ты можешь быть уверенным, что доживешь со мной до седых голов (= до старости. КЦ).

白头蹉跎⁵ / букв.: 'человек с седой головой ходит шаркая означает 'пожилые немощные люди»:

«由于刘备体恤百姓, 大得人心, 所以他南逃的时候, 就连白头蹉跎的老人也愿意跟着他一起南逃⁶. – Лю Бэй был сострадательным к народу и получил полное его одобрение, так что когда он отправился на юг, за ним охотно пошли даже старики с седыми головами и шаркающей походкой (... = немощные старики).

С помощью ФЕ с компонентом *голова* можно точнее передать **(5) эмоции и чувства** человека. Спектр эмоций, которые отражаются такими СФ, позволяет выделить группы:

а) радость и счастье 摇头晃脑⁷ / букв.: 'моргать головой и мозгом' означает «с удовольствием, с радостью, уверенный, самодовольный»:

当下二人商定, 便站起来摇头晃脑的走了 (文康 «儿女英雄传»). – Букв.: Договорившись, оба они встали и ушли, мотая головами и мозгами (= ... ушли

³ URL: <https://bkrs.info>

⁴郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

⁵Там же.

⁶ URL: <https://baike.baidu.com/item/白头蹉跎/19859918>

⁷郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019..

¹郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

²Там же.

довольные и радостные. *Вэнь Кан. Сказание о до-
блестных людях*);

б) воодушевление **昂头挺胸**¹ / *букв.*: ‘поднять голову и выпячивать грудь’, что означает «душев-
ный подъем, воодушевление; держаться самоуве-
ренно»:

«姚志宏一会儿低着头，不停地眨眼，神情沮丧；
一会儿昂头挺胸，好似什么都没有发生» (文汇报). –
Букв.: Яо Чжихун иногда опускал голову и моргал
глазами, выглядев удрученным, а иногда поднимал
голову и выпячивал грудь (= ... держался самоуве-
ренно), как будто ничего не произошло (*Вэньхуэй
бао. 04.12.2003*);

в) страх и тревога **抱头鼠窜**² / *букв.*: ‘обхва-
тить голову и убежать, как мыши’, в значении «бе-
жать в панике, обратиться в бегство»:

众军被冰雹打得星落云散，抱头鼠窜 (施耐庵
《水浒传》). – *Букв.*: Попав под град огня, солдаты об-
хватили голову, убежали как мыши (= ... бежали в па-
нике) и вернулись на щите (*Ши Найань. Речные заводи*);

г) грусть и уныние **垂头丧气**³ / *букв.*: ‘пове-
сить голову и пасть духом’, что означает «быть
удрученным, впасть в уныние»:

«高考揭榜，别人家欢天喜地，自己孩子垂头丧气»
(文汇报). – Результаты вступительных экзаменов в
вуз были объявлены, другие дети радовались, но его
сын голову повесил и пал духом (...= впал в уныние.
Вэньхуэй бао. 27.04.2005).

В русском языке ФЕ с соматизмом *голова* тоже
могут быть репрезентантами общего эмоциональ-
ного состояния и конкретных эмоций и чувства
человека: *хоть головой об стену бейся* ‘выра-
жение отчаяния, бессилия из-за невозможности
что-либо сделать, изменить’, *хвататься за голову*
‘приходить в ужас, в отчаяние и т. п.’, *вешать голо-
ву* ‘приходить в уныние, в отчаяние’, *голова (идет)
кругом* ‘не способен соображать’ и многие др.

(6) В китайском языке существует множество
ФЕ с соматическим компонентом **头 / тоу – голо-
ва**, обозначающих **внешность человека**. Например,
肥头大耳⁴ / *букв.*: ‘толстая голова и большие уши’
в значении:

- а) «толстый, ожиревший»;
- б) «преуспевающий человек, богатей»:

忆往昔，瘦脸红唇小蛮腰。叹如今，肥头大耳五花
膘 (北京语言大学语料库中心). – *Букв.*: Это напоми-
нает мне о том, что раньше они были худыми. А те-
перь посмотрите, какие толстые головы и большие
уши (... = преуспевающие богатеи. *КЦ*).

蓬头垢面⁵ / *букв.*: ‘непричесанная голова и
грязное лицо’ означает «не обращать внимания на
внешний вид»:

整整奔波了12个小时。这时，一家人已“衣冠不整”
、“蓬头垢面” (文汇报). – *Букв.*: После 12 часов в пути
вся семья была неопрятно одета, с непричесанны-
ми головами и грязными лицами (... = вся семья не
обращала внимания на внешний вид. *Вэньхуэй бао.
07.05.2002*).

К выделенной группе (6) относится и ФЕ **灰头土
脸**⁶ / *букв.*: ‘голова в пепле и лицо в пыли’ в значении
«растрепанный, грязный»:

«要不是为了省那十块钱的公车费，她也不用在这样
的天气跑了四条街，搞得自己灰头土脸» (丁千柔 «
财女»). – *Букв.*: Если бы не желание сэкономить де-
сять юаней на автобусе, ей не пришлось бы бежать
по четырем улицам в такую погоду, посыпая пы-
лью голову и лицо (= растрепанной и грязной. *Дин
Цяньжоу. Богатая девушка*).

В. Г. Как отмечает, что голова – самая характер-
ная часть тела; когда мы смотрим на человека, то,
прежде всего, видим его голову, поэтому во мно-
гих языках слово *голова* метонимически обозна-
чает человека в целом [Как, 1998]. И в связи с этим
слово *голова* выступает (7) **носителем идей, взгля-
дов, духовных качеств человека**. В китайской фра-
зеологии можно выделить большую группу ФЕ, в
которых *голова* репрезентирует перечисленные
свойства человека. СФ этого типа могут представ-
лять как положительные, так и отрицательные ха-
рактеристики. К положительным относится **сме-
лость** **断头将军**⁷ / *букв.*: ‘полководец, который не
щадит своей головы’, что означает «смелый полко-
водец с несгибаемой волей»:

卿等无状，侵夺我州，我州但有断头将军，无有降
将军也 (陈寿 «三国志»). – *Букв.*: Это вы попирали су-
веренитет нашей страны, не сдержав своего слова.
На нашей территории (существуют) только полко-
водцы, которые не щадят своей головы (... = полко-
водцы с несгибаемой волей), а не предавшие страну
(*Чэнь Шоу. Записи о Трех царствах*).

¹郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

²Там же.

³Там же.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же.

⁷Там же.

В эту же группу включены ФЕ, репрезентирующие **гордость**: 昂然直入¹ / букв.: ‘вошел с высоко поднятой головой’, что означает «гордый, надменный»:

我心中有点嘀咕，但自然不能露怯，所以昂然直入 (倪匡 «废墟»)。– Букв.: Я в душе сомневался, но, естественно, не мог позволить себе выглядеть в этой ситуации дураком, поэтому вошел с высоко поднятой головой (= гордо. Ни Куан. Руины).

ФЕ представляют **невозмутимость** 头脑冷静² / букв.: ‘голова и мозг находятся в состоянии покоя’, что означает «хладнокровный, невозмутимый»:

面对困难甚至危险，头脑冷静、科学应对比什么都重要 (文汇报)。– Букв.: Перед лицом трудностей и даже опасностей важнее всего, чтобы голова и мозг оставались спокойными и реагировали рационально (= ... важнее всего оставаться спокойным. Вэньхуэй бао. 30.04.2003).

Отрицательные качества человека, например, **двуличность и неискренность** представлены в ФЕ 两头三面³ / букв.: ‘две головы и три лица’ означает «быть двуличным, неискренним»:

若是我，两三番，将他留恋，教人道后尧婆两头三面 (关汉卿 «蝴蝶梦»)。– Букв.: Если бы я настойчиво упрасивала его остаться, меня бы назвали мачехой с двумя головами и тремя лицами (...= двуличной мачехой. Гуань Ханьцин. Сон Бабочки).

Отрицательные ФЕ с исследуемым соматизмом могут репрезентировать **хитрость и легкомыслие**: так, в китайском языке иероглиф 油 / жирный имеет метафорическое значение «хитрый»⁴, поэтому 油头 / букв.: ‘жирная голова’ часто употребляется для обозначения хитрого человека. Это переносное значение отражено, например, в ФЕ 油头粉面⁵ в значении «легкомысленный»:

看男人油头粉面、天天照镜子打扮，女人又有点不放心了 (北京语言大学语料库中心)。– Букв.: Жена немного беспокоится, когда обнаруживает, что ее муж каждый день смотрится в зеркало и выходит на улицу с жирной головой и размалёванным лицом (...= выглядит легкомысленно. КЦ).

ФЕ 油头滑脑⁶ / букв.: ‘жирная голова и гладкий мозг’ тоже означает «хитрый и легкомысленный»:

我讨厌那类油头滑脑的人，听他们说话，身上会起鸡皮疙瘩 (黄蓓佳 «追你到天涯»)。– Букв.: Я ненавижу людей с жирными головами и гладкими мозгами, у меня мурашки по всему телу, когда с ними разговариваю (...= ненавижу хитрых и легкомысленных людей. Хуан Бэйцзя. Пойду за тобой хоть на край земли).

В ФЕ также репрезентируется **трусость**: 缩头缩脑⁷ / букв.: ‘вобрать голову и втянуть мозг’, что означает «испуганный, трусливый»:

他来了没有？为什么缩头缩脑地不敢见人 (北京语言大学语料库中心)。– Букв.: Он уже здесь? Почему он все время вбирает голову в плечи и втягивает мозг? (...= испуган? КЦ).

В русском языке ФЕ с компонентом *голова* также часто представляют определенные качества человека: *бедовая голова* ‘рисковый, отчаянно смелый, озорной человек’, *буйная голова* ‘удалой, бесшабашный человек’, *ветренная голова* ‘легкомысленный, несерьезный, непостоянный человек’, *садовая / пустая голова* ‘глуповатый или забывчивый человек’, *светлая голова* ‘умный, сообразительный, рассудительный человек’ и др. [Воробьева, 2014].

Голова (8) может обозначать **место сосредоточения / отсутствия умственных способностей**. В частности, незнание и непонимание может быть описано так: 三头六臂⁸ / букв.: ‘три головы и шесть рук’ означает «мастер на все руки, семи пядей во лбу»:

«在人民群众的心目中，他是三头六臂、刀枪不入的无敌英雄» (北京语言大学语料库中心)。– Букв.: Народ почитал его в своих сердцах как всемогущего героя с тремя головами и шестью руками (...= героя семи пядей во лбу. КЦ).

ФЕ *狗头军师*⁹ / букв.: ‘стратег с собачьей головой’ означает

- а) «горе-советчик, человек с низким уровнем интеллекта»;
- б) «тот, кто выдвигает глупую идею»:

罗斯托以一个旁观者，甚至是帮凶或“狗头军师”的角度，自然不能理解发展中国家的政治动荡» (北

¹ 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

² URL: <https://bkrs.info>

³ 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

⁴ 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. (第7版). 北京: 商务印书馆, 2016

⁵ Там же.

⁶ 现代汉语词典. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. (第7版). 北京: 商务印书馆, 2016

⁷ 郑微莉, 周谦. 中华成语大词典. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2019.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

京语言大学语料库中心). – Ростоу¹ с позиции стороннего наблюдателя, а то и пособника или «стратега с собачьей головой» (... = стратега, выдвигающего глупые идеи), естественно, не мог понять политическую нестабильность в развивающихся странах (КЦ).

Представление о голове какместилище умственных способностей характерно и для русской лингвокультуры, а потому частотны ФЕ, обозначающие высокий и низкий интеллект: *светлая голова, пустая голова, дырявая голова, совсем без головы* и др. При этом метафоризация соматизма может осуществляться на разных основаниях и подчеркивать степень проявления высокого (*золотая голова*) или низкого интеллекта (*дубовая голова, еловая голова, чугунная голова*). Так, в последних примерах актуализируется «твердость», статичность материала, метафорически переосмысляемая как невозможность изменения состояния умственных потенций, что подчеркивает негативную коннотацию ФЕ. При внешнем совпадении процессов метафоризации обнаруживается разница во внутренней форме языков [Цюй Юнь, 2021]: в

¹Уолт Уитмен Ростоу, американский экономист русского происхождения, автор теории стадий экономического роста.

русском языке качества человека градуированы по шкале «выше / ниже»: *на голову (на две головы) выше кого, выше головы не прыгнуть*, в китайском – на основе горизонтальной линейной протяженности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Классификация и анализ представленных примеров позволяют констатировать сходство значений ФЕ с компонентом *голова* в китайской и русской фразеологии. Это сходство в значительной степени объясняется принадлежностью соматизма к лексическому ядру языков. Данное обстоятельство обуславливает общность ассоциаций, образов и признаков метафоризации исходных значений соматизма у носителей китайской и русской лингвокультур. В то же время очевидно и национально-культурное своеобразие оснований метафоризации компонента и концептуализации действительности: так, в русском языке активно противопоставление качеств человека по шкале «выше / ниже»: *на голову выше*, в китайском – на основе горизонтальной протяженности: *首尾相应 / букв. 'увязать голову и хвост'*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
3. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа Языки русской культуры, 1998.
4. Го Синь-и. Телесный код в китайской фразеологии и его русское соответствие: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
5. Воробьева Л. Б. Устойчивые выражения с компонентом голова в русском и литовском языках // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. Вып. 5. С. 214–217.
6. Цюй Юнь. Способы репрезентации моральной ценности «добросовестность» в китайской социальной рекламе как поликодовом тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2 (844). С. 277–286.

REFERENCES

1. Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty = Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects. Moscow: School "Languages of Russian Culture". (In Russ.)
2. Karaulov, Yu. N. (1987). Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. = Russian language and linguistic personality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Gak, V. G. (1998). Yazykovyye preobrazovaniya = Language transformations. Moscow: School "Languages of Russian Culture". (In Russ.)
4. Guo Xinyi. Telesnyy kod v kitayskoy frazeologii i yego russkoye sootvetstviye = Corporeal code in Chinese phraseology and its Russian correspondence: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
5. Vorobieva, L. B. (2014). Set expressions with the component head in Russian and Lithuanian languages. Vestnik of Pskov State University, 5, 214–217. (In Russ.)

6. Qu Yun. (2021). Ways of representation of the moral value “integrity” in Chinese social advertising as a multimodal discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2, (844), 277–286. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чэнь Сыфань

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chen Sifan

Post-Graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	22.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	29.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

Кот как лакмусовая бумажка: к вопросу об образах животных в русской словесности

М. Б. Раренко

*Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Россия
rarengo@rambler.ru*

Аннотация. Образы животных, встречающиеся на страницах художественных произведений, многочисленны. Образ кота / кошки относится к универсальным образам, встречающимся в фольклоре и художественной литературе разных лингвокультур. В русской лингвокультуре (шире – в славянских народных представлениях) это домашнее животное предстает в виде гендерной пары – кота и кошки и описывается как обладающее и положительными, и отрицательными качествами вследствие устойчивой, уходящей в древность архаической идеи о связи кота / кошки одновременно и с миром людей, и с потусторонним миром.

Ключевые слова: кот, кошка, русская словесность, русская лингвокультура, фольклор, художественная литература, литературная традиция

Для цитирования: Раренко М. Б. Кот как лакмусовая бумажка: К вопросу об образах животных в русской словесности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 145–149.

Original article

The Cat as a Litmus Test: On Animal Images in the Russian Literature

Mariya B. Rarenko

*Institute of Scientific Information for Social Sciences (INIION) of the Russian Academy of Sciences
rarengo@rambler.ru*

Abstract. The images of animals found on the pages of works of art are numerous. The image of he-cat / she-cat refers to the universal images found in folklore and fiction of different linguistic cultures. In Russian linguistic culture (more broadly, in Slavic folk beliefs) this pet appears as a gender pair – a he-cat and a she-cat and is described as having both positive and negative qualities due to the stable archaic idea of the cat's connection with both the human world and the other world, going back to antiquity.

Keywords: he-cat, she-cat, Russian literature, Russian linguoculture, folklore, fiction, literary tradition

For citation: Rarenko, M. B. (2024). The cat as a litmus test: On animal images in the Russian literature. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 145–150.

ВВЕДЕНИЕ

Образы животных, встречающиеся на страницах художественных произведений, многочисленны. Одни из них характерны для какой-то одной культуры или для нескольких, казалось бы, никак не связанных друг с другом (например, дракон в китайской культуре и дракон в культуре валлийцев), другие становятся универсальными образами – их появление в произведениях разных культур не удивляет никого. К таким животным относится кот или кошка.

И действительно, ни одно животное, может быть, только собака, так тесно не связано с человеком. «Дружба» человека и кота уходит своими корнями в глубь истории, упоминания о кошачьих встречаются в фольклоре большинства народов мира.

В различных культурах котов и кошек обожествляли и обожествляют, наделяют всевозможными, в основном, положительными качествами: представители семейства кошачьих умны, независимы, грациозны. В Древнем Египте кошек почитали как особых животных. В виде грациозной кошечки или же женщины, имеющей голову кошки, древние египтяне обычно изображали одну из самых почитаемых ими богинь – богиню радости, она же веселья, любви, а также домашнего очага, женской красоты и плодородия Баст, или Бастет (*egun, b3stt*). Не удивительно, что она считалась покровительницей и кошек. Кошка была признана священным животным, и за ее убийство предусматривалось серьезное наказание: виновный приговаривался к смертной казни.

У древних греков отношение к котам было двойственным. Вечно юная богиня охоты, а также хранительница женского целомудрия, богиня деторождения, плодородия и покровительница всего живого на Земле Артемида изображалась с котом у ног, однако греки полагали, что в отличие от собаки у кошки дикий и злой нрав.

КОТЫ В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

В русской лингвокультуре (шире – в славянских народных представлениях) это домашнее животное предстает в виде гендерной пары – кота и кошки и описывается как обладающее и положительными качествами, и отрицательными качествами вследствие устойчивой, уходящей в древность архаической идеи о связи кота / кошки одновременно и с миром людей, и с потусторонним миром. Так, животное предстает, с одной стороны, как воплощение нечистой силы, с другой (в женском облике) – как покровительница домашнего очага. В то же самое время оно воспринимается как оберег

от злых сил и болезней и как проводник в потусторонний мир [Гура, 1999, с. 637–640].

В русских народных сказках кот представлен как примерный работник, ратующий за своих домашних, готовый в нужную минуту прийти к ним на помощь (сказка «Кот, Дрозд и Петушок-Золотой Гребешок» [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1984, с. 48–49]), как хозяин, защитник, друг, он ассоциируется с домом, домашним очагом. В то же самое время его характеристиками становятся притворство и обман, хитрость и ловкость (сказки «Кот, петух и лиса», «Кот да петушок» [Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Волшебные. О животных, 1993, с. 245–248]). Кот нередко предстает как «пакостник» и приспособленец (сказка «Кот и лиса» [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1984, с. 51–53]). Кошка встречается в русских сказках намного реже, но, появляясь, может выступать и как положительный (хранительница очага, центр, вокруг объединяются другие персонажи), и как отрицательный образ (мстительница). В сказке «Про кошечку» [Русские сказки Сибири и Дальнего Востока, 1993, с. 254–257] воплощается архаическое представление о кошке как о хранителе домашнего очага: сердобольная Кошечка-хозяйка заботится об окружающих ее животных: дом построила; гусю, петуху и барану одежду связала, т. е. кошка наделяется абсолютной добротой и лишена хитрости и корысти. Напротив, в сказке «Медведь, собака и кошка» [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, 1984, с. 71–72] старая кошка, от которой избавляется хозяин, выступает в роли провокатора и становится причиной смерти собаки (собака погибает, пытаясь добыть кошке еду).

Как и в других лингвокультурах, в русской лингвокультуре образ кота / кошки может приобретать амбивалентность. Неоднозначен и в то же самое время показателен в этом отношении образ кота Баюна, также встречающегося в русских волшебных сказках. Огромных размеров кот, намного больше обычного домашнего кота, Баюн, к тому же, представлен людоедом. Однако он, благодаря чарующему, волшебному голосу, обладает уникальной способностью заговаривать и усыплять приятными разговорами и чарующим пением попавших к нему в сети незадачливых путников. Кот Баюн безжалостно убивает своими железными когтями тех, у кого оказалось недостаточно сил противостоять его волшебству. Однако тот, кто сможет поймать кота, найдет спасение от всех болезней и недугов, поскольку сказки кота Баюна в то же самое время обладают целительным действием.

В малых фольклорных формах – пословицах, поговорках, прибаутках, загадках фигура кота / кошки также встречается довольно часто

[Пословицы и поговорки о котях и кошках, 2022; Загадка про кошку для детей, 2024]. Здесь кошачьи предстают как существа ласковые, преданные человеку, но в то же самое время своевольные, свободлюбивые, независимые, подвижные, себе на уме.

КОТЫ В РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кошки и коты довольно часто появляются в художественной литературе в разных ипостасях.

Как символ учености кот появляется в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Ему также приписываются такие антропоморфные качества, как пение и сказывание сказок¹.

В повести А. Погорельского «Лафертовская маковница» (1825) «любимый черный кот» старой маковницы (по совместительству гадалки и ведьмы) предстает оборотнем. Странные ритуалы маковницы, наводящие на окружающих страх, неизменно сопровождаются мурлыканьем кота, который в определенный момент оказывается в человеческом облике – «на нем зеленый мундирный сюртук; а на место прежней котовой круглой головки <...> человеческое лицо...»². После смерти маковницы черный кот «провалился сквозь землю», а еще через какое-то время внучка маковницы Маша неожиданно знакомится с молодым человеком Улианом – «мужчиной небольшого роста, в зеленом мундирном сюртуке»; «то самое лицо устремило на нее взор, которое некогда видела она у черного кота».

Подчеркивает связь жениха с котом и его имя – «господин титулярный советник Аристарх Фалелеич Мурлыкин», и его манеры, напоминающие кошачьи: «...Аристарх Фалелеич встал, плавно выступая, приблизился к ней и хотел поцеловать у нее руку», «После того он несколько раз им поклонился, с приятностью выгибая круглую свою спину, и вышел вон».

В романтической повести А. Погорельского кот оказывается и проводником в другой мир, и обольстителем (неудачным в данном случае). Связь с фольклорными мотивами здесь отчетливо прослеживается: кот-жених в «Лафертовской маковнице» подобен коту – «компаньону» Бабы Яги в русских народных сказках. Обе «дамы», отметим, котам благоволят.

В сказе П. П. Бажова «Серебряное копытце» (1938), созданном на основе уральского фольклора и вошедшего в сборник «Малахитовая

шкатулка», кошка Мурёнка – один из центральных персонажей³. Появившись в доме старика по прозвищу Кокованя, кошка Мурёнка – наряду с осиротевшей девочкой Дарёнкой становится полноправным членом этой необычной семьи. Ее глава летом песок промывает и золото добывает, а зимой по лесам на козлов охотится.

Прежде всего, Мурёнка – хранительница домашнего очага, она оберегает Дарёнку в те периоды, когда Кокованя вынужденно покидает дом, отправляясь на заработки. То, что кошка как-то связана с потусторонним миром, подтверждается ее таинственным исчезновением после долгожданной, но вместе с тем неожиданной встречи Дарёнки с волшебным козлом по прозвищу Серебряное копытце.

Тему оборотничества в русской художественной литературе продолжает огромный черный кот по прозвищу Бегемот из романа «Мастер и Маргарита» (напечатан в 1966) Булгакова⁴. В своем образе он отчасти продолжает традицию кота Мурра из романа Э. Т. А. Гофмана «Житейские воззрения Кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсера, случайно уцелевшими в макулатурных листах»⁵, сочетая в своем образе и другие характеристики (см. также [Рожкова, 2016]). Он – один из подручных Воланда, поэтому его способность преобразовываться вполне объяснима. Кот Бегемот – оборотень, на что неоднократно в романе указывается его способность перевоплощаться: он предстает в образе «громадного как боров черного кота с кавалерийскими усами, ходящего на задних лапах», но может выступать и в роли «низкорослого толстяка в рваной кепке», «с кошачьей рожей». В большинстве эпизодов в романе Бегемот выступает в кошачьем естестве, поражая людей совершенно человеческими манерами, а его едкие замечания удивляют окружающих своей пронизательностью и точностью наблюдений. При этом кот Бегемот комично сочетает склонность к философствованию и «интеллигентные» повадки с жуликоватостью и агрессивностью.

В романе Т. Толстой «Кысь» (2000) заглавный персонаж описан как зверь очень опасный, последствия его нападения на жителей городка предсказуемы и страшны: «Вернется такой назад, а он уж не тот, и глаза не те, и идет, не разбирая дороги, как бывает, к примеру, когда люди ходят во сне под луной, вытянув руки, и пальцами шевелят: сами спят, а ходят... Такой сам ничего делать не

³Бажов П. П. Серебряное копытце. М.: Азбука, 2023.

⁴Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Пан пресс, 2004.

⁵Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения Кота Мурра вкупе с фрагментами биографии капельмейстера Иоганнеса Крейсера, случайно уцелевшими в макулатурных листах. Тбилиси: Накадули, 1981

¹Пушкин А. С. Руслан и Людмила // Пушкин А. С. Сказки. М.: Республика, 1993.

²Погорельский А. Лафертовская маковница. URL: https://librebook.me/lafertovskaia_makovnica/vol1/1.

может, даже оправиться не умеет: каждый раз ему заново показывай. Ну, ежели жене или там матери его жалко, она его с собой в поганый чулан водит; а ежели за ним приглядеть некому, то он, считай, не жилец: как пузырь лопнет, так он и помирает»¹. О злодеяниях загадочной кысы ходят легенды, но что это точно за мифологический зверь [Магомед-расулова, Мазанаев, 2018], наводящий ужас на всех без исключения жителей городка, никто не знает. По звучанию, как и по манерам, имя зверя напоминает представителя кошачьего племени. Кысь – обладательница острых когтей и длинного гибкого тела, у нее необыкновенная способность ловко лазить по деревьям, а также ужасающая привычка неожиданно прыгать людям на плечи, вонзаясь в плоть. Бенедикт, главный герой романа, в главе «Ща» уподобляет раскраску шерсти кысы цвету кожи, который можно разглядеть на животе у домашнего кота. Эти полунамекы-полу-аллюзии заставляют читателя задуматься о родстве толстовской кысы с домашней кошкой, но значительно более крупной по размерам и не настолько дружелюбно настроенной к людям. Несмотря на то, что название этого наводящего настоящий страх на жителей Бердянска полумифического существа вынесено в название самого романа, не раз в тексте подчеркивается, что его еще никто никогда не видел. Более того, жители постоянно вспоминают кысь, даже не отдавая самим себе в этом отчета, но физическая природа животного ни в их рассказах, ни в авторском тексте не раскрыта.

И все же есть основания считать, что у толстовской кысы есть предшественники как фольклорного, так и литературного происхождения, один из которых – фольклорный кот в его различных ипостасях.

Выбор фигуры кота в качестве центрального сознания на страницах романа современного российского автора Г. Служителя «Дни Савелия» (2018) тоже не случаен². Его появление подготовлено литературной традицией, с одной стороны, и восприятием кота как представителя животного мира, обладающим особым значением в жизни человека, – с другой.

Текст романа «Дни Савелия» представляет собой внутренний монолог уличного кота Савелия, а само повествование охватывает временной промежуток в несколько лет – всю жизнь кота с момента появления на свет в одном из дворов в центральной части Москвы до момента его гибели под колесами грузовика.

Кот Савелий – рассказчик и главный герой романа – потомственный москвич, родившийся в одном из районов центрального округа столицы. Как и его литературный предшественник кот Мурр, Савелий обладает склонностью к философствованию, он наблюдателен, он умеет анализировать полученную разными способами информацию; он тонкий ценитель искусства, особенно музыки и живописи, он созерцателен и в то же самое время деятелен, он гурман, он воспринимает жизнь такой, какая она есть, стараясь найти в ней максимально возможные для себя предпочтения. Все перечисленные характеристики Савелия однозначно свидетельствуют о том, что этот кот – личность уникальная и многогранная, с богатым внутренним миром.

В образе кота Савелия читатель заметит гораздо меньше сугубо «кошачьих» черт, нежели человеческих. Кот воспринимает окружающий его мир глазами «человеческого» жителя современного мегаполиса. Помимо Савелия в романе представлены и другие кошачьи – его возлюбленная нежная кошечка Грета, прохиндей Боцман и пр., наделенные человеческими чертами. Среди них, как и среди людей, есть добрые, преданные существа, бескорыстные, готовые на самопожертвования, благородные, любящие и нуждающиеся в заботе, внимании, любви, а есть хитрые, завистливые, лживые, думающие исключительно о собственной выгоде особи.

По отношению к котам, в частности к центральному герою, раскрываются в романе человеческие характеры, т. е. кот выступает своего рода лакмусовой бумажкой, определяя, есть ли у человека душа. Люди жестокие, озлобленные, имеющие внутренние проблемы, находящиеся в нестабильном психическом состоянии, избирают котов в качестве объектов своей ненависти, нанося им физические увечья, в то время как сострадание и уважение к котам становятся характеристикой великодушия, доброты, человечности.

Отношения между кошачьими на страницах романа описываются по принципу человеческих. Трогательно представлено взаимодействие Савелия с мамой-кошкой. «Очеловечиваются» не только мама-кошка Глория и ее сестра Мадлен, человеческими чертами наделены все без исключения животные, присутствующие на страницах романа: коты в Елоховском подворье, кот и пес в саду имени Баумана, коты, живущие в приюте, и, конечно, возлюбленная Савелия, молоденькая кошечка Грета. Заслуживает внимания кот Боцман, о существовании которого Савелий узнал еще котенком. Кот Боцман – балагур, ему доставляет истинное наслаждение рассказ о его предках – его роде, ведущему начало с XVI века с амазонского

¹Толстая Т. Н. Кысь // Толстая Т. Н. Кысь. Зверотур. Рассказы. М.: Эксмо, 2009. С. 13–294.

²Служитель Г. Дни Савелия. М.: АСТ, 2020.

пятнистого кота маргая, подаренного чернокожему слуге падре Франсишка де Рибейра по имени Абумба-Ба, прибывшему из Лиссабона в Южную Америку «наставлять туземцев на стезю истинной веры», благодаря которому он «повышает» свою значимость в глазах слушающих.

Кот Савелий, собрав в своем образе характеристики предшествующих литературных и фольклорных котов, является кладезем обширной русской фольклорной и литературной традиций.

Говоря о галерее котов и кошек в русской литературе, отдельным пунктом можно упомянуть кота – любимца всех российских детей (как, впрочем, и взрослых) – кота Матроскина, впервые появившегося в сказочной повести Э. Н. Успенского «Дядя Федор, пес и кот» в 1974 г.¹ и несколькими годами спустя ставшего одним из популярнейших котов-философов, щедро делившегося со зрителями кошачьей житейской мудростью и наблюдательностью в мультфильме «Трое из Простоквашино» (1978, реж. В. Попов).

ИМЕНА И КЛИЧКИ КОТОВ И КОШЕК В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Традиционно домашние питомцы получают клички, подчеркивающие их личные особенности и указывающие на окрас, размер, характер: Рыжик, Снежок, Пончик, Несмышлениш, Ворчун и пр. Любопытным представляется вопрос именования кошачьих в русской словесности. В фольклоре чаще всего ни кот, ни кошка не имеют имени, выступая как своего рода типажи (наряду с другими животными – героями сказок, потешек, загадок

¹Успенский Э. Н. Дядя Федор, пес и кот. М.: АСТ, 2020.

и пр.). Однако некоторые из них все же удостаиваются особого имени, как, например, кот из сказки про «Лису и Котофея Ивановича». В данном случае имя, уподобленное по своей форме имени человека уважаемого, с одной стороны, призвано подчеркнуть особый статус кота среди других обитателей леса, а с другой – подчеркнуть такие черты его характера, как склонность к хвастовству и самолюбанию.

В произведениях художественной литературы коты приобретают скорее даже не клички, а имена: Бегемот, Савелий, Матроскин. Эти имена если и не полностью совпадают с именами людей, то часто оказываются схожи с ними. Означенное сходство указывает на ту лингвокультуру, в рамках которой появляются персонажи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ кота / кошки в русской словесности наделен символическим значением, основанным на признании животного интуитивно безошибочно распознавать «хороших» и «плохих» людей, видеть их скрытую сущность. В русской словесности образы кота и кошки подвергаются антропоморфизации. Животные приобретают антропоморфные черты, им приписываются чувства и поведение, свойственные человеку. Они получают клички и даже имена, характерные для людей русской и других лингвокультур.

В соответствии с принятыми в русской лингвокультуре характеристиками коты и кошки предстают в фольклоре и в художественных произведениях как хитрые, умные, преданные человеку, ласковые существа, выступают проводниками в потусторонний мир.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гура А. В. Кошка // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 637–640.
2. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. Т. 1 / под ред. Л. Г. Барага, Н. В. Новикова. М.: Наука, 1984. URL: <http://febweb.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af1/af1r11.htm1> (дата обращения: 22.08.2022).
3. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока. Волшебные. О животных / сост. Р. П. Матвеева, Т. Г. Леонова. Новосибирск: Наука, 1993.
4. Пословицы и поговорки окотахи кошках.2022//URL:<https://slavclub.ru/posloviy-i-pogovorki/o-kotah-i-koshkah>
5. Загадка про кошку для детей. 2024 // Академия Мульти-Мама. URL: https://multi-mama.ru/zagadka-pro-koshku-dlya-detej/#__7-8
6. Рожкова Е.И. Образ кота в творчестве М. А. Булгакова // Экология языка и речи. Материалы V Международной научной конференции. Тамбов, 2016. С. 170 –173.
7. Магомедрасулова Ш. М., Мазанаев Ш. А. Мифологические образы в романе Т. Толстой «Кысь» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 591–593.

REFERENCES

1. Gura, A. V. (1999). Koshka = The Cat. In Tolstoi, N. I. (Ed.), Slavjanskije drevnosti (vol. 2, pp. 637–640): jetnolingvist. slovar': in 5 vols. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russ.)
2. Baraga, L. G., Novikova, N. V. (Eds.). (1984). Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva = Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasyev (vol. 1): in 3 vols. Moscow: Nauka. <http://febweb.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af1/af1r11.htm1> (In Russ.)
3. Matveeva, R. P., Leonova, T. G. (compilers). (1993). Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka. Volshebnye. O zhivotnyh = The Russian fairy tales of Siberia and the Far East. Magic. About animals. Novosibirsk: Nauka. (In Russ.)
4. Poslovicy i pogovorki o kotah i koshkah = Proverbs and sayings about he-cats and she-cats. <https://slavclub.ru/poslovicy-i-pogovorki/o-kotah-i-koshkah> 22.08.2022. (In Russ.)
5. Zagadka pro koshku dlja detej = A riddle about a cat for children. https://multi-mama.ru/zagadka-pro-koshku-dlya-detej/#_7-8. (In Russ.)
6. Rozhkova, E. I. (2016). Obraz kota v tvorcheste M. A. Bulgakova = The image of the cat in M. A. Bulgakov's works. Jekologija jazyka i rechi. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tambov, 2016. P. 170–173. (In Russ.)
7. Magomedrasulova, Sh. M., Mazanaev Sh. A. (2018). Mythological images in the novel by T. Tolstaya "Slynx". The world of science, culture and education, 2(69), 591–593.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Раренко Мария Борисовна

кандидат филологических наук,

ведущий научный сотрудник

Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН)

Российской академии наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rarenko Mariya Borisovna

PhD (Philology),

Leading Research Fellow of Linguistics Department,

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION)

of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.12.2023
20.01.2024
17.02.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Художественное пространство и художественное время в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел»

Ж. В. Щукина

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
vani7375@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены две текстообразующие категории любого эстетически значимого произведения – категории художественного пространства и художественного времени. На основе анализа данных категорий в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» сделан вывод о том, что художественное пространство произведения выступает как *spatium*-оппозиция, репрезентирующая в качестве своих «членов» пространство реальное и ирреальное, тогда как художественное время в романе, являясь сложно организованной структурой, включает в себя несколько «времен», взаимодействующих между собой различными способами.

Ключевые слова: художественное пространство, художественное время, нарратор, абстрактный автор, диегезис, аномальное состояние сознания

Для цитирования: Щукина Ж. В. Художественное пространство и художественное время в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 151–154.

Original article

Artistic Space and Artistic Time in V. Y. Brusov's Novel "The Fiery Angel"

Zhanna V. Shchukina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
vani 7375@mail.ru*

Abstract. The article considers two text-forming categories of any aesthetically significant work – the categories of artistic space and artistic time. On the basis of the analysis of these categories in V. Y. Brusov's novel "The Fiery Angel" it is concluded that the artistic space of the work acts as a *spatium*-opposition, representing as its "members" the real and unreal space, while the artistic time in the novel, being a complexly organized structure, includes several "times" interacting with each other in different ways.

Keywords: artistic space, artistic time, narrator, abstract author, diegesis, abnormal state of consciousness.

For citation: Shchukina, Zh. V. (2024). Artistic space and artistic time in V. Y. Brusov's novel "The Fiery Angel". Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 151–154.

ВВЕДЕНИЕ

Для анализа категорий художественного пространства и художественного времени в романе В. Я. Брюсова был использован нарратологический метод. На основе нарратологического анализа была исследована специфика и организации и семантики художественного пространства и времени в данном произведении.

Актуальность настоящей статьи обусловлена тем, что нарратологический подход является одним из наиболее активно развивающихся сфер гуманитарного знания. Поворот к нарратологии «широко востребован в различных сферах культуры, науки и общественной жизни, однако ведущая роль здесь по-прежнему принадлежит литературной нарратологии» [Тюпа, 2021, с. 4].

Определяющая роль в изучении пространства и времени как в мировом, так и в отечественном литературоведении принадлежит М. М. Бахтину. Он детально разработал данные категории в своем классическом труде «Формы времени и хронотопа в романе» (1932). По мысли отечественного ученого, единство художественного пространства и времени составляют «ядро», которое именуется хронотопом и вокруг которого формируется «оболочка» художественного произведения. Исследователь считал, что именно хронотоп, то есть целокупность художественных пространства и времени, – центральная категория художественного текста [цит. по: Бахтин, 1975, с. 406].

Если М. М. Бахтин отводил главную роль в хронотопе художественному времени, то Ю. М. Лотман полагал, что именно художественное пространство является главенствующей категорией в организации хронотопа в художественном тексте [Лотман, 1988, с. 252].

Акцент на категории времени как ведущей делает П. Рикёр [Рикёр, 2000, с. 13].

Целью данной статьи явилось намерение выявить текстообразующую роль пространства и времени в нарративной организации романа В. Я. Брюсова «Огненный ангел».

Так сформулированная цель потребовала решения следующих задач:

- рассмотрения специфики организации художественного времени в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел»;
- изучения особенностей функционирования художественного времени в произведении;
- систематизации и вербализации полученных результатов.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНЕ В. Я. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»

Исследуя художественное пространство как одну из моделирующих художественный мир произведения категорию, Ю. М. Лотман отмечал склонность наивного читательского восприятия отождествлять реальное пространство, например, географическое, с художественным. Между тем, писал ученый, последнее способно симультанно моделировать различные связи: не только временные, но социальные, этические и т. п.

Исследователь выделяет различные типы художественных пространств: точечное, линейное, плоскостное, объемное [Лотман, 1988, с. 255]. При этом отмечается, что линейное и плоскостное пространства способны иметь вертикальную либо горизонтальную направленность, а линейное может реализоваться как интенциональное или как вненаправленное. Реализуясь как интенциональное, пространство «становится удобным художественным языком для моделирования темпоральных категорий» [Лотман, 1988, с. 257]. Здесь литературовед имеет в виду прежде всего такие категории, как «жизненный путь» и «дорога».

Если в прямом, буквальном значении категория «дороги» воплощается центральным персонажем «Огненного ангела» вполне, то в метафорическом значении как некий духовный путь, дорога практически не осмысливается: совершая беспрестанное физическое движение, будучи путешественником и странником, духовно герой не развивается. Здесь можно было бы сказать, что внутренне он остается статичен, недвижим, а его «внутреннее» пространство «сжигается», локализуется до некоей точки. Но это не так. Внутреннее движение происходит, но совершается оно не «вверх», а «вниз». Ю. М. Лотман, обращаясь к произведениям Л. Н. Толстого, указывает, что линейное пространство в его произведениях всегда этически окрашено. Все положительные толстовские герои находятся в движении. Причем движутся они не хаотично, а «по определенной пространственно-этической категории» [Лотман, 1988, с. 258]. Признаком высоты движения приобретает в текстах Л. Н. Толстого семантику восхождения, морального роста [Лотман, 1988].

В отношении Рупрехта можно утверждать, что он, аукториально главенствуя в художественном пространстве романа, создавая своими перемещениями и путешествиями линейное пространство, движется не вверх, но вниз, а потому результатом его перемещения в пространстве становится моральная деградация.

Рупрехт, если придерживаться терминологии Ю. М. Лотмана, предстает перед нами героем «замкнутого» *locus`a*, а Рената напротив, невзирая на очевидную душевную болезнь, отчетливо явленную не только в поступках, но что для нас важнее в словах, обретает статус героя «открытого» пространства [Лотман, 1988, с. 260]. Она, психически нездоровая, становится организатором того художественного пространства, которое Ю. М. Лотман именуется линейным, этически окрашенным; в отличие от героев Л. Н. Толстого, она способна как спускаться «вниз», так и взлетать «вверх» в процессе своего непрекращающегося движения. На наш взгляд, она представляет собой тот тип героя, который Ю. М. Лотман называет героем «степи» [Лотман, 1988, с. 262]. В отличие от героев «пути», также постоянно пребывающих в движении, она вольна двигаться как угодно («не имеет запрета на движение в каком-либо боковом направлении») [Лотман, 1988, с. 263]). Причем движение, осуществляемое героиней в моральном пространстве, связано не с изменением ее личности, но «с реализацией внутренних потенций» [Лотман, 1988, с. 263]: сделав так, а не по-другому, но иначе, нежели от нее можно было ожидать, героиня не становится лучше или хуже в нравственном смысле. Но достоинство ее как личности как раз и состоит в движении, в способности разрывать устоявшиеся границы.

Возможность сосуществования в пределах одного текста нескольких художественных пространств не отменяет того факта, что в нашем случае в качестве главной *spatium*-оппозиции обнаруживаем здесь противопоставление двух пространств: реального и ирреального, причем второе условно делится на две разновидности: 1) ирреальное пространство, обусловленное наркотическим опьянением героев; 2) ирреальное пространство бытования аномального сознания Ренаты. Эти пространства, непрерывно взаимодействуя друг с другом, формируют сложное для понимания и адекватной интерпретации единое художественное пространство романа. Так, например, до конца неясно, действительно ли Рупрехт, совершивший необходимый обряд, в соответствии с правилами данного художественного мира попадает в иное пространство или его путешествие на шабаш – лишь результат использования галлюциногенного вещества, изменяющего восприятие и интерпретацию окружающего. При этом реальное пространство дается нам сквозь призму воспринимающего сознания нарратора, чей взгляд на некогда произошедшее с ним, мало изменился от того, каким он был на момент описываемых событий, в бытность его персонажем. Допустив,

что в момент свершения событий Рупрехт, страстно увлекшийся магическими обрядами и изучением книг соответствующего содержания, периодически принимал определенные «средства» для вхождения в диалог с метафизическими сущностями, мы можем предположить, что и реальное пространство, репрезентируемое столь недостоверным нарратором, может быть лишь условно названо реальным.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВРЕМЯ В РОМАНЕ В. Я. БРЮСОВА «ОГНЕННЫЙ АНГЕЛ»

Поскольку «мир, создаваемый в любом повествовательном произведении – всегда временной мир» [Рикёр, 2000, с. 13], постольку постижение его организации в тексте представляет высокую значимость.

Художественное время в произведении представляет собой сложно организованную структуру, состоящую из нескольких «времен», которые то сменяют друг друга, то неожиданным образом переплетаются, то «вкладываются» одно в другое по принципу матрешки.

В первом Предисловии мы встречаемся с неким субъектом речи, названным нами образом автора. Наивный читатель может увидеть в нем черты абстрактного автора (чему способствует подпись «Валерий Брюсов» в конце Предисловия [Брюсов, 2008]¹). Мы пребываем в условиях объективного реального времени, которое соотносимо со временем создания самого Предисловия, т. е. с началом прошлого столетия (обо всем тексте мы этого сказать не можем, поскольку «Валерий Брюсов» пытается убедить нас, что знакомит с рукописью XVI века). Второе Предисловие имеет подзаголовок «Предисловие автора». Под ним будто бы подразумевается ландскнехт Рупрехт. Второе Предисловие обращает читателя ко времени, в котором всё повествуемое далее уже случилось, и мы погружаемся в субъективное художественное время нарратора. Причем пребывая в его субъективно настоящем времени, относящемся приблизительно к середине XVI века, мы обнаруживаем факты его биографии, а следовательно, «входим» в его биографическое время. При этом, понимая, что действие произведения будет разворачиваться на рубеже XV–XVI веков, в период прихода в Германию на смену средневековой эпохи Ренессанса мы осознаем, что в процессе чтения будем взаимодействовать с историческим временем.

В диегезисе, начиная с главы первой, мы, до момента знакомства Рупрехта с Ренатой, существуем в его субъективном времени. После встречи с героиней, знакомящей ландскнехта с миром

¹Брюсов В. Я. Огненный ангел. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика». 2008.

метафизическим, мы то и дело погружаемся в течение ирреального времени. Причем в ситуации посещения героем дьявольского шаша вообще сложно с уверенностью определить, путешествовали ли мы в ирреальном времени, вполне обретшим достоверность в художественном тексте, или же мы вместе с Рупрехтом побывали в его наркотическом сне. Разумеется, мы могли это осуществить лишь странствуя в сновидном времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, художественное пространство романа, представляет собой *spatium*-оппозицию. В качестве «членов» данной оппозиции выступают пространство реальное и ирреальное, последнее же реализуется: а) через наркотическое

опьянение (измененное состояние сознания Рупрехта); б) посредством аномального сознания Ренаты. Примем во внимание тот факт, что нарратор, повествуя о себе прежнем недостоверен. Причем его недостоверности и субъективности может быть усилена использованием им прежним (повествуемое «я») наркотических веществ. О наличии реального пространства как такового мы говорим лишь принимая «правила игры», заданные данным художественным целым – анализируемым текстом.

Художественное время в романе едино и многомерно. Все временные пласты, взаимодействуя в границах художественного целого, в финале произведения, подобно многочисленным рекам, впадающим в океан, образуют единое, бесконечное и вечное космическое целое универсального Хроноса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тюпа В. И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алатейя, 2021.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
3. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение. 1988.
4. Рикёр П. Время и рассказ. М.; СПб.: Университетская книга. 2000.

REFERENCES

1. Tyupa, V. I. (2021). *Gorizonty istoricheskoy narratologii = Horizons of historical narratology*. St. Petersburg: Alateya.
2. Bakhtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i khronotopa v romane = Forms of time and chronotope in the novel*. In Bakhtin, M. M., *Voprosy literatury i estetiki*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
3. Lotman, Yu. M. (1988). *Khudozhestvennoye prostranstvo v proze Gogolya = Artistic space in Gogol's prose*. In Lotman, Yu. M., *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol' = In the School of Poetic Word: Pushkin, Lermontov, Gogol*. Moscow: Prosveshchenie.
4. Ricoeur, P. (2000). *Vremya i rasskaz = Time and the Story*. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Щукина Жанна Васильевна

аспирант Российского государственного гуманитарного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shchukina Zhanna Vasilyevna

PhD student, Russian State University for the Humanities

Статья поступила в редакцию	17.12.2023	The article was submitted
одобрена после рецензирования	19.01.2024	approved after reviewing
принята к публикации	15.02.2024	accepted for publication

Образный язык фарфора как средство пропаганды культурных доминант (опыт Советского Союза в формировании привлекательного имиджа Арктики)

Е. В. Лукьяненко

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
Baza67EL@yandex.ru*

Аннотация. Сегодня Россия занимает лидирующие позиции в вопросах освоения Арктики во многом благодаря достижениям Советского Союза, который проводил активную и последовательную политику по освоению Заполярья, задействовав весь потенциал страны, в том числе потенциал культуры и искусства. Статья повествует о положительном опыте СССР по формированию привлекательного образа регионов крайнего Севера через декоративно-прикладное искусство посредством выпуска тематических изделий из фарфора.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, Арктика, фарфор, советский фарфор, тема Севера в фарфоре, Арктика в советском фарфоре

Для цитирования: Лукьяненко Е. В. Образный язык фарфора, как средство культурной пропаганды (опыт Советского Союза в формировании привлекательного имиджа Арктики) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 155–162.

Original article

Figurative Language of Porcelain as an Instrument of Cultural Propaganda (the experience of the Soviet Union in the creation of an attractive image of the Arctic)

Egor V. Lukyanenko

*Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Baza67EL@yandex.ru*

Abstract. Nowadays Russia takes a leading position in the development of the Arctic largely due to the achievements of the Soviet Union. The USSR conducted an active and consistent policy on the development of the Arctic, using the full potential of the country, including the potential of culture and art. The article describes the positive experience of the USSR in forming an attractive image of the regions of the Arctic region through decorative and applied art by producing thematic porcelain products.

Keywords: decorative and applied art, the Arctic region, porcelain, Soviet porcelain, the theme of the North in porcelain, the Arctic in Soviet porcelain

For citation: Lukyanenko, E. V. (2024). Figurative language of porcelain as an instrument of cultural propaganda (the experience of the Soviet Union in the creation of an attractive image of the Arctic). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 155–162.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня Арктика – объект экономической, политической и даже культурной аттракции ведущих мировых держав. Список участников мирового сообщества, активно проявляющих интерес к региону, уже давно вышел за пределы государств, имеющих прямой доступ к Северному Ледовитому океану и изъявляющих исторические территориальные претензии на обладание «арктическим сектором». Швеция, Финляндия и даже Китай проявляют активный интерес к изучению и экономическому освоению этих территорий.

Россия является исконным лидером в Арктике. Об этом сообщает Концепция внешней политики Российской Федерации. В ней сохранение самобытной культуры северных народов и комплексное развитие арктического региона занимают важное место. Однако, приоритет, всё же, отдан деятельности государства на постсоветском пространстве. Совокупность данных факторов может повлечь за собой ослабление позиций России в Заполярье. Поэтому существует необходимость постоянного сосредоточения внимания всех государственных институтов, крупных государственных и коммерческих корпораций, а также рядовых членов социума на значимости для страны данного региона.

Советский Союз за годы своего существования накопил богатый опыт. Обращаясь к нему, можно увидеть, что на уровне гражданского общества проблема успешно решалась за счет тематического регулирования в сфере культуры и искусства, а именно литературе, кинематографе¹, а также декоративно-прикладном искусстве (ДПИ). На теме ДПИ, а именно на арктическом фарфоре и на том, как СССР задействовал его для привлечения общественного внимания к проблемам Крайнего Севера и сосредоточен исследовательский интерес автора. Актуальность данной работы заключается как раз в потребности обобщения опыта Советского Союза по умелому регулированию вектора народного внимания на важнейших аспектах жизни государства посредством формирования соответствующей тематики в производстве декоративной и утилитарной продукции. В ходе исследования вопроса была поставлена цель рассмотреть, как белоснежная поверхность советского фарфора отражала в себе самобытность крайнего

¹«Северная романтика» активно пропагандировалась в советском кинематографе и литературе. Яркими примерами являются научно-популярные фильмы Л. И. Степанова «Северный полюс», Д. А. Боголепова «Атомный ледокол «Ленин»», художественный фильм С. А. Герасимова «Семеро смелых», научно-фантастический роман В. А. Обручева «Земля Санникова», роман В. А. Каверина «Два капитана».

Севера, его флору и фауну, а также фиксировала на себе успехи страны в освоении Заполярья.

ФИКСАЦИЯ ПОДВИГОВ СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

Арктическая тема вошла в советский фарфор, как сама собой разумеющаяся. Ее история начинается почти одновременно с биографией Советской России и с первыми государственными предприятиями по производству фарфора. Однако стоит отметить, что освоение российского Севера началось еще задолго до его появления на белизне фарфора. Первые упоминания о походах славян в акватории Северного Ледовитого океана датируются еще XI веком. В летописи, написанной Никоном, 1032 год знаменуется походом посадника Углеба в район острова Новая Земля к проливу Карские Ворота. Архангельск же, основанный в 1584 году, вплоть до начала XX века оставался главным северным портом России. Первая волна промышленного освоения региона последовала в конце XIX – начале XX века [Комарова, Мякокина, 2015]. При активном участии видного государственного деятеля С. Ю. Витте на северном побережье страны в 1898 году заложен военный порт Александровский (ныне город Полярный), а позже, в 1916 году основан Романов-на-Мурмане (Мурманск) – в настоящее время он является стратегически важным для страны морским узлом.

Уже во времена Российской Империи создавались различные льготные программы для мотивирования граждан к переезду на постоянное место жительства в данные регионы. В основном они носили финансовый характер или же освобождали от воинской повинности.

Советское же правительство, пришедшее на смену царскому, решило задействовать декоративно-прикладное искусство (ДПИ) для формирования привлекательного образа Заполярья в глазах населения страны. Уже в 20-х – 30-х годах XX века в СССР развернута масштабная госпрограмма по изучению и освоению регионов крайнего Севера. Президиумом Высшего совета народного хозяйства РСФСР 4 марта 1920 года утверждено положение «О Северной научно-промысловой экспедиции», в задачи которой входила координация всех научно-исследовательских работ в арктическом регионе.

Однако мало обозначить на бумаге вектор государственного развития. Необходимо сформировать нужную мотивацию у народа. Только искренняя заинтересованность населения страны способствует успешному воплощению столь масштабных проектов. Инструментом идейного мотивирования традиционно выступала культурная

политика, которая с 1918 года реализовывалась под руководством Наркомата Просвещения в рамках плана монументальной пропаганды. Он был разработан и внедрен В. И. Лениным. В начале 30-х годов XX века в советской культуре появился новый тренд, получивший название «Соцреализм». По сути своей, этот тренд стал своеобразным методом, который демонстрировал выдающиеся достижения советского народа через искусство, тем самым воодушевлял граждан на новые трудовые свершения.¹

Арктические достижения Советского Союза были весьма существенными, а советская власть вещала миру о торжестве социализма из всех рупоров, одним из которых стал фарфор. Ярким примером тому является блюдо, созданное на Государственном фарфоровом заводе (ГФЗ) художником Р. Вильде. На нем был изображен корабль во всех его деталях – один из первых советских ледоколов «Красин». Вокруг «Красина» в лучших традициях, заложенных еще первым художественным руководителем ГФЗ С. В. Чехониным, располагается надпись: «Ледокол "Красин"» на помощь экспедиции Нобиле 1928 г.», которая выполняет роль художественного орнамента.

Вильде создал свое произведение, вдохновившись подвигом капитана ледокола К. П. Эгге и его команды, которая спасла от гибели экспедицию знаменитого итальянского исследователя генерала У. Нобиле, терпевшую бедствие близ Шпицбергена. Тогда советские моряки-полярники первым пришли на помощь пострадавшим исследователям. Подвиг матросов заключался не столько в том, что они именно первыми успели к терпящим бедствие, сколько в том, что они оказались единственными едва ли не во всём мире, кому удалось почти сто лет назад провести спасательную операцию в столь суровых и по сегодняшним меркам условиях Арктики [Емелина, 2022].

Блюдо же, созданное Вильде, является образцом произведения искусства на стыке двух эпох: агитационного фарфора, в основе декора которого зачастую лежали каллиграфически написанные призывы и лозунги, а также фарфора соцреализма, прославляющего уже воплотившиеся достижения советской власти и народа.

Интерес к Арктике повсеместно проявлялся отнюдь не ради самого интереса. В регионе просматривался существенный экономический потенциал. Одним из значимых экономических аспектов является то, что по акватории Северного Ледовитого океана существует возможность кратчайшим

путем добраться из Тихого океана в Атлантический и обратно. Такие условия транспортировки грузов океаном выгоднее альтернативных вариантов их доставки. Поэтому, исследователями под руководством Главного управления Северного морского пути, созданного при Совете народных комиссаров СССР в первой половине 1930-х годов с правом министерства, разработан и освоен маршрут с одноименным названием «Северный морской путь». Он практически целиком проходит по территории так называемого российского арктического сектора и по сегодняшний день играет роль стратегически важной водной артерии страны [Ананьев, 2022].

Проход кораблей по этому пути и сегодня является рискованным предприятием, а тогда это был целый подвиг. Этот подвиг был запечатлен моряком и одновременно художником по фарфору И. И. Ризничем. На его вазе кильватерным строем идут корабли прямо посреди белого полотна льда. Строй возглавляет ледокол, который своей массой крушит толстые океанические льды и оставляет за собой канал уже с чистой водой и лишь с осколками льда – такую преграду под силу преодолеть и обычному кораблю. Силуэты судов отнюдь не абстрактные, они изображены с принципиальной технической точностью. Точно изображение и местных обитателей: белых медведей, нарвалов, моржей и разнообразных птиц.

Ярчайшим событием в истории «Севморпути» было спасение экипажа парохода «Челюскин», который застрял в арктических льдах, а его экипаж во главе с О. Ю. Шмидтом оказался на грани жизни и смерти посреди Северного Ледовитого океана.

В 1932 году Отто Шмидту уже удалось пройти на ледокольном пароходе «Александр Сибиряков» весь маршрут «Севморпути» от Баренцева моря до Берингова пролива за одну навигацию, что было впервые и явилось знаковым событием в истории мореплавания в северных широтах. Вдохновленный успехом, знаменитый советский географ решил доказать возможность преодоления того же пути и на обычном пароходе. В 1933 году он собрал новую экспедицию, которая отправилась повторять предыдущий успех. Экипаж почти достиг заветной цели, войдя в Берингов пролив. Однако на выходе из него судно вмерзло в лед и течением было отброшено назад. Нахождение в водах Арктики стало непомерным испытанием для неподготовленного судна, и корабль затонул, раздавленный льдиной [Турков, 2017].

Целых два месяца шли спасательные работы, сцены из которых изображены художницей Ленинградского фарфорового завода А. В. Протопоповой на сервизе «Поход Челюскина». Помимо самих

¹Соцреализм. Официальный сайт Министерства Культуры РФ, электронный ресурс. URL: <https://www.culture.ru/s/slovo-dnya/socrealism/?ysclid=lbqfn4s6kk122875946> (дата обращения: 16.12.2022).

выживающих во льдах, на декоре были изображены и летчики-полярники, которые в суровых условиях осуществляли посадку на неподготовленный аэродром и вывозили на самолетах челюскинцев. Эта спасательная операция родила первых героев Советского Союза – А. В. Ляпидевского, Н. П. Каманина, М. В. Водопьянова, И. В. Доронина, С. А. Леваневского, В. С. Молокова и М. Т. Слепнева.¹

На тот момент СССР имел уже значительный опыт в воздухоплавании. Тому подтверждение – создание на полуострове Чукотка, мысе Челюскина и Земле Франца-Иосифа постоянных аэродромов, которые обеспечивали регулярные полеты в условиях северных широт. Это позволяло организовать доставку почты, продовольствия и медикаментов в труднодоступные регионы.

Скульптурная композиция Б. Ф. Лоренцева «Полярный летчик», созданная в 1937 году, стала зеркалом собирательного образа советского пилота: летный меховой шлем с летными очками, овчинный тулуп из дубленой кожи с меховым воротником, ватные штаны – всё это было неотъемлемым атрибутом профессии. Особое внимание уделялось утеплению ног. Самыми эффективными в экстремальных условиях Севера себя рекомендовали унты – специальная обувь из кожи на толстой подошве с меховым подкладом. Такая обувь является национальной для коренных народов Севера Эвенков. А само название «унты» в переводе с национального языка и означает «обувь». Через плечо у летчика перекинут кожаный картодержатель, в народе известный как летный планшет. В нем хранились летные карты и приборы для измерения координат. Как правило, все пилоты носили белый шарф на шее, который предотвращал натирание кожи во время частых поворотов головой при контроле воздушной обстановки.²

Особое внимание художников по фарфору обращено к самолетам – они, как и корабли, изображались с приемлемой технической точностью. Например, в декорировании предметов сервиза «Поход Челюскина» просматривается силуэт самолета-разведчика Р-5 конструкторского бюро Поликарпова. Стоит отметить интересный факт: именно на сервизе изображен самолет изначальной модификации – биплан открытого типа, без так называемого фонаря, который изолирует летчика от набегающего потока воздуха, что нередко становится причиной обморожения носа.

¹Постановление Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР от 20 апреля 1934 г. «О присвоении звания Героев Советского Союза летчикам, осуществившим спасение челюскинцев», опубликовано в газете «Труд» от 21 апреля 1934 года.

²Кибовский А., Степанов А., Цыпленков К. Униформа Российского Военного воздушного флота. М.: Фонд содействия авиации «Русские Витязи», 2007. Т. 1. 1890–1935.

Однако то время уже существовала и практиковалась полеты арктическая модификация самолета Р-5 с закрытым фюзеляжем, которая называлась АРК-5.³

Ещё одной винтокрылой машиной, запечатленной на белизне фарфора стал самолёт ТБ-1 также конструкции Поликарпова⁴. Машина именно данного типа, управляемая Ляпидевским, 5 марта 1934 года первой пробилась к членам экипажа затонувшего парохода «Челюскин».⁵

Аналогичные сюжеты можно увидеть и на изделиях других фарфоровых мануфактур Советского Союза. В частности, подвиг Челюскинцев прославили художники Первомайского фарфорового завода, располагавшегося в пос. Песочное Ярославской области. В 1935 году на заводе был выпущен набор чайных кружек, посвященных всё тому же событию, а сюжеты, изображенные на изделиях, были аналогичны сюжетам продукции ЛФЗ. Вместе с тем о челюскинцах повествует и декор сервиза Дмитровского фарфорового завода в Вербилках, изготовленного в начале второй половины XX века.

Неудивительно, что и первые авиационные рекорды в северных широтах были установлены советскими летчиками. В 1936 году над всей трассой Северного морского пути осуществил пролет летчик Молоков В. С. Маршрут Москва – остров Рудольфа – Москва покорил М. В. Водопьянов, а 1937 год ознаменовался подвигом В. П. Чкалова, который совершил перелет через всю Арктику к берегам Северной Америки. Этим событиям посвящена ваза «Перелет через Северный Полюс», выполненная И. И. Ризничем в 1936 году [Носович, Попова, 2005]. Интересен тот факт, что, казалось бы, ваза Ризнича посвящена подвигу экипажа Чкалова по перелету в Америку – на это может указывать самолет, изображенный на декоре. Этот аппарат трудно спутать с другими машинами: одномоторный моноплан АНТ-25 конструкторского коллектива А. Н. Туполева с широко раскинутыми красными крыльями, которые непропорционально велики по отношению к фюзеляжу, величаво парит над арктическими просторами, а под крылом гордо красуется белая надпись «USSR». Именно на таком самолете экипаж выдающегося советского летчика совершил свой беспосадочный перелет

³Арктический самолет АРК-5. Сайт «Авиару.рф». URL: <http://авиару.рф/aviamuseum /aviatsiya/sss/transportno-passazhirskie-samolety/1920-e-1940-e-gody/arkicheskij-samolet-ark-5/?ysclid=lc6blf6sr7241329977> (дата обращения: 27.12.2022).

⁴Интернет-музей полярной авиации. URL: https://polaraviation.ru /museum_polar_aviation/samolety_polyarnoj_aviacii?ysclid=lc6cb54wzj422564416 (дата обращения: 27.12.2022).

⁵Да здравствуют Герои Советского Союза / газета «Комсомольская правда», вып. 94 от 21 апреля 1934 г.

длиной в 11,5 тыс. километров. Однако фарфоровое произведение выполнено еще за год до полета. В 1936 году машина подобного рода уже поднималась в воздух под руководством Чкалова, но для установки другого рекорда. В июле 1936 года экипаж, в который, помимо командира, входили второй пилот Г. Ф. Байдуков и штурман А. В. Беляков без единой посадки перелетел по маршруту Москва – остров Удд (о. Чкалов). Полет проходил пол территории заполярья¹. Поэтому, можно сделать вывод, что «Перелет через Северный полюс» запечатлел в себе картины именно этого подвига.

В то же время, первый трансатлантический перелет ярко и информативно отражен на чайной паре выдающейся художницы Дмитровской фарфоровой фабрики А. А. Чекулиной. Созданное ей произведение «Беспосадочный перелет Москва – Северный полюс – Сан-Джасинто»² содержит в себе весьма подробное описание подвига: с одной стороны чашки нарисована географическая карта Северного полушария с нанесенным красной линией маршрутом перелета и указаниями точных географических названий ключевых мест, над которыми пролетал экипаж. С другой стороны – расположен фотографически точный портрет участника событий – летчика Г. Ф. Байдукова. На блюдце красуется всё тот же краснокрылый АНТ-25.

Следующим значимым событием, произошедшим на фронтах покорения Заполярья, явилась экспедиция в составе знаменитого советского исследователя и моряка И. Д. Папанина, метеоролога и геофизика Е. К. Фёдорова, радиста Э. Т. Кренкеля, гидробиолога и океанографа П. П. Ширшова, а также собаки по кличке Веселый на дрейфующей станции «Северный полюс-1». С июня 1937 года по февраль 1938 года советские ученые проводили впервые в мире фундаментальные научные исследования Севера. Черты трагичности и опасности экспедиции придавало стремительное таяние и растрескивание льдины, которая почти в течение года являлась их пристанищем. Большинство граждан Советского Союза внимательно следило за радиосводками о судьбе папанинцев, а также за операцией по их эвакуации.

Возвращение героев на большую землю сопровождалось народными гуляниями, письмами и стихами в их честь. Руководство страны приняло решение присвоить всем четырем полярникам звание

Героя Советского Союза, а научное сообщество – степени докторов географических наук. Мастера по фарфору решили поздравить исследователей своим творчеством. Н. Ф. Даладугин, будучи на тот момент самым старшим сотрудником ЛФЗ, подарил Папанину, во время его визита на завод, скульптурную композицию «Папанин с псом по кличке Веселый» – произведение Н. Я. Данько. Позже Данько была выполнена еще одна тематическая работа, отобразившая всех участников экспедиции. Ее прообразом стала фотография, напечатанная в газете «Правда» (от 16 марта 1938 года)³.

В целом, начало освоения Северного Морского пути породило новые подвиги советских моряков, желавших покорить ледовую стихию. В это время начали формироваться новые профессии полярного летчика, моряка-полярника. Массово появлялись новые классы кораблей – ледоколы. Всё это положило начало зарождению темы покорения Арктики советским человеком и задало тематический вектор для ДПИ.

АКТИВНАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЗАПОЛЯРЬЯ

Совместно с первыми арктическими успехами встал вопрос строительства инфраструктуры на севере страны. Необходимо было создать базу, которая станет отправной точкой для исследований, а также постоянным местом жительства ученых, моряков, нефтяников, горнодобытчиков, полярных летчиков и представителей других профессий. Амбициозный Советский Союз не ограничился временными объектами инфраструктуры – он решил отстроить целый город на когда-то «мертвой», покрытой вечной мерзлотой земле.

Таким городом стал Хибиногорск (г. Кировск) и г. Апатиты. Процессу строительства данных населенных пунктов посвятила ряд своих работ мастер Т. Н. Безпалова-Михалева, которая жила там и своими глазами видела все процессы. Примерами являются сервизы «Хибиногорск» (1934), «Кировский апатит», «Кировск», «Песцовый совхоз» (1935) [Шипова, 2020].

Данная тематика не была выбрана художницей случайно. Ее жизнь непосредственно связана с Заполярьем. Супруг Тамары Николаевны, Б. Н. Михалёв, был инженером-проектировщиком объектов энергетической инфраструктуры Севера, а брат мужа осуществлял геологоразведку хибинских недр. Поэтому изображения, созданные на фарфоре художницей, имеют высокую историческую достоверность и точность [Шипова, 2020].

¹Многоцелевой самолет для дальних перелетов АНТ-25 (РД). Цифровой музей «Авиару.рф». URL: <http://авиару.рф/aviamuseum/aviatsiya/sssр/samolety-spetsnaznacheniya/rekordnye-letatelnye-apparaty/mnogotsелеvoj-samoleт-dlya-dalnih-pereletov-ant-25-rd/?ysclid=le89pv2tq6259790135>. Дата обращения: 17.02.2023 г.

²Чашка с блюдцем с портретом летчика Г.Ф. Байдукова / Сайт «Госкаталог». URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=466372>. Дата обращения: 17.02.2023

³Там же.

За основу «Хибиногорска» взята форма «Наркомпрос». На предметах сервиза можно увидеть крытые деревянные конструкции – своеобразные фойе бремсбергов – наклонных искусственных полостей в земной коре, образуемых в результате ведения горных работ¹. Из него выезжают вагонетки с горными породами, изображенными в стилизованной под драгоценные камни форме. На самом деле, в регионе были обнаружены значительные запасы апатита, который является важным сырьевым минералом в производстве фосфорных сельскохозяйственных удобрений, фосфора и фосфорной кислоты. Его и сегодня широко используют в черной и цветной металлургии, в производстве керамики и стекла. Из этого многообразия сфер применения можно понять насколько он важен для промышленности страны. Кроме того, скелет человека, в основном, состоит из минералов группы апатитов. Поэтому художница и изобразила его, как драгоценный камень.

Другой сервиз работы Л. В. Протопоповой «СССР за полярным кругом» (ЛФЗ) демонстрирует своеобразный диалог между первозданной природой Севера с ее обитателями, с одной стороны, и зарождающейся жизнью советских граждан, активно осваивающих данную территорию – с другой. Здесь красуются и штормовые волны Северного Ледовитого океана, и Северное сияние, и тюлени, и первые жители, прибывшие на самолете полярной авиации, с развернутым праздничным транспарантом, а также первые деревянные бараки, которые как бы говорят «мы здесь надолго».

МАРКЕРЫ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: БЕЛЫЕ МЕДВЕДИ И ПИНГВИНЫ

Сервиз «Северные звери» – продолжение творчества Протопоповой, где она написала образы коренных обитателей северных территорий. Вообще, с прибытием советского гражданина в Арктику, советские интерьеры начали наполняться фарфоровыми белыми медведями, тюленями, морскими котиками, лисицами и т. д. Большой вклад в этот процесс сделал мастер ЛФЗ Б. Я. Воробьев, который создал больше ста моделей разнообразных животных. Любимцами общества стали его Белые медведи, в особенности «Белый медведь идущий» и «Белый медведь присевший», созданные в конце 1950-х годов. Замечателен тот факт, что силуэты именно его медведей вошли в состав

художественной композиции одной из самых старых кондитерских Санкт-Петербурга «Север»².

Другой знаковой работой является продолжение традиции фарфоровых шахмат. По образу и подобию знаменитого шахматного набора «Красные и белые», изготовленного в начале 1920-х годов Н. Я. Данько, ее ученицей и мастером ЛФЗ, З. О. Кульбах, в середине 1930-х годов исполнен набор шахмат «Звери Севера и Юга», где звери Юга – представители африканского региона, а Севера – жители Заполярья: всё те же медведи, олени и лисицы, а также белки³.

Говоря об отражении успехов Советского Союза в покорении Северного полюса и примыкающих к нему территорий в декоративно-прикладном искусстве, невозможно не упомянуть о географически диаметрально противоположных свершениях советской России. Во второй половине XX века, приобретая значительный опыт по проведению исследований в условиях высоких широт, советские ученые направили часть своих усилий на изучение такой далекой и загадочной Антарктики.

Официальное открытие первой советской научной станции в Антарктиде – обсерватории «Мирный» состоялось 13 февраля 1956 года. Вокруг нее возник целый поселок, сразу ставший одним из крупнейших в регионе. Станция и по сегодняшний день является одним из ключевых узлов в системе антарктических исследовательских центров.

Одним из главных символов Арктики являются их местные обитатели – пингвины. Из всего семейства этого вида птиц в Антарктиде обитают пингвины Адели и Императорские пингвины. Они и стали символом новых успехов Страны Советов, «лучшими друзьями советских граждан», а также прообразами для художников декоративно-прикладной отрасли. Ярким примером тому является «Пингвин» работника ЛФЗ П. П. Веселов⁴. В его произведении изображен детеныш Императорского пингвина. Краской автор сумел создать визуальный эффект шерстяного покрова, который еще не до конца сошел с туловища особи и свидетельствует о ее юном возрасте. Другим создателем обитателей Антарктики в фарфоре явился художник Конаковского фарфорового завода имени М. И. Калинина Г. Б. Садилов, в работе которого изображены уже зрелые представители водоплавающих птиц.

²Под прозрачным льдом глазури. Фарфор Петербурга / каталог выставки «Поднесение к рождеству». СПб.: «Славия», 2017.

³Сайт «Госкаталог». URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=7476233>. Дата обращения: 24.03.2023 г.

⁴Пелинский И. А., Сафонова М. А. Советский фарфор 1917–1991. Иллюстрированный справочник-определитель с марочником заводов и ценами. М.: Любимая книга, 2012.

¹Бремсберг. Горная Энциклопедия. URL: <http://www.mining-enc.ru/b/bremberg/?ysclid=1delimzrqg742696785>. Дата обращения: 27 января 2023 года.

Не менее ярким и замечательным получился кофейный сервиз Башкирского завода фарфоровых изделий с одноименным названием «Пингвин». Завод основан в 1963 году, как раз в период начала антарктических свершений. Поэтому кофейный набор стал одним из первых произведений местных мастеров по фарфору. Кофейник, молочник и кофейные пары выполнены в одном стиле: задняя часть черная, передняя – белая, а снизу тонкая дугообразная алая полоска. Совокупность данного декора создает впечатление, что кофейник и молочник – это пингвины мама и папа, а чашки – маленькие пингвинята. Вместе с тем, и сегодня есть продолжатели антарктической традиции в фарфоре. Одним из представителей является скульптор И. А. Асиновский, который в 2008 году создал целую композицию, посвященную Императорским пингвинам¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом, период появления арктической тематики в советском фарфоре совпадает с эпохой начала активного освоения Советским Союзом территорий Заполярья. Сам фарфор служил

¹Официальный сайт сообщества художников «Мастер красок». URL: http://www.artlib.ru/index.php?id=11&idp=0&fp=2&uid=3730&iid=153022&idg=8&user_serie=0&ysolid=ifsnnxv8qd951757333 (дата обращения: 27.03.2023).

инструментом аттракции общественного внимания на важных для государства направлениях. К ним относятся покорение Арктики и Антарктики. Впервые в истории на декоре сервизов появились ледоколы и полярная авиация. Отразились в творчестве художников и новые общественно-значимые профессии полярного исследователя и полярного летчика.

Свое воплощение в фарфоровых образах получили и представители местной фауны, главными из которых являются Полярные медведи. После начала мероприятий по освоению Антарктики, в ассортимент продукции фарфоровых производств по всей стране вошли и пингвины – неизменные символы новых советских свершений. Данный процесс стал причиной неожиданного феномена: представители разных полюсов, пингвины и белые мишки, наконец-то получили возможность встретиться хотя бы и в интерьерах квартир граждан Советского Союза.

Все эти мероприятия были призваны воспитывать в советских гражданах чувство гордости за свершения своей страны, формировать образ далекого и неизведанного Заполярья, что, в свою очередь, побуждало граждан страны вносить посильный вклад в развитие отдаленных регионов, а также способствовать научно-техническому прогрессу страны в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комарова Н. Е., Мякокина О. В. Памятники истории и культуры как свидетельства утверждения России в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2015. Вып. 4. С. 85–96.
2. Емелина М. А. Экспедиция ледокола «Красин» 1928 г. в советской пропаганде конца 1920-х – начала 1930-х гг. // Полярные чтения – 2021 Художественное освоение Арктики: полярные регионы в культуре, искусстве и философии: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2021 г.). М.: Паулсен, 2022. С. 97–123.
3. Ананьев Д. А. История освоения Российской Арктики и Северного морского пути в XX веке в освещении отечественной и зарубежной (англоязычной) историографии: основная проблематика исследований // Исторический курьер. 2022. Вып. 3(23). С. 222–237. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-16.pdf>
4. Турков А. А. Челюскинская эпопея 1934 года как ключевой элемент советской пропаганды освоения Арктики // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2017. Вып. 2 (55). С. 37–44.
5. Носович Т. Н., Попова И. Н. Государственный фарфоровый завод 1904–1944 (Под научной редакцией В. В. Знаменова). СПб.: Санкт-Петербург Оркестр, 2005.
6. Шипова М. А. Промышленное чудо советских Хибин в зеркале ленинградского фарфора // Горный журнал. История горного дела. Культура. 2020. Вып. 9. С. 112–121.

REFERENCES

1. Komarova, N. Ye., Myakokina, O. V. (2015). Pamyatniki istorii i kul'tury kak svidetel'stva utverzhdeniya Rossii v Arktike = Historical and cultural monuments as evidence of Russia's establishment in the Arctic. Moscow University Bulletin. Series 8: History, 4, 85–96. (In Russ.)

2. Emelina, M. A. (2022). Ekspeditsiya ledokola «Krasin» 1928 g. v sovetskoj propagande kontsa 1920-kh – nachala 1930-kh gg. = The expedition of the icebreaker «Krasin» in 1928 in the Soviet propaganda of the late 1920s – early 1930s. // Polyarnye chteniya – 2021 Khudozhestvennoe osvoenie Arktiki: polyarnye regiony v kul'ture, iskusstve i filosofii: The digest of articles of an international scientific conference. (In Russ.)
3. Anan'ev, D. A. (2022). The 20th century history of the Russian Arctic and Northern Sea route development in the Russian and foreign (English-language) historiography: key research problems. Istoricheskii Kurier, 3 (23), 222–237. <http://www.istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-3-16.pdf> (In Russ.)
4. Turkov, A. A. (2017). The epic of the Chelyuskin expedition of 1934 as a key element of Soviet propaganda of polar exploration. The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 2(55), 37–44. (In Russ.)
5. Nosovich, T. N., Popova, I. N. (2005). Gosudarstvennyi farforovyi zavod 1904–1944 (Pod nauchnoi redaktsiei V.V. Znamenova) = The State Porcelain Factory in 1904–1944 (Under the scientific editorship of V. V. Znamenov). St. Petersburg: Sankt-Peterburg Orkestr. (In Russ.)
6. Shipova, M. A. (2020). Promyshlennoe chudo sovetskikh Khibin v zerkale leningradskogo farfora = The industrial miracle of Soviet Khibiny in the mirror of Leningrad porcelain Gornyj zhurnal. Istorija gornogo dela. Kul'tura, 9, 112–121. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукьяненко Егор Вячеславович

аспирант Института философии

Санкт-Петербургского государственного университета

Консультант проректора по стратегическому развитию и партнерству

Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lukyanenko Egor Vyacheslavovich

Postgraduate student of the Institute of Philosophy

of Saint Petersburg State University

Consultant to the Vice-Rector for Strategic Development and Partnership

of Saint Petersburg State University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	23.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	28.01.2024	
	17.02.2024	

Образ материнства как архетипический элемент православия в художественной культуре Советской России

Е. С. Сергеева

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ekaterinaserge95@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается образ материнства как архетипический элемент православия в советской культуре. Анализируются работы советских художников начала 20-х годов – конца 80-х годов XX века. Также в работе рассматривается регулятивная функция архетипических образов в советской художественной культуре как реорганизация исконных русских традиций в новом обществе. Делается вывод о неизменности архетипических образов православия в атеистической культуре.

Ключевые слова: архетипический образ, архетип, православие, советская культура, традиции, атеистическая культура

Для цитирования: Сергеева Е. С. Образ материнства как архетипический элемент православия в художественной культуре Советской России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 3 (884). С. 163–170.

Original article

The Image of Motherhood as an Archetypal Element of Orthodoxy in the Artistic Culture of Soviet Russia

Ekaterina S. Sergeeva

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ekaterinaserge95@gmail.com

Abstract. The article examines the image of motherhood as an archetypal element of orthodoxy in Soviet culture. The works of Soviet artists of the early 20s and up to the late 80s of the 20th century are analyzed, and the regulatory function of archetypal images in Soviet artistic culture as a reorganization of native Russian traditions in the new society is considered. The conclusion is made about the invariability of archetypal images of Orthodoxy in atheistic culture.

Keywords: archetypal image, archetype, Orthodoxy, Soviet culture, traditions, atheistic culture

For citation: Sergeeva, E. S. (2024). The image of motherhood as an archetypal element of Orthodoxy in the artistic culture of Soviet Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(884), 163–170.

ВВЕДЕНИЕ

Православие является основой духовной культуры России и источником ее самобытности. Приняв византийское христианство, русский народ избрал его «кенотическую» черту, которая заключается в стремлении следовать за Христом даже в Его унижении и страданиях [Федотов, 2014]. Так, в русском народном сознании запечатлелись евангелистские черты Иисуса Христа и его последователей: любовь к людям, аскетизм, жертвенность, сострадание, милосердие. Эти кенотические особенности легли в основу всей русской культуры, воплотившей архетипические образы православия. Они присутствуют в лучших художественных произведениях разных периодов русской истории.

Исследование структурных единиц архетипа позволяют выявить новые грани архетипических образов в русском изобразительном искусстве, одним из которых является материнство.

Архетипический образ материнства, проникнут христианской любовью, целомудрием, состраданием, аскезой стал эталонным в русской художественной культуре со времен принятия христианства. Даже в суровые годы богоборчества и атеизма, этот образ вдохновлял художников на создание нетленных полотен, воспевающих чистоту и святость материнства во всей полноте его подвига жертвенной любви до самоотречения, мужества и стойкости перед невзгодами, испытаниями и перед лицом смерти. Этот эталонный образ представлен на таких полотнах, как «Петроградская мадонна», «Родина-мать», «Партизанская мадонна», «Пьета» и др.

Цель исследования – на примере работ К. С. Петрова-Водкина, С. В. Чехонина, И. М. Тоидзе, С. В. Герасимова, М. А. Савицкого, А. Г. Слепкова выявить неизменность архетипических образов материнства, сформировавшихся в лоне православной культуры, в условиях господства советской атеистической идеологии.

АРХЕТИП ПРАВОСЛАВИЯ: ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА

В основе каждой религиозной традиции заложен уникальный архетип. Понятие архетип содержит корень *архе-*, который свидетельствует о первоначале, о первозданности этих бытийных форм, а слово «тип» указывает на печать [Позов, 2008]. Онтологическая природа архетипа исследована представителями античной философской мысли: Платон рассматривал архетип как идею, как совершенство, Аристотель – в качестве логоса. В христианстве архетип рассматривается как прообраз

Логоса-Христа – идеальности, которая присутствует в уме и сердце каждого человека. Климент Александрийский видел в архетипе мистическое переживание под оком Логоса-Христа. Иеромонах Иосиф Вриенний (Бриенский) рассматривал архетип как совершенное свойство просветления человеческой души и ее уподобление Богу. И напротив, Карл Юнг исследовал архетип в человеческих инстинктах. Осознание и восприятие архетипического содержимого Юнг ставил в связь с развитием личности: чем выше и совершеннее личность, тем совершеннее сознание архетипа. Сумма архетипов, по Юнгу, является латентными возможностями человеческой души, огромный и неисчерпаемый материал древнего знания о глубоких взаимоотношениях между Богом, человеком и миром [цит. по: Позов, 2008]. Следовательно, архетипы являются первоначальными идеями, которые становятся явными независимо от религиозности человека.

Многообразие архетипов составляют один совершенный архетип, который проявляется в культурном коде народа. В наборе ценностей и смыслов зарождается социальный архетип. Социальный архетип русского народа формировался в лоне православия и на протяжении многих веков он остается неизменным ценностно-смысловым ядром русской культуры. Определение сущности социального архетипа исследует В. Д. Лаза в своем научном труде «Православие в современном мире: ценности и архетип»: «В основе православия как социального феномена, как особой традиции также лежит особый архетип. Понять этот архетип возможно чрез анализ его трех взаимообусловленных структурных единиц. Эти единицы условно можно определить как эталонная личность, вечная детскость, идеальная социальность» [Лаза, 2012, с. 42].

ПРЕСВЯТАЯ БОГОРОДИЦА – АРХЕТИПИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СВЯТОСТИ МАТЕРИНСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Эталонным образом женщины-матери в христианстве является Пресвятая Богородица, Мать Иисуса Христа. Христианам близка идея жертвенности, воплощенная в святом образе Божией Матери и ее любви ко всем людям. И в церковном, и в народном понимании Богородица выступает как Заступница Усердная и Дева Пресвятая, защищающая землю и всех живущих на ней от всякого зла, скорбей и болезней, покрывающая всех обратившихся к Ней святым своим омофором. Личность Пресвятой Богородицы является прообразом материнства, сильного духа и смирения

в страданиях. Это восприятие Божией Матери особым образом проявилось в православной иконописной традиции, изображающей лик Богородицы, кротким и смиренным, будто озаренным Невечерним светом, вобравшим всю любовь и всю боль земную и небесную. Поэтому «мадонны» на полотнах живописцев разных эпох стали символом вечной жизни и святости материнства.

В русском изобразительном искусстве архетипический образ материнства остался неизменным даже в годы господствующей атеистической идеологии. Образ женщины-матери, Родины-матери, в советской культуре сохранял сакральное и нумерозное содержание, отсылающее к иконописной Богородице.

До XX века русское общество развивалось в лоне православного мирозерцания, так как православие оставалось неотъемлемой частью повседневной жизни. Социальная сплоченность достигалась за счет богобоязненности, жизни по заповедям, целомудрия. Несмотря на социальные различия, каждый человек воспринимался как образ Божий, каждый с детства хранил в себе теплые воспоминания о церковных таинствах и праздниках, радость искренней веры. Из этих фрагментов воспоминаний и складывается архетипический образ православного детства, младенчества во Христе, связанный с чистотой и открытостью миру, которая достигается за счет целомудрия. Образ детства исследует в своих работах В. Д. Лаза: «На протяжении многих столетий после принятия христианства Древняя Русь хранила эту детскую, «сердечную веру» [Лаза, 2002, с. 44]. В Евангелие от Матфея есть строки: «...И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (13:8). Призыв «будьте как дети» обозначает стремление к исцелению души от

греховных страстей, к целостности, к Вечности через аскезу и соработничество Богу. Именно поэтому, русскому народу «тысячелетнему младенцу во Христе» был всегда так близок и образ Пречистой Богородицы. Ведь самое первое, что видел человек, входящий в православный храм, это образ юной Девы и Вечного Младенца Христа.

Православные архетипы материнства и детства являются прочной духовной основой, личности воспитанной в пространстве русской культуры. Совокупности этих архетипов соответствует внутренний стержень русской жизни, который не смогли уничтожить чуждые русскому народу идеологии.

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ ПРАВОСЛАВИЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Россия столкнулась с кардинальной перестройкой общества в годы Февральской и Октябрьской революции 1917 года. Вынужденной мерой в борьбе с «проклятым прошлым» стала ликвидация прежних духовных ценностей, разрушение храмов, религиозных памятников. Образовавшуюся пустоту заполняли пропагандой [Щекотов, 1926].

В качестве пропагандистского инструмента выступал политический плакат. Революция внесла раскол не только в отношения государства и церкви, но и в семейные отношения тоже. Обществу требовалась пропаганда – яркие, броские, плакаты в стиле модерн, понятные и доступные рабочим, и крестьянам. Создание политического плаката советской эпохи связано с именами Дмитрия Моора и Александра Апсита, известного карикатуриста. В годы революции плакат выполнял воспитательную функцию. Согласно А. Я. Флиеру,

Рис. 1. Петроградская мадонна

Рис. 2. Портрет матери

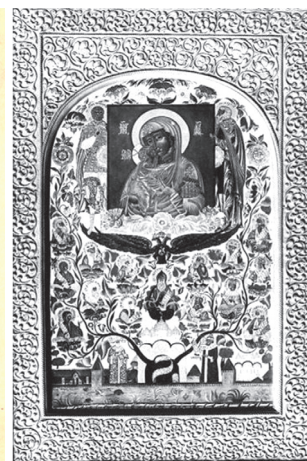

Рис. 3. Икона Федоровской Божией Матери

Рис. 4. Богоматерь с младенцем

Рис. 5. «Родина-мать зовет!»

наиболее важной функцией культуры является регуляция нормативного социального поведения людей, соответствующего исторически сложившимся порядкам, а символическая деятельность культуры поддерживает человека в новых реалиях, приучает человека к упорядоченной жизни по этим правилам, манифестирует, репрезентирует и даже сакрализует рекомендуемое мировоззрение и поведение [Флиер, 2014].

Вышеперечисленные задачи и выполняли новые художественные объединения советской эпохи, создавшие новое искусство, понятное и доступное народным массам. В первые годы советской власти, когда государство пребывало в состоянии революционной борьбы и противостояло белому движению, в искусстве появилась тенденция патетики – воспевание революции,

возвышенное изображение революционного нарратива с традиционным контекстом.

В это время появляются полотна К. С. Петрова-Водкина, который работал в художественном объединении «Мир искусства», одно из них «1918 год в Петрограде», со временем получившее название «Петроградская мадонна» (см. рис. 1). На картине изображена женщина с младенцем на руках, по сути воплощающая архетипический образ пречистой матери. Женщина изображена, словно Богородица, в иконописной традиции: светлый чистый лик, красный мафорий на плечах – иконописный символ, олицетворяющий в христианстве тело и кровь Сына Божьего. Образ кормящей матери, изображенный на фоне продовольственных очередей, – классическая картина того времени. В этом образе заключается патетика революции: возвышенная

Рис. 6. За Родину-мать!

Рис. 7. Августовская икона Пресвятой Богородицы

фигура «мадонны», матери-покровительницы, над простым народом, который переживает тяготы государственного переворота. Картина «Петроградская мадонна» наполнена духовным смыслом и является иконой революционного времени, так как символическая функция картины раскрывает православное мировоззрение, а архетипический образ материнства несет в себе аксиологическую функцию. Он напоминает о неразрывной связи человека с Богом: даже в самые трудные, почти апокалиптические, времена Мать Божия защитит и заступится за каждого.

Другой по настроению, не менее важный архетипический образ матери присутствует в работе С. В. Чехонина «Портрет матери» (рис. 2), написанный в стиле «советского ампира». Графика Чехонина известна остротой и сухостью, внимание художника направлено на фиксацию линий, очертаний, контуров. В его работах присутствует византийское влияние, декоративное чутье, тонкий художественный такт [Графическое искусство в СССР, 1927]. В работе революционного периода «Портрет матери» прослеживаются черты монументальной и иконописной живописи, чтобы консолидировать советскую монументальность и исконно-русскую иконописную традицию.

Портрет матери Чехонина сопоставим с Федоровской иконой Божьей матери (см. рис. 3), которую художник написал в 1913 году в майоликовом стиле и приурочил к трехсотлетию Дома Романовых. Как отмечает А. Никольский, «Чехонин – мастер монументально-декоративной живописи». Он подчеркивает, что художник не создавал точные копии известных произведений, а адаптировал оригиналы для вполне конкретной цели [Никольский, 2014, с. 323]. Богородица на майоликовой картине Чехонина и портрет его матери содержат идентичные черты: наклон головы Богородицы выражает материнскую любовь и поклонение Христу, прикрытые веки обозначают покорность, выражение лица, наполнено печалью и смирением. Эти символы создают архетипические богородичные черты в набожном и богобоязненном образе матери Чехонина, встретившей революцию в почтенном возрасте, когда новые устои не смогут противостоять житейской мудрости.

Н. И. Щекотов писал, что «в стабильные 20-е годы русская культура выходит на новый уровень, искусство должно быть понятным и доступным, а все художественные сокровища прошлого подлежит взвесить новым мерилем» [Щекотов, 1926, с. 8]. В качестве нового мерилы выступила резолюция В. И. Ленина о пролетарской культуре. Согласно данному историческому документу, следовало не выдумывать новую пролетарскую

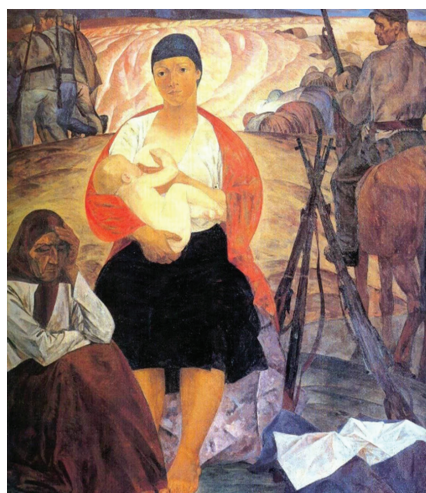

Рис. 8. Партизанская мадонна

Рис. 9. Клятва

Рис. 10. Снятие со Креста

Рис. 11. Пьета

Рис. 12. Не рыдай Мене, Мати

культуру, а развивать лучшие образцы и традиции существующей культуры с точки зрения мирозерцания марксизма [Ленин, 1980, т. 2, с. 173].

В середине 20-х годов образ материнства остается неизменным, о чем свидетельствует работа К. С. Петрова-Водкина «Богородица с младенцем» (см. рис. 4). Стилистика картины раскрывает образ Богородицы, склонившейся над уснувшим (умершим?) младенцем, а позади образа Богородицы можно рассмотреть страдающие детские души – детские судьбы, поломанные революцией и войной. Значит ли это, что в годы революции и гражданской войны Бог оставил Россию, умер, либо уснул на время? Картины Петрова-Водкина написаны в иконописном стиле, они существовали в советской культуре наряду с аллегорическими картинами авангарда и карикатурными плакатами.

С первых дней Великой Отечественной войны главной фигурой сурового военного времени стал образ Родины-матери: монументальная женщина в развевающемся красном одеянии с плакатов призывала советский народ сплотиться перед лицом смертельной опасности и вставь на защиту своей Родины под лозунгом «Родина-мать зовет!» (см. рис. 5). Фигура Родины-матери стала эталонным образом в годы Великой Отечественной войны, ведь Родина и мать, в сознании русского народа образы неразделимые.

Архетипический образ материнства присутствует на плакате Ираклия Тоидзе «За Родину-мать!» (см. рис. 6). Концепция плаката соизмерима с Августовской иконой Пресвятой Богородицы (см. рис. 7), которая покровительствовала российским войскам в Первую мировую войну и помогла одержать победу над Германией под городом Августом. Икона Августовской Пресвятой Богородицы благословляла христоролюбивых российских воинов на сражения и является знаком постоянного присутствия Пресвятой Богородицы

в жизни русского народа. Образ Родины-матери содержит архетипические элементы Богородичного образа: Августовская Богородица указывает рукой на Запад, Родина-мать также указывает по направлению к Западу, ведь 1943 год отмечен освобождением оккупированных советских территорий и наступлением Красной армии на Берлин. Важным моментом является наличие воинов рядом с Богородицей, которая их защищает, благословляет и дает предзнаменование успеха дальнейших военных действий Красной армии. На плакате Тоидзе рядом с Родиной-матерью советские воины, которые также следуют указанию их покровительницы в лице Родины.

Реинтерпретация образа Богородицы прослеживается на картине М. А. Савицкого «Партизанская мадонна» (см. рис. 8). Канонический образ женщины с младенцем, на фоне уходящих на войну партизан, символизировал защиту тех, кто остался в тылу врага. С другой стороны, мадонна с младенцем олицетворяет мирную атмосферу домашнего очага, который не сможет разрушить даже война.

«Партизанская мадонна», как Богородица Заступница Усердная рода христианского, окутывает страждущих и уязвимых материнским теплом, и рядом с ней каждый чувствует себя спасенным от войны. Художник Савицкий изображал на своих полотнах многочисленные трагедии военных лет, уделяя особое внимание материнской скорби – женскому подвигу в годы борьбы с врагом. Одна драматическая история матери, потерявшей сына на войне, описана на картине «Клятва» (см. рис. 9).

Женщина, склонившаяся над телом погибшего бойца, своего сына, олицетворяет образ Богородицы в евангельском сюжете о снятии тела Иисуса со креста после распятия и погребение его (см. рис. 10). Образ Богородицы, оплакивающей распятого сына, но не сломленной даже таким тяжелым испытанием, отпечатался в обликах

всех солдатских матерей. На картине изображены солдаты, дающие клятву матери – сражаться за казненного товарища, за свободу своей Родины. Аллюзию крестной жертвы дают виселицы на заднем плане картины. Консолидация русских людей объединенных общей бедой, и общей целью – победить, является еще одной фундаментальной ценностью русской культуры, ибо «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих!» (Иоанн 15:13)

Архетипический образ Богородицы, оплакивающей распятого Христа, иллюстрирует материнское горе потери сына. В середине 80-х годов XX века, спустя сорок лет после окончания Великой Отечественной войны, архетипический образ оплакивающей «мадонны» воссоздавался советскими художниками на живописных полотнах. Образ матери, не смилившейся с гибелью сына, даже через много лет после окончания войны, изображен на картине А. Г. Слепкова «Пьета» (см. рис. 11). В переводе с латинского «Пиета» обозначает «жалость». Сюжет картины отсылает к иконописным образам Богородицы у снятого с креста Спасителя «Не Рыдай Мене, Мати» (см. рис. 12) в православной иконографии. Картина посвящена всем павшим за

Родину русским войнам, которые не умерли, а как будто уснули на время и всем матерям, потерявшим своих сыновей на войне. Тем самым, сюжет картины раскрывает архетипический образ святой материнской любви, жертвенного служения и невообразимых масштабов материнского горя и скорби, но и надежды на Воскресение и Жизнь Вечную. Солдаты, омытые материнскими слезами, как зерна, посеянные в землю, должны возродиться и дать начало новой жизни...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования было установлено, что архетипический образа материнства, сформировавшийся в лоне православной традиции, не перетерпел коренных изменений в годы советской власти. Изменялась только его форма, часто заключенная в оболочку пролетарской культуры, смысл и содержание образа материнства не изменились, сохранив свои архетипические черты святости, непреходящей любви, жертвенности, кротости, смирения, силы и вечной юности, все то, что веками хранилось в русской православной культурной традиции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. М.: Sam&Sam, 2014. Т. 7.
2. Позов А. Основы древнецерковной антропологии: в 2 т. СПб.: Изд. СПб. ун-та, 2008. Т. 2. Апокатастис.
3. Лаза В. Д. Православие в современном мире: ценности и социальный архетип. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2012.
4. Лаза В. Д. Мир детства в русской православной традиции: философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2002.
5. Щекотов Н. М. История искусства СССР: Новая Россия в искусстве. М.: АХРР, 1926.
6. Флиер А. Я. Культура как социально-регулятивная система и ее историческая типология // Культура культуры. 2014. № 22. URL: <http://www.cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology/>
7. Графическое искусство в СССР. 1917-х-1927 / В. В. Воинова [и др.]. Ленинград: Ленинградская академия художеств, 1927.
8. Никольский А. С. В. Чехонин – мастер монументально-декоративной живописи // Искусствознание. 2014. №1–2 (662) С. 318–342.
9. Ленин В. И. О воспитании и образовании: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 2.

REFERENCES

1. Fedotov, G. P. (2014). *Sobranie sochinenij* = Collection of works (vol. 7): in 12 vols. Moscow: Sam&Sam. (In Russ.)
2. Pozov, A. (2008). *Osnovy drevnetserkovnoj antropologii* = Foundations of ancient church anthropology (vol. 2. Apocastasis): in 2 vols. Saint Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russ.)
3. Laza, V. D. (2012). *Pravoslavie v sovremennom mire: tsennosti i sotsial'nyj arkhetyparkhetip* = Orthodoxy in the Modern World: Values and Social Archetype. Moscow: Tsentr strategicheskoy kon'yuktury. (In Russ.)
4. Laza, V. D. (2002). *Mir detstva v russkoj pravoslavnoj traditsii: filosofskij analiz* = The Peace of Childhood in Russian Orthodox Tradition: a Philosophical Analysis: PhD in Philosophy. Pyatigorsk. (In Russ.)

5. Shekotov, N. M. (1926). Istoriya iskusstva SSSR: Novaya Rossiya v iskusstve = History of art of the USSR: the new Russia in art. Moscow: AHRR. (In Russ.)
6. Flier, A. Ya. (2014). Kul'tura kak social'no-regulyativnaya sistema i ee istoricheskaya tipologiya = Culture as a socio-regulatory system and its historical typology. Culture of Culture, 22. <http://www.cult-cult.ru/culture-as-social-regulatory-system-and-its-historical-typology/> (In Russ.)
7. Voinova, V. V. et. al. (1927). Graficheskoe iskusstvo v SSSR. 1917-kh-1927 = Graphic Art in the USSR. 1917–1927. Leningrad: Leningradskaya akademiya khudozhestv. (In Russ.)
8. Nikol'skij, A. (2014). S. V. Chekhonin – master of monumental and decorative painting. Art History, 1-2(662), 318–342. (In Russ.)
9. Lenin, V. I. (1980). O vospitanii i obrazovanii = About upbringing and education (vol. 2): in 2 vols. Moscow: Pedagogika. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергеева Екатерина Сергеевна

аспирант кафедры мировой культуры
преподаватель кафедры французского языка переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergeeva Ekaterina Sergeyevna

Postgraduate student of the World Culture Department
Lecturer of the French Language Department
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	24.12.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.01.2024	
принята к публикации	17.02.2024	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 3 (884)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 3 (884)**

Ответственный редактор выпуска

Н. Н. Германова
доктор филологических наук, профессор

Executive editor

Natalia N. Guermanova
Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Редактор: В. А. Геронимус

Верстка: А. В. Алымов

Разработка макета: А. Алымов

Editor: V. A. Geronimus

Layout: A. V. Alymov

Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 28.04.2024

Усл. печ. л. 21.

Формат 60x90/8

Заказ № 32/24

Signed for print: 28.04.2024

Conventional printed sheets: 21.

Layout format 60x90/8

Order 32/24

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1

Тел.: (499) 245 33 23

Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034

Tel.: (499) 245 33 23

E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

© FSBEI HE MSLU, 2024

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».